

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт истории и международных отношений

А. А. Егоров

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

ЧАСТЬ I

АНГЛИЯ В ДРЕВНОСТИ И В СРЕДНИЕ ВЕКА

Учебник

для студентов высших учебных заведений

Под общей редакцией доктора исторических наук,
профессора кафедры зарубежной истории
и международных отношений
Института истории и международных отношений
В. Ю. Апрыщенко

Ростов-на-Дону –Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2018

УДК 94(420) (075.8)
ББК 63.3(4 Вел) я73
Е30

Рецензенты:

д.и.н., профессор Ярославского государственного
педагогического университета А. Б. Соколов;

к.и.н., доцент кафедры зарубежной истории и международных
отношений ИИ и МО Южного Федерального университета
Н. В. Ласкова

Егорov, А. А.
Е30 История Англии : в 2 ч. : учебник / А. А. Егорov ; под
общ. ред. В. Ю. Апрыщенко; Южный Федеральный уни-
верситет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Юж-
ного федерального университета, 2018.
ISBN 978-5-9275-2962-9
Ч. I : Англия в древности и в средние века. – 2018. –
228 с.
ISBN 978-5-9275-2940-7 (ч. 1)

Данное издание является первой частью учебника по исто-
рии Англии с древности до 2018 г. В настоящем учебнике речь
идет об истории Великобритании в период с древнейших вре-
мен до конца XVI в., в рамках которого рассматриваются про-
блемы экономического, политического, социального и культур-
ного развития Англии.

Издание адресовано студентам исторических факультетов,
всем интересующимся британской историей.

Публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-9275-2940-7 (ч. 1)
ISBN 978-5-9275-2962-9

УДК 94(420) (075.8)
ББК 63.3.(4 Вел)я73

© Южный федеральный университет, 2018
© Егорov А. А., 2018

Оглавление

Предисловие.	5
Тема 1. Британия до прихода англосаксов.....	7
1. Британия в древности.....	7
2. Походы Юлия Цезаря. Завоевание Британии римлянами.....	14
3. Британия под римским владычеством.....	29
Тема 2. Британия в период англосаксонского владычества... ..	35
1. Англосаксонское завоевание Британии в V-VII вв.	35
2. Англосаксонские королевства в Британии.....	41
3. Борьба с викингами.	49
4. Англия в период правления Альфреда Великого и его преемников.	51
Тема 3. Англия в эпоху средних веков.....	60
1. Нормандское завоевание Англии. Правление Вильгельма I.	60
Итоги нормандского завоевания.	60
2. Англия при преемниках Вильгельма Завоевателя.	68
3. Генрих II Плантагенет и его реформы.	76
4. Ричард Львиное Сердце. Иоанн Безземельный. «Великая хартия вольностей» и возникновение парламента.	82
5. Развитие Англии в XIII- первой половине XV вв.	90
6. Окончание правления Ричарда II. Развитие культуры Англии в средние века. Генрих IV и Генрих V. Завершение Столетней войны.	103
7. Англия накануне Войны роз.....	117
8. Война Алой и Белой роз. Установление династии Тюдоров.....	118
Тема 4. Англия в XVI веке.....	126
1. Социально-экономическое развитие Англии в XVI в.....	126

2.Английский абсолютизм в эпоху Тюдоров.	137
3.Английский Ренессанс.	197
Хронологическая таблица	208
Список источников и литературы.	213
Приложения	225

Предисловие

Автор любопытного современного путеводителя по Великобритании Эндрю Уиттакер, рассуждая об истории своей страны, писал: «Британская история – это целая сага, в ней есть все...». С этой оценкой трудно не согласиться. Историю Англии и в самом деле можно сравнить с сагой, «написанной» жителями Британских островов на протяжении четырех с лишним тысяч лет. Но дело, конечно, не только в этом, и, даже, наверное, совсем не в этом. Почтенный возраст английской государственности и многих ее институтов, как и национальная специфика, столь заметно выделяющая британцев среди прочих европейцев, разумеется, важны. Однако, куда важнее другое, а, именно, то, что Британия, по справедливому замечанию экспосла Великобритании в Российской Федерации сэра Энтони Расселла Brentона, «явилась колыбелью ценностей, на которых учился весь мир, и ее пример оказал на мир благотворное воздействие». В ходе своей многовековой истории британцы смогли, по его словам, «сформировать для себя систему социальных и политических ценностей, которым решили следовать ... многие страны». Как не менее справедливо, отметил редактор «Оксфордской истории Британии» Кеннет О. Морган: «История британского народа – это целый комплекс событий, иногда жестоких и революционных, в них всегда присутствует и распад, и резкие перемены как темпа, так и курса. Идея спокойного, непрерывного, эволюционного прогресса... в Англии, не говоря уже о бурной, изломанной ... истории кельтских народов, представляется ... не более чем мифом, пригодным лишь для исторической свалки... . Это драматическая, красочная, часто жестокая история многовекового общества и его культуры, вычленяемая из политической, экономической и интеллектуальной чехарды человеческого опыта. Британия во многих отношениях стала капитанской рубкой человечества».

В настоящем учебнике автор попытался представить путь, пройденный Великобританией в древности и в средние века, который, в общей сложности, насчитывает более трех с половиной тысяч лет.

По нашему мнению, в истории Британии этого периода довольно четко выделяются четыре основных этапа. Первый - Британия в древности (или Британия до прихода англосаксов. III тыс. до н.э. - V в. н.э.). Второй - Британия в период англосаксонского владычества (Раннее средневековье V-XI вв.). Третий - Англия в эпоху средних веков (Классическое средневековье XI - XV вв.) и четвертый - Англия в XVI в. (эпоха Тюдоров. Позднее средневековье).

Ведя речь об экономическом, социальном, политическом и культурном развитии Британии на всем этом огромном временном промежутке, автор постарался выявить и представить, по возможности подробно, специфику каждого из обозначенных выше этапов.

Особое внимание, на наш взгляд абсолютно оправданное, было уделено характеристике наиболее важных и значимых фигур британской истории, которые оставили заметный след в национальной истории Англии. К ним принадлежат, как полупо- легендарный король Артур, так и вполне реальные Альфред Великий, Эдуард Исповедник, Вильгельм Завоеватель и десятки других монархов, государственных деятелей, полководцев, ученых и деятелей культуры, с которыми неразрывно связана история Англии и английского народа в древности и в средние века.

Для лучшего понимания событий средневековой истории Британии в приложении приведены генеологические таблицы. Учебник снабжен хронологической таблицей, а также списком рекомендованных источников и литературы по истории Англии изучаемого периода.

Тема 1. Британия до прихода англосаксов

План

1. Британия в древности.
2. Походы Юлия Цезаря. Завоевание Британии римлянами.
3. Британия под римским владычеством.

1. Британия в древности.

Древнейший период в истории Британии стало возможным осветить благодаря данным археологических исследований, которые особенно интенсивно проходили в XX веке. «В давние времена, – писал У. Черчилль, – Британия была частью континента. Ее соединяла с Голландией широкая долина, где Темза и Рейн встречались и несли свои воды на север. После какого-то легкого сдвига земной поверхности, эта долина опустилась на несколько сот футов и открыла доступ океану к Северному и Балтийскому морям» (*У. Черчилль.*)

Геологи относят это к эпохам мезолита и неолита (т.е. ко времени обозначаемом 9–7 тысячами лет назад). В частности, современный английский историк Джереми Блэк пишет о том, что «по мере таяния льда поднимался уровень моря и около 6.500 лет до н.э. перешеек, соединявший Англию в южной части Северного моря, исчез». (*Дж. Блэк*)

Отделение Британских островов от континента привело к изменению климата, а это, в свою очередь, изменило флору и фауну островов: вместо тундры появились густые леса. Уже с этого периода замечается различие между северо-западными землями (там земли более гористые климат более влажный, почвы беднее, а скотоводство преобладает над земледелием и юго-восточными, где климат мягче) «...основное разграничение

в Англии проходит между более холодным, гористым севером и более теплым... низинным югом, более влажным западом и сухим востоком». (Дж. Блэк).

На всем протяжении английской и шотландской истории богатство и могущество были сосредоточены на юге и востоке», – замечает все тот же Дж. Блэк.

«Большая часть территории Великобритании характеризуется пересеченным рельефом. В северной части острова (Шотландия) возвышаются горы высотой от 840 до 1340 м. над уровнем моря. Северо-Шотландское нагорье отделено от Южно-Шотландского Средне-Шотландской неизменностью... Горные массивы покрывают почти всю западную часть острова, в особенности Уэльс и Корнуэлл. Среднюю часть Северной Англии занимают Пеннинские горы, которые отделяют Ланкаширскую низменность на западе от Йоркширской на востоке. Южная половина Великобритании представляет собой равнины, разделенные холмами и возвышенностями... Полноводные реки Великобритании покрываются льдом лишь в самые холодные зимы, и то на короткое время.... Самая длинная река – Северн (338 км) берет начало в горах Уэльса и впадает в Бристольский залив (на западном побережье), Ланкаширскую низменность пересекает Мерсей, впадающий в Ливерпульский залив. Главная река восточного побережья – Темза (336 км) течет по ... районам юго-восточной Англии. Средне-Шотландская низменность также богата реками; наиболее важные из них – Клайд (157 км), берущий начало на Южно-Шотландском нагорье и впадающий в залив Фёрд-оф-Клайд (западное побережье) и Форт, впадающий в залив Фёрд-оф-Форт (восточное побережье)» (Л. Е. Кертман). Около 2000 г. до н.э. (т.е. в самом начале III тыс.) на западе Британских островов высадились племена иберов. Иберы представляли собой «доиндоевропейское племя, некогда занимавшее большую часть Европы, но оттесненное воинственными индо-европейцами – италийцами, кельтами и германцами на запад, к Пиренейскому полуострову и Британии» (Т. В. Ковалевская, Ф. А. Вагизова, Е. В. Семенюк). Рыболовы,

охотники, скотоводы, они занимались также мотыжным земледелием. «Археологические раскопки на местах погребений (иберов – А. Е.) свидетельствуют об элементах социальной дифференциации у иберийцев. Селились они по склонам холмов, преимущественно в юго-восточной части страны. Здесь найдены крупные земляные и крупные каменные сооружения, между отдельными селениями были проложены сравнительно хорошие дороги. ... Горные районы были заселены сравнительно редко, да и на юго-востоке значительные площади оставались неиспользуемыми. Они были покрыты дубовыми и ясеневыми лесами, густым кустарником, произрастающим на сырой глинистой почве» (*Очерки истории Англии*).

Между 1800 и 1750 гг. до н.э. на Британские острова вторгается с континента народ альпийской группы (так называемый «народ чаш»), который высаживается в восточных и юго-восточных районах Британии. Характер возведенных ими круглых курганов и их керамика с зубчатым орнаментом, позволила археологам назвать их «народом чаш». Тогда же у них появились первые бронзовые орудия – топоры.

Около 1800 г. до н.э. (т.е. в эпоху неолита) широкое распространение получают мегалитические сооружения (от слова менгиры т.е. монолиты). По словам Дж. Блэка общее их число достигает одной тысячи на территории всей Англии, Шотландии и Уэльса. Монолитами (достигавшими до 7 метров в высоту) отмечались места погребений, границы между племенами; иногда они имели вид аллей, выложенных большими камнями, протяженностью до 120 метров. Как писала советская исследовательница В. В. Штокмар, назначение этих аллей «до конца не выяснено» (*В. В. Штокмар*).

Самые знаменитые из этих сооружений Стоунхендж и Эйвбери.

Стоунхендж, созданный где-то 4.500 лет назад представляет собой 82 пятитонных мегалита, 30 блоков по 25 тонн каждый и 5 трилитов по 50 тонн, находится на Солсберийской равнине, в 12 км от г. Солсбери в графстве Уилтшир, где-то в часе

езды от Лондона. Это круг из поставленных вертикально больших камней, обведенный валом и рвом. Любопытно, что эти «колоссальные камни – не местного происхождения; они были каким – то образом доставлены из Уэльса» (Т. В. Ковалевская, Ф. А. Вагизова, Е. В. Семенюк). В центре круга находятся огромные голубые камни, образующие своеобразную подкову, внутри которой лежит камень, возможно, служивший жертвенником. «Существует множество теорий, связанных со Стоунхенджем. ...В средние века бытовало мнение, будто его постройка – дело рук легендарного Мерлина. В XVII веке считалось, что среди гигантских камней собирались древние жрецы – друиды для отправления своих обрядов и принесения кровавых жертв» (К. Дэниел). Американский ученый Джеральд Хоукинс предположил, что Стоунхендж может быть был древнейшей обсерваторией. Это предположение не лишено оснований, так как «главная ось Стоунхенджа проходит через Пяточный камень с юго-запада на северо-восток и точно указывает на точку восхода солнца в день летнего солнцестояния» (К. Дэниел). Всего же существует около двухсот различных версий, пытающихся объяснить предназначение этого сооружения.

Эйвбери, «комплекс мегалитических святилищ и гробниц эпохи позднего неолита и ранней бронзы» (Т. В. Ковалевская, Ф. А. Вагизова, Е. В. Семенюк), находится неподалеку от Мальборо и является святилищем, состоящим из двух пар концентрированных кругов, соединенных аллеей из больших камней. Высота монолитов, окружающих круги составляет 6–7 метров. На территории второго круга, так называемого «святилища» археологи обнаружили древние погребения.

И Стоунхендж и Эйвбери находятся в Южной Англии и, как замечает Дж Блэк, для их сооружения «требовались, по крайней мере сотни тысяч человеко-часов» (Дж. Блэк).

В период с 1750 по 750 гг. до н.э. (время так называемого Бронзового века) в Британии значительное развитие получает добыча металлов: меди, золота. Начинается производство бронзовых орудий: топоров и мечей. Устанавливаются (где-то около 1000 г. до н.э.) торговые связи с финикийцами. «Торговые

маршруты связывали юг Ирландии и Корнуоллский полуостров с Гибралтарским проливом. Туда же по Средиземному морю плавали греческие и финикийские купцы. Эта широкая торговля и послужила двигателем панъевропейской культурной трансформации, известной под названием «бронзовый век» (*История Англии. Подробный справочник по истории*).

В конце Бронзового века появляется колесо, начинается интенсивная расчистка леса, появляются (в низинах) крупные поселения, на недоступных местах строятся крепости.

Профессор Коллингвуд следующим образом рисует картину позднего Бронзового века: «Британия в целом была отсталой страной по сравнению с континентом, примитивной, застойной и пассивной, получавшей большую часть плодов в результате вторжений и вывоза из-за морей. Ее население проживало либо изолированными хозяйствами (фермами), либо в деревнях, расположенных... на каменных берегах рек или на возвышенностях, таких как меловые холмы и...плато... каждое поселение окружали небольшие поля, возделываемые то ли сохой, ...то ли – в лучшем случае – легким плугом... умерших сжигали, а их прах сохраняли в урнах, закапывая на обычных кладбищах. Итак, на земле существовали предприимчивые племена, жившие земледелием и скотоводством. Дополнительными источниками для их существования служили охота и рыболовство... они делали грубые гончарные изделия без гончарного круга...».

В 800–700 гг. до н.э. на Британские острова «стали прибывать последовательными волнами скотоводческие племена, мало-помалу потеснившие иберов. Эти племена принадлежали к кельтской народности, занимавшей огромные территории в долине Дуная, к северу от Альп и в Галлии» (*А. Моруа*). Одно из кельтских племен называлось бритты. По словам Дж. Блэка «кельты пришли в Британию из Франции или из Германии, или из альпийских областей» (*Дж. Блэк*). По-видимому, «они (кельты) распространились по всей территории Британских островов, мирно смешивались с местным населением» – пишет В. В. Штокмар, подчеркивая в основном, «мирную ассимиляцию» кельтов

с коренными жителями. Попытавшись реконструировать процесс кельтских миграций на Британские острова, который был медленным и продолжительным, А. Моруа пишет по этому поводу следующее: «Какой-нибудь клан (кельтский – А. Е.) пересек Ла-Манш и устраивался на берегу моря, затем новый клан изгонял его и тот отходил немного дальше, в свой черед оттесняя местных жителей» (А. Моруа). «В долгом и медленном кельтском нашествии историки выделяют две основные волны: первую, состоявшую из гойделов и гэлов, которые дали свой язык, гэльский, Ирландии и шотландскому Хайленду, и вторую, состоявшую из бриттов, или притонов, чей язык стал языком валлийцев и французских бретонцев. ... Что касается наименований Britons или Prythons, то оно означало «страна татуированных людей» (А. Моруа). «Население, – утверждает Дж. Блэк, – увеличилось, дав новый толчок развитию сельского хозяйства» (Дж. Блэк).

Одним из самых могущественных кельтских племен, появившихся в Британии были белги из Галлии. Они построили новые города: на востоке Вердуамий (Сент-Олбанс), Камулодунум (Колчестер) и на юге Каллева (Силчестер) и Вента-Белгарум (Винчестер), ввели в обращение медные и серебряные монеты. «... именно белги впервые стали использовать ... плуг с утяжеленным железным лемехом. Они были ... усердными и успешными земледельцами» (Н. С. Широкова). Белги, – утверждает У. Черчилль «стали племенной аристократией Британии...» (У. Черчилль).

«Они расселяются к югу от Темзы и оттесняют местное население, отчасти смешиваясь с ним» (В. В. Штокмар). «Эти кельтские племена любили войну, даже междоусобную, – пишет А. Моруа. – Их мужчины были высоки и сильны, питались свиной и овсянкой, пили пиво и легко управляли колесницами. Греческие и латинские писатели описывают кельтов как рослых, белокожих и светловолосых людей с несколько рыхловатым телом. На самом деле среди кельтов было немало темноволосых.... Сами кельты создали идеальный тип своей расы и старались к нему приблизиться – обесцвечивали себе волосы и

красили тело в пастельные тона, так что римляне позже прозвали кельтов *Picti*, то есть раскрашенные люди» (А. Моруа).

Сведения об общественном строе кельтских племен, переселившихся в Британию довольно скудны. Это, в основном, археологические данные, сведения путешественников, посетивших Британские острова и, наконец, описание кельтских племен, сделанное Юлием Цезарем в его знаменитых «Записках о галльской войне».

Во II–I вв до н.э. кельты жили племенами, союзы между которыми носили очень непрочный характер; племена подразделялись на роды; господствующими были отношения патриархата, «... но с известными пережитками матриархата: у отдельных племен сохранилось многоженство» (Л. Е. Кертман).

Земля находилась, как правило, в общинной собственности; однако, уже появляются крупные земельные владения родовой и военной знати, поля квадратной формы обрабатываются дважды в год и главной земледельческой культурой становится пшеница; «хлеб сделался одной из важнейших статей вывоза» (В. В. Штокмар).

Большое место в жизни британских кельтов занимали жрецы-друиды. Центр друидов находился на о. Англси. Друидические божества, по убеждению кельтов, обитали в ручьях, на горах и в священных рощах.

«Друиды были могущественны: они обладали высшим авторитетом в области права, морали и воспитания» – утверждала В. В. Штокмар.

Однако, авторы «Оксфордской истории Британии» считают иначе, говоря о том, что их (друидов) «положение и функции до сих пор остаются предметом дискуссий, хотя, по крайней мере относительно Британии, имеющиеся данные свидетельствуют не в пользу распространенного мнения, будто они играли значительную политическую роль» (Оксфордская история Британии).

«Древние бритты разделялись на 30, а то и на 40 племен во главе с князем и постоянно сражались друг с другом... бритты очень любили лошадей. Гербом Кента было изображение белой лошади» (Ч. Диккенс).

Кельтские племена во II–I вв. до н.э. вели между собой постоянные войны, так как их военные вожди стремились к захвату новых земель и добычи. Об этом свидетельствуют пограничные рвы (более 30 метров шириной и до 100 метров глубиной) и всевозможные укрепленные пункты (например, Мейден Касл). «Кельтам, – замечает по этому поводу «Оксфордская история Британии», – приписывают драчливость, проявляющуюся как внутри их собственного племени, так и в той легкости, с какой различные племена вступали друг с другом в войну» (*Оксфордская история Британии*).

Накануне римского завоевания Британских островов на их территории проживало примерно два миллиона человек (*Дж. Блэк*). Англия, – по словам того же исследователя, «была далеко не отсталой страной». Ко временам Ю. Цезаря (к середине I в. до н.э.) «между Южной Британией и Северной Галлией установились тесные связи» (*Оксфордская история Британии*).

2. Походы Юлия Цезаря.

Завоевание Британии римлянами.

Первые письменные сведения в Европе о Британских островах относятся еще к середине V в. до н.э., когда «Отец истории» Геродот упомянул (в 445 г. до н.э.) о неких таинственных островах где-то далеко на Западе и назвал их Кассетеридами (Оловянными), но относил их к землям почти что мифическим.

В середине IV в. до н.э. некий грек Пифей из Массалии (современного Марселя), «определенно один из величайших в истории исследователей» (по выражению Черчилля) совершил два путешествия, во время которых обогнул Британские острова. Он назвал эти острова «Претаническими островами Альбионом и Иерной (Ирландия)». Пифея, правда, сочли выдумщиком.

В III в. до н.э. римляне уже хорошо знали о существовании трех островов Альбиона (Британии), Иерны (Ирландии) и Туле (Исландии). «Это был самый край света, где все казалось необычным и чудовищным» (*У. Черчилль*)

После завоевания Галлии Гай Юлий Цезарь решил совершить поход на Британские острова. По мнению большинства

исследователей (например Дж. Блэка, Питера Сэлуэя и др.) причин для похода было, как минимум две:

– во-первых, Цезарь «счел необходимым лишить бриттской поддержки кельтов (венетов Галлии), все еще оказывавших сопротивление римлянам» (*Дж. Блэк*);

– во-вторых, новое завоевание должно было увеличить славу Цезаря и дать его войскам возможность поживиться.

Можно, видимо, принять в расчет и мнение Гая Светония Транквилла, написавшего, что «в Британию он, Цезарь, вторгся будто бы в надежде найти там жемчуг: сравнивая величину жемчужин он нередко взвешивал их на собственных ладонях» (*Светоний*). Вероятно Цезарь знал также и о том, что «остров производит хлеб, скот, золото, серебро и железо» (*Страбон*).

Сам Цезарь писал, что «на памяти ныне живущих» власть галльского правителя распространялась также и на Британию. По его словам, в Галлии он столкнулся не только с отрядами из Британии, воевавшими плечом к плечу с его галльскими противниками, но и мешавшими ему беженцами, которые искали спасения от Рима у друзей или родственников по другую сторону Ла-Манша» (*Г.Ю. Цезарь*).

В августе 55 г. до н.э. Цезарь с двумя легионами (10 тыс. воинов), на 80 транспортных судах переправился в Британию и высадился в районе современного Дувра («он напал на бриттанцев, доселе неизвестных, разбил их, потребовав выкупа и заложников», писал Светоний). При этом уже во время высадки бритты оказали римлянам ожесточенное сопротивление, хотя римляне, используя лучников, катапульты, правильные боевые порядки обратили противника в бегство. Высокий прилив (в полнолуние) разбил несколько римских кораблей, часть из них повредил. Сам полководец свои беды описал так: «Несколько кораблей были разбиты, а остальные, потеряв канаты, якоря и остаток такелажа, пришли в негодность, что... поставило всю армию в сложное положение. У них (римлян) не было ни других кораблей, чтобы вернуться, ни материалов для строительства нового флота, а так как предполагалось, что им нужно вер-

нуться в Галлию на зиму, то они не запаслись зерном для зимовки в Британии» (Г. Ю. Цезарь).

Бритты вновь напали на римлян, но были отбиты «дисциплина и оружие снова сделали свое дело» (У. Черчилль) Войско Цезаря продержалось в Британии две недели и бритты покорились. Взяв несколько заложников и пленных, Цезарь вернулся в Галлию. Таким образом, этот поход, в целом, был неудачен. А. Моруа и вовсе называет его «бесславной экспедицией» (А. Моруа). По мнению Н.С. Широковой, «первая экспедиция Цезаря в Британию не дала больших результатов. Отсутствие конницы и необходимость устранить ущерб, нанесенный его флоту штормом на море, явились причиной того, что Цезарь был прикован к побережью в районе Кента и не смог продвинуться вглубь страны, и если бы вожди британцев руководили военными действиями с большей решительностью, то Цезарь мог бы оказаться в очень опасном положении» (Н. С. Широкова).

Свое впечатление о жителях Британии Цезарь выразил следующим образом:

«Внутренняя Британия населена людьми, которые утверждают, ... что являются исконными жителями этих мест; побережье занимают пришельцы – белги, явившиеся для грабежей и войны, – почти все они сохранили названия племен от которых происходят, а потом осели и стали возделывать землю. Этот народ весьма многочислен, дворы в поселениях стоят близко друг к другу, сильно напоминая галльские, и скота очень много. В качестве денег они используют бронзовые или золотые монеты, а также железные слитки установленного веса. Во внутренней части острова находят олово, а у побережья есть много железа; медь они обычно привозят. Тамошние леса разнообразны, как и в Галлии, только бук и ель не растут здесь. Они считают, что кроликов, кур и гусей есть нельзя, но их держат ради удовольствия и забавы. Климат умереннее, чем в Галлии... самые цивилизованные из жителей – те, которые живут в Кенте (этот район полностью береговой) и чей уклад жизни немногим отличается от галльского. Большинство племён внутренней части не засевают полей, а живут за счет молока и мяса

и носят звериные шкуры. Все бритты раскрашивают тела вайдой, которая имеет синий цвет, и это придает им более страшный вид в бою. Волосы они носят длинные, а все тело бреют, кроме головы и верхней губы. Жен они имеют общих на 10–12 мужчин, особенно братья и отцы с сыновьями; но дети от этих союзов считаются детьми того, кто первым сожительствовал с женщиной» (Г. Ю. Цезарь).

Летом 54 г. до н.э. Цезарь совершил новый поход на Британские острова. На этот раз с пятью легионами (это уже где-то 25 тыс. чел.) на восьмистах судах. Со своим войском он прошел вглубь острова, форсировал Темзу и штурмом взял крепость белгов на холме у Кентербери (Бигбери). Цезарь использовал сложившуюся в Британии обстановку, а именно то, что против белгов (во главе с вождем Кассивеланом) в Кенте, выступили небелгские племена, жившие в Эссексе; Кассивелан, оказался опасным противником, так как сделал свою армию крайне мобильной, оставив в ней только кавалерию и колесницы. Он стал настоящим «верховным главнокомандующим всеми британскими войсками», «первой британской исторической личностью» (Н. С. Широкова). Сам Цезарь так описал сражение, с участием колесниц:

«В сражении на колесницах бритты начинают с того, что гонят их по полю, метая дротики, и обычно одного ужаса, который наводят кони и стук колес, достаточно, чтобы расстроить неприятельские ряды. Потом...они спрыгивают с колесниц и бьются пешими. Меж тем, колесничие отходят на небольшое расстояние от поля боя и располагают колесницы так, чтобы их хозяева, если их будут теснить, могли легко отступить к своим. Таким образом, они сочетают мобильность конницы с устойчивостью пехоты, а благодаря ежедневной подготовке и практике достигают столь высокого умения, что даже на крутом склоне способны управлять лошадьми на всем скаку и быстро сдерживают их и поворачивают» (Г. Ю. Цезарь).

Фактически Кассивелан повёл против римлян партизанскую войну, совершая стремительные набеги, нападая на отряды, отправленные Цезарем за продовольствием, пытаясь

уничтожить базу Цезаря на кентском побережье. Кассивелан оказался «несомненно ... выдающимся военным вождем» бриттов (*Н. С. Широкова*). Однако, в итоге, он все же потерпел поражение. Цезарь взял с него дань, заложников и обещание, что Кассивелан не будет нападать на союзные римлянам небелгские племена (триновантов).

Каковы же были общие итоги походов Цезаря в Британию? По поводу завершения второго похода Цезаря в Британию Цицерон писал своему другу Аттику: «26 сентября я получил письма от моего брата Квинта и Цезаря, отправленные ими 29 августа с британского побережья, лежащего напротив Галлии. Они, завершив дела в Британии, получив заложников, наложив дань на британские племена, хотя и не взяв никакой добычи, собрались обратно из Британии в Галлию» (*Н. С. Широкова*). Лучшее всего результат британских походов Цезаря резюмировал Тацит, который писал: «Первым римлянином, вступившим с войском на землю Британии, был божественный Юлий, и хотя, выиграв сражение, он устрасил ее обитателей и захватил побережье, все же в нем следует видеть не столько завоевателя этой страны, сколько того, кто указал на нее потомкам» (*К. Тацит*).

«Вторая экспедиция (Цезаря) была лишь своего рода заявкой на будущее» – таково мнение В. В. Штокмар.

«Последствия этих экспедиций для будущего играют более важную роль. Если рассматривать их непосредственные военные результаты, то они были скромными, хотя после них уже не было слышно о жителях Британии, сражающихся в Галлии... смелое предприятие Цезаря в отношении Британии оказало длительное воздействие на Рим. Британия была (раньше) отдаленным, почти сказочным островом за «Океаном»... Британия находилась за границами познанного мира. За две короткие кампании Цезарь поместил Британию на римскую карту». (*Оксфордская история Британии*). «Главный же результат походов Цезаря, – утверждает Н.С. Широкова, – в том, что они положили начало романизации Британии». «Романизация – продолжает она, – представляла собой сложный процесс для осуществления которого использовались различные «инструменты». Первым из

них был военный – завоевание страны. Затем шло налаживание тесных экономических связей с Римом, подразумевавшее включение провинциальной экономики в общеримскую, распространение римского гражданства, насаждение римских политических институтов, выведение в провинцию римских военных колоний. Последним из этих «инструментов» была культурная романизация: распространение латинского языка, строительство городов в соответствии с нормами античного урбанизма, устройство загородных вилл, украшенных великолепными стенными росписями, роскошными мозаиками, скульптурой, выполненной по канонам античной пластики и т.д.» (Н. С. Широкова).

На протяжении ста лет, после походов Цезаря, Британские острова не подвергались вторжениям римлян. Тем временем, войны между кельтскими племенами становились все более частыми и ожесточенными. Потомки вождя атребатов Комма (когда-то бывшего союзника Цезаря) бежали, потерпев поражение от потомков Кассивелана и очутились в Риме, запросив помощь. Однако ни в правление Августа, ни при Тиберии, ни при Калигуле римляне не предпринимали никаких существенных действий в отношении Британии. Ситуация изменилась лишь с приходом к власти императора Клавдия. Античные авторы, Дион Кассий, Светоний и Тацит, рассуждая о причинах британского похода Клавдия, пришли к выводу о том, что таких основных причин было три: во-первых, то, что некий перебежчик по имени Берик, изгнанный из Британии, убедил Клавдия послать туда армию; во-вторых, то, что Клавдий желал отпраздновать триумф; а в-третьих, то, что его привлекали богатства острова «золото, серебро и другие металлы – дань победителям» (К. Тацит). Современные исследователи также называют несколько причин похода 43 года. В частности, указывают на то, что «в западной части империи имелись лишние военные силы, которые можно было использовать для британского похода... . Три рейнских легиона: Второй Августов из Страсбурга, Пятнадцатый Сдвоенный из Майнца и Двадцатый Валериев из Коло-

нии. Четвертым легионом, направленным в Британию, был Десятый Испанский, выведенный из Паннонии». Другая причина заключалась в неудаче несостоявшегося британского похода Калигулы в 40 году, которая «легла бременем ответственности на его преемника». Еще одна причина состояла в стремлении Рима превратить Британию «в провинцию, все расходы по завоеванию которой окупятся с лихвой». «Наконец внутренняя обстановка в Юго-Восточной Британии... складывалась благоприятно для римского вторжения», так как после смерти британского вождя Кунобелина, правившего около сорока лет и сумевшего взять под свой контроль большую часть Юго-Восточной Британии (Светоний даже называл его «королем британцев») между его сыновьями развернулась борьба. Тогодунн и Каратак заняли антиримскую позицию, а Амминий – проримскую (*Н. С. Широкова*).

В 43 г. н.э. император Клавдий отправляет в поход на Британские острова 40 тыс. армию во главе с Авлом Плавтием, «чтобы обрести славу завоевателя и одновременно защитить проримских правителей южной Британии» (*Дж. Блэк*). Вожди белгов Каратак и Тогодунн были разбиты римскими легионами близ реки Медуэя, причем эта битва, в которой погиб Тогодунн, оказалась решающим сражением британского похода Клавдия (*Н. С. Широкова*). Вскоре римляне захватили столицу Кента г. Камулодунум. Затем римские легионы двинулись по трем направлениям на запад, северо-запад и на север.

После этих побед, в Британию является сам Клавдий с большими подкреплениями и даже с боевыми слонами. Одиннадцать британских королей сдаются на милость императора, а он сам торжественно вступает в Камулодунум. «Клавдий оставался в Британии не более шестнадцати дней. Оставив приказ Плавтию продолжать кампанию, он поспешил переправиться через Ла-Манш в начале сентября – раньше, чем начнутся штормы, проносящиеся там в период осеннего равноденствия» (*Н. С. Широкова*).

По возвращении в Рим, Клавдий провел триумф и получил

от Сената титул «Британик». Во время триумфа на Палатинский дворец был водружен морской венок в знак того что он пересек и как бы покори́л Океан (*Светоний*).

К 47 году войска Клавдия заняли британские земли вплоть до Северна и Трента и началось преобразование Британии в римскую провинцию. Тогда же было проведено и разоружение британского населения провинции. «Непосредственно после военных действий началась эксплуатация британских рудников, особенно богатых залежами свинцовой руды. В Британии стало быстро увеличиваться число римских купцов и ремесленников, так что римские поселения появились, по мнению Моммзена, в результате свободного обмена и иммиграции. Это были поселения у теплых источников Сулии (Бат), в Верлуамии (Сент-Олбанс) и прежде всего в естественном центре коммуникаций и крупной торговли – Лондинии, у устья Темзы» (*Н. С. Широкова*). «... в то же время (в 47 году) был основан г. Лондон (Лондиний) – в качестве порта. Возможно с самого начала подразумевалось, что ему предстоит стать административным центром Британии. По всей вероятности, он возник в результате обдуманных действий, а не как случайное поселение торговцев (как полагали прежде)» (*Оксфордская история Британии*).

В 50 г. Каратак был окончательно побежден преемником Паулина Осторием Скапулой и взят в плен (его выдала королева племени бригантов). «Осторий отослал пленника и всю его семью в Рим, куда еще раньше прибытия Каратака донеслась молва о нем: все хотели видеть того, кто, как выразился Тацит, «в течение стольких лет презирал наше могущество». Тацит рассказывает, как при огромном стечении народа, при стоящих в полном вооружении преторианских когортах пленников провели через весь форум в торжественной процессии к высокому помосту, на котором восседал император, намереваясь решить их судьбу. Когда все униженно молили о снисхождении, только Каратак «не взывал к милосердию ни опущенным взором, ни речами». ... Император Клавдий был пленен мужественным поведением своего пленника и даровал прощение Каратаку, его

жене и братьям, приказав снять с них оковы. Полагают, что Каратак окончил свои дни, находясь в почетной ссылке в Италии. Ко времени его пребывания в Риме относится предание, которое передает Дион Кассий. Гуляя после своего освобождения по Риму и удивляясь великолепию его зданий, британский царь воскликнул: «Почему вы, владея всеми этими богатствами, все еще жаждите заполучить наши бедные хижинки?» (Н. С. Широкова).

К 60 г. новый правитель Британии Светоний Паулин покорил Северный Уэльс, в 61 г. достиг Ирландского моря и захватил о. Англси. Тогда же, на юго-востоке началось восстание племени иценов под предводительством королевы Боудикки, явившееся «самым мощным взрывом антиримского движения в Британии I в. н.э.» (Н. С. Широкова). Об этом восстании довольно подробно поведал в своих «Анналах», а также в «Жизнеописании Юлия Агриколы» Корнелий Тацит. Дополнением к текстам Тацита служат сведения, содержащиеся у Диона Кассия. Хотя хронология самого восстания достаточно расплывчата, так, например, Н. С. Широкова датирует его 59–61 гг., его предыстория довольно хорошо известна. Боудикка была женой царя иценов Прасутага, который видимо был одним из одиннадцати кельтских царей, принесший присягу императору Клавдию в 43 году. Однако после смерти Прасутага его договор с Римом утратил силу. Так как у него не было сына, царский род считался пресекшимся (хотя были живы его вдова Боудикка и две дочери). По свидетельству Тацита, Прасутаг оставил завещание, в котором назначил своим наследником императора Нерона и двух дочерей, надеясь, таким образом, сохранить для дочерей свое царство и состояние. Однако эти меры не привели к желаемому результату, так как Рим стремился постепенно уничтожить клиентские царства в Британии. Царство иценов было превращено в часть римской провинции. Осуществлением этого занялся прокуратор Кат Дециан. Человек алчный и жестокий, – пишет о нем Дион Кассий, Дециан попытался взыскать с британцев какие-то денежные средства, которые император Клавдий дал их вождям, объявив их займом, который надо было вернуть с процентами. Посланные прокуратором

рабы разграбили царский дворец; наследственные владения бриттских аристократов – родственников царского дома – были конфискованы, а сами они проданы в рабство. Царица Боудикка была высечена плетьюми, а ее дочери обесчещены. Вдобавок к этим бесчинствам и грабежам прибывшие из ставки наместника центурионы стали требовать поставки рекрутов и выплаты денежного налога (*Н. С. Широкова*). «Возмущенные этими оскорблениями, – пишет Тацит, – и страшись еще худших, поскольку их земля стала частью провинции, ицены хватаются за оружие» (*К. Тацит*).

Повстанцами были разгромлены три крупнейших города Лондиниий, Камулодунум и Верлуамий и, по словам К. Тацита, «не менее 70 тысяч римских граждан и их союзников были убиты» во всех трех городах, «ведь восставшие не знали ни взятия в плен, ни продажи в рабство, ни какого-либо способа обмена, обычно применяющегося на войне, но торопились убивать, резать, распинать, вешать и сжигать» (*К. Тацит*).

Это событие У. Черчилль называет «диким и свирепым восстанием местных племен». Под стать восстанию была его предводительница «кельтская героиня» королева Боудикка, образ которой «с присущими ей страстностью, мощью и харизматичностью природы обрисован Тацитом и Дионом Кассием выпукло и ярко. Дион Кассий дает живое описание внешности Боудикки: «Она была огромного роста и мощного телосложения, вид ее был устрашающ, голос груб. Густая грива ярко рыжих волос спускалась с колен. На шее она носила массивную, изогнутую гривну, одета была в пеструю тунику, поверх которой был накинут плотный плащ, застегнутый на плече фибулой. Вот, она схватила в руку копьё, поразив ужасом всех, кто наблюдал за нею...». «Отважной и харизматической героиней Боудикка предстает в описании Тацита, когда тот со свойственным ему умением придать изложению драматическую напряженность рассказывает, как Боудикка, поставив на колеснице впереди себя дочерей, носилась от племени к племени, страстно агитируя британцев начать восстание против Рима» (*Н. С. Широкова*). К иценам примкнули их соседи тринованты,

а затем и другие британские племена. «Тацит говорит, что «ицены ...привлекают к восстанию всех тех, кто еще не сломленный порабощением, поклялся на тайных собраниях отвоевать утраченную свободу». Кроме стремления к свободе, у британцев были и веские экономические причины быть недовольными римской политикой в провинции. Вожди и крупные земельные магнаты британских племен, подчинившихся Риму, чтобы вести соответствующий своему новому статусу образ жизни, были вынуждены брать на себя чрезвычайно большие расходы, которые шли на строительство новых городов, роскошных загородных вилл в римском стиле, на воспитание и обучение детей по римским образцам и др. Не имея для этого достаточных средств, британские племенные вожди и аристократы обращались за помощью к римским ростовщикам, которые охотно ссужали необходимые суммы под большой процент. Это была обычная римская практика в провинции. Крупнейшим ростовщиком того времени был Сенека – знаменитый философ и воспитатель Нерона. Согласно сообщению Диона Кассия, как раз в момент начала восстания он внезапно, без предупреждения, потребовал от британцев возвращения займа, достоящего до десяти миллионов сестерциев. В связи с этим множество британских землевладельцев оказались на грани банкротства и даже угрозы быть проданными в рабство» (Н. С. Широкова). Первоначально, как уже говорилось выше, восставшим сопутствовал успех. Без особого труда они захватили римскую колонию в Камулодуноме, тем более, что при «ее строительстве не были возведены крепостные стены; разрушили, находившийся там храм Клавдия, перебив, укрывшихся в нем ветеранов. Затем повстанцы нанесли поражение войскам Девятого легиона Петилия Цериала (базировавшимся в Линде), которые попытались прийти на помощь Камулодунуму. Ситуацию исправил тогдашний наместник провинции Светоний Паулин, один из лучших римских военачальников своего времени. Прервав завоевание Северного Уэльса он двинулся навстречу войску Боудикки». «С двумя легионами (и вспомогательными войсками) всего около 10 тыс. человек. Светоний Паулин разгромил

огромное войско (80 тыс. человек по словам У. Черчилля) Бодикки – «При всех неблагоприятных обстоятельствах римские дисциплина и тактическая выучка восторжествовали. Пожары не было даже детям» (У. Черчилль). Бодикка покончила с собой, приняв яд; погибло все ее войско, а потери римлян составили всего 400 человек. «Светоний прошел по всем мятежным регионам, опустошая их «огнем и мечом»» (Н. С. Широкова).

В 70–80-е годы римляне окончательно покорили Уэльс и развернули наступление на северную Британию. Во время принципата Веспасиана, император одного за другим посылает в Британию трех своих выдающихся полководцев – Петилия Цериала, Юлия Фронтин и Юлия Агриколу. В 69–70 гг, после целого ряда сражений, Цериал покорил племя бригантов. В 74 г. Юлию Фронтину удалось подчинить Риму племя силуров, проживавшее в Южном Уэльсе. «И наконец, в 78 г. был назначен Гней Юлий Агрикола, самый знаменитый британский наместник...» (Н. С. Широкова), «талантливый и энергичный деятель» (У. Черчилль). «В руках наместника была сосредоточена большая власть: он был верховным главнокомандующим войсками, состоявшими из четырех легионов и контингентов конных и пеших вспомогательных войск – всего около 40–50 тысяч человек; высшая судебная и административная власть также находилась в его компетенции. Лишь финансовые вопросы подлежали ведению прокуратора» (Н. С. Широкова). О военных кампаниях Агриколы в Британии обширнейший материал дает «Жизнеописание Юлия Агриколы», написанное его зятем, Корнелием Тацитом. Прежде всего новый наместник разгромил и полностью уничтожил племя ордовинов (из северо-западного Уэльса), совершившее нападение на провинцию. Затем он, вслед за предшественниками, вторично захватил остров Англси. В 79 г. Агрикола совершил поход на племя бригантов. О его походе этого года Тацит рассказывает: «С наступлением лета он собрал войско и повел его на врага: неутомимый и вездесущий в походе, он ободрял и хвалил исполнительных, подтягивал разбредавшихся и отставших, сам выбирал места для разбивки лагеря, сам обследовал леса и затопляемые приливом низины и вместе

с тем не давал врагам роздыха, внезапными набегами разоряя их земли. Но, вселив в них подобающий страх, он милостивым обращением с ними показал им и привлекательность мира. Благодаря этому многие общины, ранее с ожесточением отстаивавшие свою независимость, прекратили сопротивление и, выдав заложников, изъявили покорность, после чего были окружены нашими заставами и укреплениями, размещенными с такой предусмотрительностью и тщательностью, что ни одна из прежде завоеванных нами частей Британии не приняла нашего господства столь же легко, как эта» (*К. Тацит*).

В целом, надо признать, что Агрикола проводил довольно гибкую политику, которая «состояла в том, что за наводящими ужас военными рейдами римлян следовали предложения полководца о заключении мира на разумных, умеренных условиях. Благодаря этой тактике был покорен целый ряд племен, которые до сих пор сохраняли свою независимость» (*Н. С. Широкова*). После победы над бригантами, в 80 г. Агрикола приступил к завоеванию земель, расположенных севернее Тайна и Солуэя. «Агрикола, – пишет Тацит, – совершил поход, познакомивший нас с дотоле неизвестными племенами...» (*К. Тацит*). На перешейке Форт-Клайд, по его распоряжению, были построены несколько фортов в 80-81 годах. После некоторой паузы, в 83 г. Агрикола приступил к завоеванию шотландских территорий, лежащих к северу от линии Форт-Клайд, одержав решительную победу над каледонцами.

«Последняя из больших наступательных военных кампаний Агриколы пришла на следующий 84 г. Солдаты Агриколы, воодушевленные успехами кампании предыдущего года, горели желанием завоевать всю Шотландию» (*Н. С. Широкова*) и, как выразился Тацит, «отыскать наконец, хотя бы ценой непрерывных сражений, окончательность Британии» (*К. Тацит*). Решающая битва с каледонцами произошла при горе Гравпий. По словам Тацита, войско каледонцев насчитывало свыше 30 тысяч человек, заметно превосходя армию Агриколы. Однако римляне в очередной раз одержали победу, причем в битве погибло 10 тысяч каледонцев и 360 римских воинов (*К. Тацит*). После этого

армия Агриколы отошла на зимние квартиры на побережье Форт-оф-Тей, а его флот, по приказу полководца, обогнул северную оконечность Британии, установив, что она является островом. «Когда новости об одержанной Агриколой победе в Британии достигли Рима, император Домициан приказал Сенату наградить Агриколу триумфальными знаками отличия и отозвал его из провинции в Рим» (Н. С. Широкова). Одним из главных итогов шести военных кампаний Агриколы в Британии было то, что «он удвоил территорию, находящуюся под римским контролем» (Н. С. Широкова). Вместе с тем, деятельность Агриколы в Британии включала, как выразилась Н. С. Широкова, и «гуманитарную составляющую», ибо «он внес большой вклад в романизацию провинции». В частности, уже в первый год своего наместничества, он устранил существовавшие административные нарушения, например, налог на зерно (аннону), который попал в руки спекулянтов. Агрикола побуждал британцев к сооружению храмов, форумов и домов, а юношей из знатных семейств к обучению свободным наукам. Для контроля над северными территориями, по его приказу, было построено 33 форта и проложено более 1300 миль дорог. В целом, правомерен вывод о том, что «Агрикола был успешным полководцем и энергичным государственным деятелем, внесшим вклад в романизацию страны» (Н. С. Широкова). Он пересек реку Тайн и покорил северные области. Как выразился сам Тацит в «Жизнеописании Юлия Агриколы» «блестящие полководцы, превосходное войско, померкшие надежды врагов», – явились залогом этих успехов римских завоевателей.

Таким образом, к 83 или 84 году первоклассные римские правители продвинули свои войска далеко на север Шотландии и разместили свои гарнизоны на подступах к Хайленду. В эпоху правления в Риме императоров из династии Флавиев, римское могущество в Британии достигло наивысшей точки. По свидетельству К. Тацита:

«Рассчитывая при помощи развлечений приучить к спокойному и мирному существованию людей, живущих уединенно и

в дикости и по этой причине с готовностью берущихся за оружие, он (Агрикола) частным образом и вместе с тем оказывая поддержку из государственных средств, превознося похвалами усердных и порицая мешкотных, настойчиво побуждал британцев к сооружению храмов, общественных площадей, зданий и частных домов. Соревнование в стремлении отличиться заменило собой принуждение. Больше того, юношей из знатных семейств он стал обучать свободным наукам, причем природную одаренность британцев ценил больше рвения галлов, и те, кому латинский язык совсем недавно внушал откровенную неприязнь горячо взялись за изучение латинского красноречия. За этим последовало желание одеться по-нашему, и многие облеклись в тогу. Так мало-помалу наши пороки соблазнили британцев, и они пристрастились к помещениям для собраний, термам и изысканным пиршествам. И то, что было ступенью к дальнейшему порабощению, именовалось ими, неискушенными и простодушными, образованностью и просвещенностью» (*К. Тацит*). Таким образом, «Кельтская аристократия была полностью романизирована...» (*С. П. Маркова*). Однако на деле все обстояло не столь гладко.

После того, как в 115–120 гг. произошло восстание в Северной Британии, подавивший его император Адриан, установил северную границу провинции от Тайна до Сольуэя 73 мили – каменный вал (от 8 до 10 фунтов толщиной), состоявший из 17 крепостей и из около 80 укрепленных пунктов) так называемый «Адрианов вал». Через 20 лет (140 г.) в правление императора Антонина Пия, римские войска двинулись дальше на север, завоевали земли меатов и на перешейке Форт-Клайд была выстроена новая линия укреплений в 37 милей – так называемый «Антонинов вал». Однако, этот рубеж римляне держали лишь 46 лет и покинули его в 186 г., отойдя за «Адрианов вал». Прибывший в Британию в 208 г. император Септимий Север очень энергично взялся за восстановление всей системы укреплений «Адрианова вала» и тот надежно защищал северные рубежи этой провинции римской империи в последующие 100 лет. Сын Септимия Севера император Каракалла (211–217 гг.) «вернул земли

каледонцам и уравнил бриттов в правах с римлянами. После этого на 70 лет воцарился мир» (*Ч. Диккенс*).

3. Британия под римским владычеством.

Заняв большую часть Британии, римляне передают заботы о текущих делах «местной аристократии, которая сменила королей-клиентов» (*Оксфордская история Британии*). Римское владычество поддерживается, естественно, и военной силой (до 85 г. в Британии находились 4 легиона, затем 3 с некоторым количеством вспомогательных войск, что составляло где-то 35–40 тыс. человек). «В целом, – пишет в связи с этим С. П. Маркова, – господство римлян носило характер военной оккупации» (*С. П. Маркова*). «Наиболее серьезный результат римского владычества – это защита внутренних районов Британии от нападений извне» (*В. В. Штокмар*).

Римская культура распространяется на юге, востоке и в центре Британии и можно говорить о том, что именно там идет процесс романизации – «включения Британии в единую систему античных ценностей (экономических, социально-политических и культурных) ... ее вхождения на равных основаниях с другими провинциями в состав Римской империи» (*Н. С. Широкова*). В принципе, после 43 года, римское влияние проникало сюда двумя путями: во-первых, через устройство колоний с римскими гражданами (Ньюкасл, Манчестер, Кардифф) и, во-вторых, через романизацию городов, благодаря прибытию туда римских купцов (Лондиниум, Камулодунум, Верлуамий, Линдум (Линкольн) Акве Солис (Бат), Гленум (Глостер) и некоторые другие). В процессе романизации Британии ключевую роль играла постройка городов. «Превратить Британию в провинцию Римской империи, т.е. цивилизовать в самом буквальном смысле слова, можно было, только снабдив ее городами», – писал Р. Дж. Коллингвуд. В самом деле, с конца I в. н.э. в Британии на территории провинции стали строиться города в соответствии с

нормами римского урбанизма. Прямые улицы имели характерную для античных городов правильную планировку по, так называемой, схеме «шахматной доски». В центре города находился форум – квадратной формы площадь, с трех сторон окруженная портиками и лавками, а с четвертой фланкированная базиликой, внутреннее пространство которой было разделено рядами колонн на несколько продольных нефов. Базилика была главным общественным зданием города: там размещалась городская администрация, проходили заседания городского совета и важные судебные процессы. Город римской Британии предоставлял своим жителям блага римской цивилизации: благоустроенные общественные бани – термы, имевшие несколько отделений (раздевалку, горячую баню, теплую баню, холодную баню, бассейн, палестру – зал для занятий спортом); амфитеатры, театры, богатые частные дома. В то же время города были окружены оборонительными стенами, которые своей массивностью и характером архитектуры соответствовали находившимся в них общественным сооружениям (*Н. С. Широкова*). Вместе с тем, не менее важной, чем городская жизнь, составляющей романизации Британии было возникшее там в период римского господства искусство, являвшееся «результатом счастливого синтеза двух культур» – кельтской и, собственно, римской, вследствие чего появляется романо-британское искусство. Римляне «научили британцев высекать из камня скульптурные изображения, расписывать стены в технике фрески по сырой штукатурке, украшать полы мозаикой» (*Н. С. Широкова*). К концу I века успехи римской колонизации Британии были велики, но дальше дело пошло медленней. Горные районы не были затронуты романизацией, также как и земли западнее Северна и севернее Трента. По словам С. П. Марковой «Римская Британия разделялась на две части: гражданскую (равнинную) и военную (горную)» (*С. П. Маркова*).

В римскую Британию хлынули римская торговля и деньги; сюда вывозятся (в основном из Галлии) римские ремесленные изделия из металла и керамика.

Создается система городов, связанных дорогами, романизированных ферм и вилл. «Центром классической римской виллы был жилой дом, многочисленные помещения которого богато украшались росписями и мозаиками, хорошо отапливались, были снабжены ванными комнатами. К главной части дома примыкали служебные и хозяйственные постройки, располагавшиеся по полукругу или по незамкнутому прямоугольнику. Планировка виллы в значительной степени определялась характером местности. Искусно разбитый сад, фонтаны, беседки, гроты, скульптура органически входили в комплекс виллы. Необходимым атрибутом виллы был большой водоем - piscina» (Н. С. Широкова). Города становятся политическими, торговыми, культурными и религиозными центрами. Некоторые из них возникают вокруг римских крепостей (по замечанию В. В. Штокмар названия английских городов на «честер» и «кастер», говорят об их связи с римскими лагерями).

«Упрочившиеся связи с континентом вызвали экономический подъем» Британии (Дж. Блэк). Развивается добыча металла: олова, свинца, серебра и золота (на рудниках в Кармартеншире), меди (в Северном Уэльсе), железа (в Форест оф Дин, Мидленде и на севере), разрабатываются соляные копи.

В римской Британии совершенствуется и сельское хозяйство (например, в конце III – начале IV вв. в земледелии начинают применять тяжелый плуг, к которому был приделан резак, появилась двуручная коса, был введен севооборот). «Они (римляне) построили прекрасные военные дороги и крепости, научили бриттов красиво одеваться и сделали весь образ их жизни более утонченным» (Ч. Диккенс).

Однако, уже с конца III в. римская Британия вступает в полосу больших потрясений: с севера на ее территорию нападают племена пиктов, с запада – ирландцы, а с юга и юго-востока – на нее нападают из северной Германии и из Дании англы, саксы и юты. К 270 г. образовался так называемый Саксонский берег (прибрежная полоса из 10 укреплений) (Дж. Блэк).

Первый этап падения римской Британии, – 343–383 гг. сопровождался разрушительными набегами пиктов на севере и

скоттов из Ирландии. Правда, императору Феодосию (в 363 г.) удалось с большим войском, очистить юг от варваров, восстановить города и «Адрианов вал».

Второй этап падения римской Британии, это 383–410 гг. В 383 г. офицер римских войск в Британии Магнус Максимус объявил себя императором, переправился с войском в Галлию, захватил ее, а потом и Италию, но в 388 г. был свергнут. «Некоторые историки считают, что после этого римские войска уже больше не возвращались с Британию» (*В. В. Штокмар*).

В 406 г. варвары вторглись на территорию Галлии. Это нашествие вестготов вызвало панику в Британии. В 407 г. войска избрали своим императором Константина III, который с римским легионами покинул Британию и ушел в Галлию, где продержался 4 года. Римско-бриттское население Британии, разочарованное действиями Константина изгнало его ставленников (в 409 г.) и «призвало истинного императора Гонория восстановить законное правление», однако, ведший ожесточенную борьбу с Аларихом в Италии император «мог лишь посоветовать британцам самим заботиться о своей обороне. Это означало конец римского владычества в Британии...» (*Дж. Блэк*).

Бритты, тем не менее, считали себя римлянами еще и в 446 г., когда обратились за помощью к римскому полководцу Аэцию. После 407 г., однако, на территории бывшей римской Британии начинается так называемое «кельтское возрождение», вызванное тем, что «романизованная Британия оказалась отрезанной от Рима» (*В. В. Штокмар*): постепенно забываются римские обычаи и восстанавливается кельтский обиход. По словам В. В. Штокмар Британия «сохранила полностью свою кельтскую основу и романизация носила достаточно поверхностный характер» (*В. В. Штокмар*). С ее мнением соглашается С. П. Маркова, отмечавшая «относительно поверхностную романизацию острова» (*С. П. Маркова*). «Неглубокий и поверхностный характер романизации подчеркивает и А. Г. Глебов. Объясняя почему это произошло, он пишет: «Во-первых, Британия вошла в состав римской державы позже других территорий ... и была самой отдаленной, и к тому же островной провинцией. В силу этого

воздействие на нее римской социальной системы не было столь длительным ..., чем, например, в Галии или Испании. Во-вторых, местное население постоянно поднимало восстания, сопротивляясь давлению римских социально-политических структур. Наконец, Британия никогда не была полностью завоевана римлянами; непокоренные варварские племена сохраняли собственный уклад жизни и представляли постоянный источник опасности для регионов, находившихся под контролем Рима» (А. Г. Глебов). Удивляясь тому, что после ухода римлян, произошло «почти полное исчезновение в Англии следов кельтско-римской цивилизации», А. Моруа замечает: «Среди римских вокабул, которые восходят к первому римскому завоеванию, можно упомянуть лишь универсальное слово *Caesar*, затем *street*, то есть улица (*strata via*, которая обнаруживается в *Stratford*) *mile*, римская тысяча, *wall*, стена – от *vallum* и в заключении *chester* (*castra*)... . Император, дороги, стена – и это все, что после 400 лет Рим оставил в наследство своей самой отдаленной провинции?» (А. Моруа).

Происходит усиление кельтской знати, превратившейся в крупных земельных магнатов; разгорается борьба между потомками кельтских вождей и королей различных племен.

«Есть свидетельства, что после разрыва с Римом (где-то в течение 50 лет) британцы жили под властью тиранов (*tyranni*), или узурпаторов... – могущественных местных уроженцев, которые заполнили вакуум, образовавшийся с исчезновением законной власти».

«Их происхождение разнородное: некоторые из них, вероятно, были земледельцами, другие – военачальниками, римлянами или варварами, которые были приглашены, чтобы навести порядок, или захватили власть».

«В 429 г. святой Герман, выдающийся галло-римский епископ,... посетил Британию ради борьбы с ересями и публично спорил в Верлуамии с местными магнатами, «чрезвычайно богатыми, одетыми в роскошные платья и окруженными толпой раболепной прислуги» (*Оксфордская история Британии*).

Между кельтскими правителями развернулась упорная

борьба. «В разгар этих усобиц на Британию и обрушились дру-
жины англоv и саксов» *(В. В. Штокмар)*.

Тема 2. Британия в период англосаксонского владычества

План

1. Англосаксонское завоевание Британии в V–VII вв.
2. Англосаксонские королевства в Британии.
3. Борьба с викингами.
4. Англия в период правления Альфреда Великого и его преемников.

1. Англосаксонское завоевание Британии в V–VII вв.

Англосаксонский период довольно продолжителен и занимает 626 лет (примерно с 440 г. по 1066 г.). Основные источники по этому периоду, особенно это касается V и VI в. – это археологические данные – находки из погребений на языческих кладбищах. Из важнейших письменных источников к этому времени относится сочинение монаха Гильды Премудрого «О разорении Британии» (написанное в 40-х г. VI в.) и труд монаха нортумбрийского монастыря в Ярроу «отца английской истории» (*В. Эрлихман*) Беда Достопочтенного «Церковная история народа англос» (завершенный им в 731 г.). Почему сведения об этом времени столь скудны? Отвечая на этот вопрос, Джереми Блэк пишет: «Первые германские поселенцы были неграмотны...» (*Дж. Блэк*).

По мнению В. В. Штокмар, враждовавшие между собой кельтские вожди стали приглашать к себе на службу дружины англос, саксов и ютов (где-то на 5–6 лет), то есть германские племена, жившие на европейском континенте. Известный английский историк XIX в. Джон Ричард Грин, утверждал, что «отчество английского племени» находилось «в Шлезвигском

округе, то есть в середине полуострова, отделяющего Балтийское море от Северного»; племена англов жили между средним течением Эльбы и Везера, к северу от англов находилось родственное им племя ютов (эта область его расселения именовалась Ютландия), а к югу от них расположились племена саксов.

«Англы, юты и саксы принадлежали к одной и той же нижне-германской ветви тевтонской расы...» (Дж. Р. Грин).

«Каждому из этих племен выпало на долю участвовать в завоевании нашей страны, и когда это завоевание стало совершившимся фактом, то от слияния всех этих трех племен и произошел английский народ» (Дж. Р. Грин).

Дружины англов, саксов и ютов, «остававшиеся на зимовку в Британии, и были первыми завоевателями» (В. В. Штокмар).

В связи с англосаксонским завоеванием Британии, возникают, как минимум три вопроса:

1. Когда оно все-таки началось?
2. Кто такие англ, саксы и юты?
3. «Истребили ли завоеватели коренное население или наложились на него и до некоторой степени смешались с ним?» (У. Черчилль).

По первому вопросу даты называются самые разные (например, «Оксфордская история Британии» датирует этот процесс годами до 410 г.; Джереми Блэк – 400-м годом; У. Черчилль 441 или 442 гг.; Д. Р. Грин – 449 г.), таким образом это была первая половина V в. Более точная датировка начала англо-саксонского завоевания Британии вряд ли возможна. Дж. Блэк очень верно, в этой связи заметил, в свое время: «V в. – чрезвычайно темный период» (Дж. Блэк).

Что касается, второго вопроса, – то как уже говорилось выше, это были племена, прибывшие в Британию из Северной Германии, южной части Ютландского полуострова (район на северо-востоке Шлезвига, – замечает по этому поводу «Оксфордская история Британии», – до сих пор называется Ангельном»). Кстати, очень схоже об этом писал и Беда Достопочтенный:

«Они (то есть захватчики Британии) вышли из трех весьма

могущественных германских племен: саксов, англов и ютов. Жители Кента и обитатели острова Векта (Уайт) были из народа ютов, да и тех, кто жил напротив острова Векта, в той части королевства Уэссекс, донныне называют народом ютов. А тех, кто пришел из Саксонии, ... теперь называют восточными саксами, южными саксами и западными саксами. Кроме того, из страны англов, которая находится на землях между королевствами ютов и саксов и называется Angulus, пришли восточные англы, южные англы, мерсийцы и весь народ нортумбрийцев (это те люди, которые обитают к северу от реки Амбер (Хамбер), а также другие племена. Говорят, что Angulus так и остается обезлюдившим с тех пор и до наших дней» (*Беда Достопочтенный*).

Как утверждают авторы «Оксфордской истории Британии» археологические данные подтверждают рассказ «Церковной истории народа англов».

Отвечая на третий вопрос, вероятно, можно согласиться с мнением У. Черчилля, «что для основной массы бриттов англосаксонское завоевание стало главным образом сменой хозяев. Богатых перебили, а те кто был отважен и горд... – отступили к западным горам. Другие крупные отряды, поспешно перебрались в Бретань...» (*У. Черчилль*).

Кент в 449 г. был захвачен дружиной ютов во главе с вождями Генгистом и Горсой, которых пригласил некто Вортигерн – местный правитель. Тогда же был ими захвачен и о. Уайт. Это было первое завоевание. Юты основали в Кенте свое королевство «построив его на костях местных жителей» (*У. Черчилль*).

Затем (где-то в 477 году – по словам У. Черчилля) начались масштабные вторжения саксов. В Британию прибыл их вождь Элла с тремя сыновьями и дружиной, перебивший «всех попавшихся ему бриттов». Беда Достопочтенный говорит об Элле «как о короле всей области к югу от Хамбера» (*В. В. Штокмар*).

«Саксы были самыми жестокими из всех германских племен. Само их имя, распространившееся на целую конфедера-

цию всех северных народностей, произошло от названия короткого одноручного меча» (*У. Черчилль*). В одной из летописей того времени о завоевании саксами Британии было сказано очень образно: «Огонь их (саксов) ярости лизал своим красным языком западный океан» (Ирландское море) (*В. В. Штокмар*). Завершающим событием первого этапа завоевания Британии явилась высадка дружин саксонских вождей Цедриха и Кюне-рика и основание ими (в 494 г.) Уэссекса – то есть королевства западных саксов.

Второй этап англо-саксонского завоевания Британии начался с конца V в. и он ознаменовался временной консолидацией сил романо-бриттов (кельтов), которые объединились под властью знатного римлянина Амвросия Аврелиана, – легендарного короля Артура. «Быть может у него было прозвище Медведь, так как он носил в походе медвежью шкуру. По кельтски «медведь» – artos» (*С. Дженкинс*). Гильда именует Артура почтенным мужем, который «остался чуть ли не один из римского племени, причем были убиты его родители, одетые бесспорно в пурпур» (*Гильда Премудрый*). Ему (Амвросию Аврелиану) удалось одержать несколько побед над захватчиками «из которых особенно запомнилась потомкам победа при Бэддон Хилле («Двенадцатая битва Артура, – пишет Нений, – была на горе Бадон, где только от руки Артура пало в один день 960 вражеских воинов...») (*Нений*). И во всех сражениях он оказывался победителем). Легендарная личность короля Артура навсегда осталась в английской истории. Об этом свидетельствует, в частности, то, что «на острове зафиксировано не менее 120 объектов, связанных с именем Артура. В основном это громадные «камни» Артура, его «столы», «печи», «троны» и «кровати». Размер и вес этих каменных глыб демонстрирует, что народная фантазия представляла короля великаном. Особняком стоят восемь «могил Артура»... и «гроб Артура» в Монмутшире» (*В. Эрлихман*). Однако саксы, даже когда они были повержены во всех этих битвах, стали искать помощи в Германии, и число их возрастало беспре-рывно. После битвы при Бэддон Хилле, «саксы в течение 50-ти лет не возобновляли своих атак» (*В. В. Штокмар*).

Это, естественно, не означает, что проникновение англов, саксов и ютов в Британию в это время полностью прекратилось. Конечно, нет, У. Черчилль, например пишет о том, что в 501 г. пират по имени Порт, основал г. Портсмут, а в 547 г. появился некий Ида, который основал королевство Нортумбрия. Таким образом, «германцы постоянно завоевывали Англию, и большая часть римской Британии была разрушена или пришла в упадок» (Дж. Блэк).

В боях 571, 577 гг. были убиты три короля кельтов и взяты Глостер, Сайренсестер и Бат. Между 584 и 592 гг. кельты были окончательно разгромлены в Уилтшире. «К 600 году завоевание основной территории острова германскими дружинами англов, саксов и ютов было завершено» (В.В. Штокмар).

В связи с англосаксонским, завоеванием Британии, возникает необходимость ответить на два вопроса: 1. Какова была судьба римских поселений на острове? 2. Какие отношения сложились между завоевателями и покоренным кельтским населением Британии?

По первому вопросу, можно сказать, что погибли далеко не все римские города (например, папа Григорий Великий в 601 г. указывал на Лондон и Йорк, как на густонаселенные города, которые могут стать центрами епископских кафедр; монах Гильда, в свою очередь, называл латинский язык – «нашим языком» (*nostra lingua*). «Таким образом, – делает вывод В. В. Штокмар, – можно считать в настоящее время доказанным, что какие-то элементы римской цивилизации в Британии остались» (В. В. Штокмар).

По второму вопросу, можно сказать, «что значительная часть кельтского населения выжила и слилась с завоевателями» (В. В. Штокмар). В этническом отношении кельты сохранились (особенно на севере и северо-западе). Их принудили отказаться от поселений на холмах и обрабатывать землю по англосаксонской системе. Англы и саксы вступали в браки с кельтскими женщинами. В завоеванных областях кельтский язык стал постепенно забываться, ... влившись в общую ткань живых разговорных диалектов англосаксонского языка» (В. В. Штокмар).

С. П. Маркова считает, что, в ходе германского завоевания «резко снизилась общая численность местного (кельтского) населения; англ, саксы и юты заселили в основном юг; восток, юго-восток и срединную часть острова, в течение 150 лет они сумели освоить захваченные территории» (С. П. Маркова).

Отношение к бриттам (кельтам) со стороны завоевателей было, естественное, далеко, не дружеским. В «Оксфордской истории Британии» отмечено, что «английское слово *Wealth* «валлиец» (бритт) приобрело значение слова «раб» и, вероятно, топоним Уолтон (*Walton*) может быть переведен и как «поселение бриттов» и как «поселение рабов». Они (т.е. бритты), – пишет Джон Блэр, автор главы об англосаксонском периоде в истории Британии, – находились в подчиненном положении: англосаксы мало что усвоили из их культуры и почти ничего – из их языка» (*Оксфордская история Британии*).

Об этом же, в принципе, писал и Джереми Блэк: «С наступлением англосаксов... начинается история собственно Уэльса, который получил свое название от англичан; саксы называли бриттов *Walas* или *Wealas*, что означает «рабы, иноземцы»; сами валлийцы называли себя *Супги*» (кимры)» (Дж. Блэк).

Что же из себя представляло англосаксонское общество этого периода? В «Оксфордской истории Британии» по этому поводу сказано следующее:

1. Это общество находилось на гораздо более низкой стадии цивилизации, нежели римляне. Англ, саксы, юты, жили, по существу, в условиях родоплеменного строя. «Родовые группы (англов, саксов и ютов) представляли собой тесные объединения на своей изначальной родине и остались такими же в Англии. Члены семейств... могли селиться вместе, коллективно пользуясь природными ресурсами и землями». Наличие тесных родоплеменных связей прослеживается в многочисленных названиях, которые имеют окончание на *-ing*, *-ingham* и *-ington* (например, название Гастингс означает «родичи Хасты», Рединг – «родичи Реды», Уокингем – «хозяйство родичей Уокки» и т.д.).

2. Семейные (кровно-родственные связи) имели огромней-

шее значение. «Человек чувствовал себя защищенным, поскольку знал, что родичи отомстят за его смерть, а пренебрежение мезтью покрывало несмываемым позором». Правда требования чести могли быть удовлетворены вергельдом (Wergild) – платой, которую убийца приносил роду своей жертвы. Англосаксонское общество «всегда придавало большое значение верности и соблюдению клятв».

3. Англосаксы были язычниками. Главными их богами были Тиу, Воден и Тор. Память о них сохранилась в названиях дней недели (например, Tuesday – «день Тиу», Wednesday – «день Водена», Thursday – «день Тора» и т.д.

Следует отметить, что «англосаксонское общество было обществом аграрным; всеми своими корнями оно было связано с землей: люди занимались в основном сельским трудом, они жили на земле и благодаря ей» (Б. А. Ли).

Завоеватели селились прежде всего в долинах «на уже обжитых местах» – замечает Джереми Блэк. Хозяйство, в их представлении — «это луг для сена возле реки, невысокие холмы для пашни и более высокие для выпаса скота» (У. Черчилль). Как справедливо замечает Черчилль «поселения саксов (добавим англов и ютов тоже) копировали их образ жизни в Германии». «Англосаксы селились чаще в низинах, чем в нагорьях; они привыкли жить и сражаться на широких равнинах Северной Европы. Они умели рубить деревья, пользоваться плугом, глубоко разрезали ими мягкую землю» (С. Дженкинс). «Поначалу почти незаметно, но с VII в. с возрастающей скоростью формировалась земельная аристократия, обязанная королю всем, что у нее было» (У. Черчилль).

В итоге, «Англия снова превратилась в варварский остров» (У. Черчилль).

2. Англосаксонские королевства в Британии

По верному замечанию Дж. Блэка: «Самым важным политическим явлением в период VI–VII вв. в Англии было соедине-

ние множества небольших княжеств в...крупные королевства...» (Дж. Блэк). К VII–VIII вв., в итоге, появилось семь наиболее значительных: Эссекс, Суссекс, Уэссекс – королевства саксов, Нортумбрия, Мерсия и Восточная Англия – королевства англов и, наконец, Кент — королевство ютов. Поэтому VII–VIII вв. в истории Британии называют обычно периодом, когда существовала гептархия (семикоролевье).

Самыми могущественными из этих семи королевств были: Нортумбрия, Мерсия и Уэссекс. «Отношения между королевствами отличались крайней переменчивостью» (Дж. Блэк). «В мире политики VII в. возможно было добиться значительной власти, но было трудно надолго ее удержать. Почему короли поднимались на сцену и исчезали с нее столь стремительно?, – задавал вопрос Джон Блэр, – Одна из причин заключалась в том, что власть и возможность завоевывать новые земли зависели от вооруженных сил; воинов нужно было привлекать подарками, для того, чтобы дарить подарки, нужно было богатство; а богатство, в свою очередь, добывалось при помощи власти и завоевания. Общество раздирали усобицы, принцип наследования королевской власти в нем был...неопределенным; многие знатные люди, даже королевской крови, покидали своих родичей и искали себе щедрого и близкого по духу властителя» (Оксфордская история Британии).

Первым, из англосаксонских королевств начала возвышаться Нортумбрия при королях Освальде, Осви и Эгфрите (между 634 и 685 г.), то есть на протяжении полувека. Однако первенство Нортумбрии постоянно оспаривалось другими королевствами. «Поражения от Мерсии (678 г.) и от пиктов (685 г.) положили конец гегемонии Нортумбрии» (Дж. Блэк).

Вторым королевством, которое безуспешно попыталось установить свою гегемонию в Британии была Мерсия. Основы ее могущества были заложены королем Этельбальдом (716–757), который правил больше 40 лет, принял ряд хартий и объявил себя «королем не только мерсийцев, но и всех провинций, которые известны под общим названием «Южная Англия». Прем-

ник Этельбальда Оффа (757–796) – правивший 39 лет «становится наиболее могущественным из английских королей до Альфреда Великого» (*Оксфордская история Британии*). По словам С. Дженкинса «Оффа ... был королем, который вечно находился в движении, верша правосудие и взимая дань в своих владениях» (*С. Дженкинс*).

Оффа – «жестокий дикарь» (*Оксфордская история Британии*), сумел подчинить себе Эссекс, Суссекс, Восточную Англию и Kent. Причем, в отдельных случаях он действовал, судя по всему, довольно жестко. Так в «Хронике» за 794 г. (где упоминается Восточная Англия) говорится: «В этом году Оффа, король Мерсии, приказал отрубить голову (королю) Этельберту». Или, например, говорится о том, что он помыкал королем Кента Эгбертом (*Оксфордская история Британии*).

Оффу знали и на европейском континенте. Император Карл Великий, обращался к нему как к равному «своему дражайшему брату», желал, чтобы один из его сыновей женился на дочери Оффы, прислал в подарок Оффе, старинный меч и шелковые мантии. «Таким образом, мы видим, – пишет У. Черчилль, – что Оффу признавал равным себе по положению величайший правитель в Европе» (*У. Черчилль*). «Несомненно, Оффе должно было нравиться, что его сочли вторым Карлом Великим» (*Оксфордская история Британии*).

Правда «личное честолюбие Оффы превышало его возможности. Когда Карл Великий предложил женить своего сына на одной из дочерей Оффы, Оффа согласился на этот брак, выдвинув встречные условия, что дочь императора, в свою очередь, выйдет за его собственного сына. Говорили, что император пришел в ярость – ведь подобное условие предусматривало равенство между ними! – и разорвал какие бы то ни было отношения с Мерсией и ее королем вплоть до того, что на время даже запретил торговлю между государствами» (*С. Дженкинс*).

Знаменитый монах-хронист Алкуин (живший при дворе Карла Великого), обращался к Оффе в таких выражениях: «Ты – слава Британии и меч против ее врагов».

Оффа «стал чеканить собственные монеты, причем на них

изображались Синетрит (его жена), ... первая и единственная англосаксонская королева, чье изображение когда-либо появлялось на монете» (С. Дженкинс).

Оффа покровительствовал христианской церкви и лично принимал участие в работе церковных соборов, он установил хорошие отношения с папой римским, принимал его послов, а также согласился выплачивать (правда, небольшую) ежегодную дань папству.

Взросшее могущество Мерсии отразилось в титулах, которые присвоил себе Оффа «король англичан» («rex Anglorum») и «король всей земли англичан» («rex totius Anglorum patriae»). Действительно, с Оффой, в Англии «появился король, который правил большей частью острова» (У. Черчилль). Еще одним подтверждением силы Мерсии (в правление короля Оффы) может служить, сооруженный в 785 г., огромный вал («Вал Оффы»), идущий по холмам, долинам и лесам от устья Северна до Мерсея», отделявший его земли от еще непокоренных земель бриттов и демонстрирующий «не только могущество этого человека, но и его политику». Это была – «граница (с бриттами), проведенная по соглашению (с ними) и к взаимной выгоде» (У. Черчилль).

Стремясь всеми средствами усилить свою власть, Оффа был безжалостен как к своим родственникам, так и к соседям. В 787 г. (за девять лет до смерти), он произвел своего сына Эгфрита (на торжественной церемонии) в короли Мерсии. Однако, вскоре после смерти Оффы, который фактически стал «владыкой всей Британии» (А. Г. Глебов), умер и Эгфрит. Монах-летописец Алкуин, увидел в этой внезапной и быстрой смерти суд Божий: «Кара за кровь, пролитую отцом, ныне настигла и сына; ведь хорошо известно, сколько крови пролил отец, чтобы сохранить королевство для сына».

Общественный строй англосаксонских королевств.

Основными источниками для суждения об общественном строе англосаксонских королевств являются, прежде всего, англосаксонские «Правды» (Кента, Уэссекса и др.) и знаменитая «Сага о Беовульфе» (эпическая поэма, созданная где-то в VII в.,

демонстрировавшая языческий дух, архаичные общественные отношения, описания подвигов героя Беовульфа – его борьбу с чудовищем Гренделем, которое 12 лет разбойничало в землях короля данов Хродгара, и его битва с драконом). Этот эпос («Сага о Беовульфе») «открывает перед нами героический и языческий, в своих основах, мир знати VII века» (*Оксфордская история Британии*). В поэме мир политики оказывается беспокойным и полным насилия; лейтмотив поэмы: верность и междоусобная борьба. В ней говорится о необходимости отомстить за погибшего друга и попытаться обрести славу: «Лучше для каждого отомстить за друга, чем долго оплакивать... Пусть тот, кто может, добудет славу перед смертью...».

Завершается «Сага о Беовульфе» описанием его погребения:

Вождю воздали последнюю почесть
Двенадцать всадников высокородных, –
Объехав стены с обрядным пением,
Они простились с умершим конунгом,
Восславив подвиги и мощь державца,
И мудромыслие, – так подобает
Людям, любившим вождя при жизни,
Хвалить, как прежде, и чтить правителя
Провозглашая: среди владык земных
Он был щедрейшим, любил народ свой
И жаждал славы вековечной.

«Представленное в поэме общество является обществом варварско-героическим, в котором преобладают родо-племенные отношения, хотя уже намечается и социальная и имущественная дифференциация» (А. Г. Глебов).

На территорию Британии англосаксы перенесли марку (поземельную соседскую общину). Община распределяла землю между своими членами кёрлами (свободными крестьянами – общинниками). Земельный надел кёрла именовался гайдом и составлял около 48–50 га, представлял совокупность так называемых конов (участков: пашня, выгон для скота – луг и т.д.), и передавался в наследственное пользование кёрла. Кроме гайд в землю общины входил и так называемый фольклэнд (общинная

земля: луга, воды и леса, которыми все кёрлы пользовались совместно).

Для VI–VIII вв. было характерно равенство земельных наделов. Затем, однако, этот порядок начал нарушаться, так как представители англосаксонской знати (эрлы, тены) захватывают земельные владения (основывают поместья) по сорок гайд. Разница между простыми кёрлами и знатными людьми эрлами видна и в размерах вергельда, выплачиваемого за убийство человека (за кёрла – 200 шиллингов, за эрла – 400 шиллингов, за королевского дружинника – гезита – 600 шиллингов, за королевского дружинника – гезита, владевшего землей – 1.200 шиллингов, за летов или уили (крестьян-кельтов) платили от 40 до 80 шиллингов).

С VIII в. англосаксонские короли начинают жаловать земли своим дружинникам. Эти земли получили название бокленд (т.е. «земли по грамоте»). В грамоте о пожалованной земле, ее владельцу предоставлялись судебные и финансовые права над населением данного бокленда.

И с населения фолькленда и с владельца бокленда короли требовали исполнения трех повинностей: военной, повинности чинить мосты и дороги, и службы по поддержанию укрепленных пунктов (*В.В. Штокмар*).

Государственный строй англосаксонских королевств.

Мельчайшей административно-территориальной единицей у англосаксов была марка (община); ее административные и хозяйственные дела решались на сельском сходе, а административным лицом общины был староста.

Несколько марок (общин) объединялись в так называемые сотни (округа); их дела решались на народном собрании сотни; большая роль (с IX в.) принадлежала в народном собрании 12 старшим тенам – наиболее почтенным и богатым представителям общин, входивших в сотню.

Несколько сотен объединялись в графства (иногда это были прежде независимые королевства), их дела решались на фолькмоте (народном собрании графства), а графство возглавлял элдормен.

Несколько графств составляли королевство. Во главе королевства стоял король и уитаны (знатные магнаты). Был создан и Уитенагемот (совет уитанов – мудрых людей), собиравшийся время от времени. Туда входили: родственники короля, епископы, элдормены отдельных графств. Общее число уитанов достигало 30–100 человек. Без совещания с уитанами, утверждает С. П. Маркова, – король не решал ни одного важного вопроса» (*С. П. Маркова*). Современный британский историк Кристофер Брук, однако, считал права Уитенагемота сомнительными и неясными (*К. Брук*).

Все свободные англосаксы были воинами, имели оружие и были обязаны служить в фирде (народном ополчении).

Из семи английских королей, эпохи гептархии, один считался старшим и носил титул бретвальда, то есть своеобразного верховного короля (*Оксфордская история Британии*). «Интерпретация этого титула, который обычно переводится как «правитель Британии», вызывает серьезные трудности и споры исследователей. Некоторые специалисты предполагают, что его следует понимать не в политико-государственном, а скорее, в героико-литературном смысле, поскольку аналогичные выражения (типа «податель колец», ... даже «самовластец») хорошо известны в англосаксонской героической поэзии. Другие считают, что этот титул вообще не имел реального содержания... Третьи, которые, как представляется, наиболее близки к истине, полагают, что термин «бретвальда» был заимствован англосаксами в римской фразеологии и предполагал вполне реальное политическое наполнение, употребляясь по отношению к королям, гегемония которых признавалась другими англосаксонскими правителями южной и восточной Англии» (*А. Г. Глебов*). У бретвальды были значительные поместья в землях (младших) королей. Бретвальд имел право получать от них дары.

Христианизация Британии.

Христианизация Британии произошла, собственно еще до англосаксонского завоевания. В христианской церкви Британии как бы выделились две ветви: 1. Собственно британская, тесно связанная с Римом и 2. Ирландская, которая имела ряд

особенностей. Христианскую миссию в Британии возглавил Святой Иллуд, миссию в Ирландии – Святой Патрик, который умер в 461 г. День Св. Патрика в Ирландии отмечают 22 марта. Но при этом «Ирландская и британская миссии соперничали друг с другом» (*В. В. Штокмар*).

В конце VI в. (в 597 г.) папа Григорий Великий направил в г. Кентербери (столицу Кента) римского монаха Августина. Он основал там монастырь и обратил короля Этельберта в христианство. Августин, который «был человеком надменным и лишенным чувства юмора» (*Оксфордская история Британии*) в 601 г. стал первым архиепископом Кентерберийским. Затем были христианизированы Эссекс, Уэссекс, Восточная Англия. Этим, собственно, и было положено начало обращению Англии в христианство. Как бы параллельно христианство распространяется в Ирландии (например, в 563 г. ирландский монах Колумба основал монастырь на о. Иона – близ западного берега Шотландии, в начале VII в. (600 г.) ирландские христианские миссионеры обратили в христианскую веру язычников-пиктов, в 635 г. христианский монах Айдан основал монастырь Линдисфарн в Нортумбрии).

В 664 г. в Уитби произошла встреча римских и ирландских христиан. Спорили римский прелат Уильфред и кельтский монах Кутберт. Победило (на соборе) римско-католическое духовенство (*С. П. Маркова*).

С VII в. «главным центром миссионерской активности стала Англия» (*Дж. Блэк*). Английские миссионеры принесли христианство в Голландию, Германию и Скандинавию. С конца VII в. в крупных городах Англии начинают строиться монастырские церкви.

Христианство способствовало распространению грамотности и образования, появляется (именно под его влиянием) каменная скульптура (в том числе и в виде знаменитых каменных крестов Бьюкаслского и Рутвельского (на последнем изображены сцены распятия Христа), появляются миниатюры. Особенно знаменито, так называемое «Линдисфарнское Евангелие», созданное в конце VII–начале VIII вв. Сейчас оно хранится

в Британской национальной библиотеке и являет собой замечательное сочетание кельтских и континентальных мотивов. Равного ему по красоте нет во всей Северной Европе. Чтобы создать подобный шедевр понадобились годы вдохновенного труда, а также искусно выделанная кожа полутора тысяч телят (С. Дженкинс).

Христианизация Британии окончательно завершилась лишь в начале IX в. (около 800 г.) (Англия. Автобиография).

3. Борьба с викингами.

С конца VIII в. на Британские острова начали совершать набеги даны «отряды грозных воинов» (У. Черчилль), (так в те времена называли датчан и норвежцев).

В Европе их потом стали именовать норманнами или викингами. Единого убедительного объяснения термина «викинг» нет, – замечает по этому поводу С. П. Маркова, хотя «большинство исследователей полагают, что он происходит от древнескандинавского глагола *víkja*, что означает «отклоняться», «поворачиваться» (С. П. Маркова). Соответственно, – пишет А. Г. Глебов, – «викинг» – это человек, покинувший свой дом, или воин, ушедший за море в поисках удачи и богатства» (А. Г. Глебов). «Слово «викинг» в те времена даже использовалось как глагол, выражение «to go viking» означало «заняться морским разбоем, пиратством»» (С. Дженкинс).

Норманны нередко грабили монастыри, города, села, захватывали людей в плен, обращали их в рабство, восстанавливали языческую веру.

«Даны, пишет У. Черчилль, – были невероятно жестокими... они обычно отмечали победу, поставив котлы с едой на тела поверженных врагов или воткнув в них вертелы...» (У. Черчилль).

Когда, однажды местные жители спросили данов, зачем те так поступают, они услышали в ответ: «А почему бы и нет? Они бы поступили с нами также, если бы победили». «Об этих скандинавских воинах говорили, что они никогда не оплакивают ни свои грехи, ни смерть своих друзей» (У. Черчилль).

Вместе с тем их отличала дисциплина, стойкость, чувство

товарищества и боевой доблести, которые «без сомнения, превратили их...в самый отважный и грозный народ в мире», – замечает У. Черчилль.

Даны (норманны) в VIII–IX вв. создали самые совершенные (на тот период) ладьи. На каждом борту было по 16 весел от 17 до 19 футов длиной (то есть от 510 до 570 см). Каждая ладья могла взять на борт экипаж в 50 человек и еще 30 воинов с запасами на месяц. «Это были боевые корабли, способные при осадке около метра, ... проходить под парусами 80 километров в день» (С. Дженкинс). В 1892 г. одно такое судно, построенное по образу и подобию судов викингов, пересекло Атлантику за 4 недели, – замечает У. Черчилль.

Первое нападение норманнов на Британию произошло летом 789 г. (в районе Дорчестера), когда на берег высадились войны с трех кораблей.

В январе 793 г. викинги, захватили и разграбили монастырь в Линдисфарне (так называемый Холи-Айленд) неподалёку от побережья Нортумбрии. «Летописи свидетельствуют, что «язычники поливали кровью монахов пол вокруг алтаря и топтали их тела в храме Господнем, как уличную грязь»» (С. Дженкинс). Они зарезали скот, уничтожили множество драгоценных рукописей и уплыли с богатой добычей: золотом, украшениями, священными предметами и пленными-монахами.

Правда, в следующем году (794 г.), когда викинги попытались захватить монастырь в Ярроу, англы атаковали их смело и решительно, нанеся им серьезное поражение. Многие викинги были убиты. Их «король» был взят в плен и подвергнут жестокой казни. «Может быть, на протяжении 40 лет, английские берега не знали жестоких нападений» (У. Черчилль).

Викинги (в это время) ограничиваются нападениями на восточное побережье Шотландии и на шотландские острова. Они не пытаются захватить какие-либо земли и их удержать. Главная их цель – военная добыча – «дерзкие, коварные пираты мошенники» наводят ужас на местных жителей (У. Черчилль).

С середины 30-х г. IX в. нападения викингов усиливаются.

У. Черчилль пишет, в частности, о том, что в 835 году мощные флоты викингов (в 300–400 кораблей) устремляются «по рекам Англии, Франции и России». В течение тридцать лет южная Англия подвергается постоянным нападениям лихих морских разбойников (например, в 842 г. викинги устроили «большую резню» в Лондоне и Рочестере. Лондон был сожжен. Уцелели (по словам хрониста) лишь те дома, которые уплатили выкуп; или, например, в 866 г. «великая армия язычников» пришла в землю англов и фактически завоевала Восточную Англию, оставшись там на зимовку; в 867 г. викинги окончательно покорили Нортумбрию а, в следующем 868 г. напали на Мерсию).

В результате Восточная Англия, Нортумбрия и Мерсия признали власть викингов.

Чем же объяснялись успехи викингов и относительное быстрое (где-то в течение 30 лет) покорение ими Британии?

Одной из важнейших причин были уособицы между англосаксонскими королевствами и внутренние неурядицы, ослаблявшие эти королевства.

Другой причиной было «чисто военное превосходство» викингов, у которых были боевые топоры, длинные мечи, железные шлемы, щиты и кольчуги – у англосаксов же основным оружием были дротики, короткие мечи и кожаные латы.

Кроме того, «флот англосаксов был ничтожным по сравнению с флотом датчан» (*В. В. Штокмар*).

Надо, наконец, упомянуть их (викингов) «мобильность и искусство вести войну» (*У. Черчилль*).

Таким образом, к концу 60-х гг. IX в. «значительная часть англосаксонской территории уже была в руках завоевателей и само существование такого королевства, как Уэссекс оказалось по угрозой» (*В. В. Штокмар*).

4. Англия в период правления Альфреда Великого и его преемников

В 871 г. викинги продвинулись вверх по Темзе, заняли Риндинг и таким образом вторглись во владения Уэссекса. Король

Уэссекса Этельред дал им сражение у Эшдауна в январе 871 г., в котором англосаксы разбили армию викингов, «но победа эта не имела какого-либо значения...» (В. В. Штокмар).

На протяжении всего года шла упорная война между викингами и англосаксами Уэссекса; в это время умер король Этельред и ему наследовал 23-летний брат Альфред (871–899), прозванный Великим. «... титул «Великий» следует прежде всего отнести к его военному гению, позволившему мобилизовать скрытые резервы страны на успешное сопротивление заморским захватчикам» (А. Г. Глебов).

«История правления Альфреда – это прежде всего история его борьбы с датчанами» – справедливо пишет В. В. Штокмар.

Как же, в таком случае, разворачивалась эта борьба?

Произошло семь или восемь битв и, как сообщают источники (а это, так называемая «Англосаксонская хроника» и сочинения епископа Ассера), поле боя оставалось за викингами.

В 876 г. Альфред предложил викингам выкуп – в обмен на мир. «Саксы заключили мир с варварами на условии, что они откупятся от них, и они это сделали», сообщает об этом «Хроника». Викинги (дань) Альфреду принесли присягу и выдали ему даже заложников, но уже в 878 году договор был нарушен и отряды викингов разгромили англосаксов и фактически захватили весь Уэссекс. Альфред бежал в местечко Этельни, находившееся среди сомерсетских болот и начал подготовку наступления против викингов.

В итоге он собрал значительное войско и нанес викингам решительное поражение в Эддингтоне – в «самом крупном сражении из всех войн Альфреда» (У. Черчилль), в котором; враги «бились мечами и топорами в течение четырех часов».

Итогом было заключение Уэдморского мирного договора (879 г.) с викингами, условия которого «были весьма выгодны для Альфреда» (Б. А. Ли):

1. Согласно этому договору король данов Гутрум и многие его войны приняли христианство (Альфред стал даже крестным отцом Гутрума).

2. Англия была поделена между данами и Альфредом.

3. Викингам досталась Нортумбрия, Восточная Англия, Центральная Англия, часть Мерсии и г. Лондон; Альфреду - Уэссекс, то есть практически весь юго-запад Англии.

Область Англии, отошедшая данам, получила название Области датского права.

Альфред (получив своеобразную мирную передышку) стал усердно готовиться к новой борьбе с данами. Это проявилось в следующих его мероприятиях:

1. По его приказу было построено около 100 кораблей (на некоторых было по 60 весел и более) – устойчивых, прочных и быстроходных. Поэтому «начало английского военно-морского флота нужно связывать с королем Альфредом» (*У. Черчилль*). Он по праву носит имя «создателя английского флота» (*Б. А. Ли*).

2. Он повелел укрепить границы Уэссекса тридцатью (даже тридцатью двумя – «Оксфордская история Британии») бургами (военными фортами) и таким образом выросла целая «система бургов» (*В. В. Штокмар*) – вдоль пролива, в долине Темзы и в устье Северна.

3. Была проведена реорганизация фирда (ополчения англосаксов). Население каждых пяти гайд вооружало одного война, содержало его, снабжало всем необходимым. Эти профессиональные войны назывались тенами. В результате сформировался следующий состав войска Альфреда: сам король с королевскими тенами (за вергельд в 120 шиллингов); элдормены со своими отрядами; духовенство со своими отрядами; тены (с вергельдом в 600 шиллингов); кёрлы (рядовые свободные войны, с вергельдом в 200 шиллингов) и, так называемые «бурговые люди» – используемые в качестве гарнизона крепостей и на различных работах по строительству укреплений.

Одновременно, большого развития в правление короля Альфреда достигли просвещение и культура. Сам Альфред был чрезвычайно умным и образованным (по мерам, конечно, своего времени) человеком, поощрял церковь и ученость. «С колыбели, – писал современник Альфреда епископ Ассер, – его (короля) наполняла любовь к мудрости» (*«Житие короля Альфреда»*).

В частности, при нем создается «Судебник (сборник законов) короля Альфреда» (*«Правда Альфреда»*). Это был своеобразный кодекс обычного права, применяемый судами. На их основе феодальные юристы создали позднее обычное право.

При Альфреде были восстановлены монастыри и начали создаваться монастырские школы, была учреждена специальная школа для молодых, знатных англосаксов «по образцу франкской: в ней юные отпрыски королевского рода, сыновья знатных людей и способные мальчики из простых семейств должны были под присмотром опытных наставников учиться читать и писать на английском и на латыни...». Альфред «отдал восьмую часть своих доходов на воспитание юношества» (*Б. А. Ли*).

Началась энергичная работа по переводу латинских сочинений на англосаксонский язык. «Считается, что из шести переведенных при Альфреде сочинений, пять были переведены им самим, а шестое («Диалоги Григория») епископом Вустерским Уэрфертом, одним из приближенных короля» (*В. В. Штокмар*).

В правление Альфреда начинают составляться «Англосаксонские хроники». «Со времен короля Альфреда хроники точны, часто многословны, иногда написаны с пониманием истории и в то же время не лишены красноречия» (*У. Черчилль*). Таким образом, «король Альфред внес свою лепту в становление права и юстиции, в преобразование армии и флота, в возрождение Церкви и создание школьной системы» (*Б. А. Ли*).

В целом, деятельность Альфреда по распространению грамотности и просвещения имела большое значение для развития культуры Англии, для развития англосаксонского языка и литературы. «Оксфордская история Британии» даже называет это «наиболее замечательным из всех достижений Альфреда».

В 890 г. большой флот датчан (250 кораблей), вышедший из Булони пересек Ла-Манш. Началось новое нашествие данов, которому Альфред упорно сопротивлялся с помощью своего 22-летнего сына Эдуарда и зятя Этельреда (короля Мерсии).

Только к 897 г. англосаксам удалось прогнать дана Гастинга, который с 80 кораблями появился в устье р. Темзы еще в 890 году.

С 897 г. по 899 г. (т.е. до самой смерти Альфреда) военные действия не возобновлялись.

В «Хронике» по поводу войны 890–897 гг. сказано: «По милости Бога армия (данов) не нанесла большого урона английскому народу».

У. Черчилль следующим образом оценивает правление короля Альфреда:

«В суровые времена нормандского господства фигура великого Альфреда служила маяком, ярким символом побед саксов. Он был народным героем. Правитель научивший их мужеству и придавший им уверенность в своих силах во время беспрестанных войн с данами, поддержавший их своей твердой верой, давший им законы и хорошее управление, сохранивший в хрониках их героические дела, прославлен в легендах и песнях, как Альфред Великий» (*У. Черчилль*). По словам его биографа Беатрис Аделейд Ли, «из всех государственных деятелей прошлого Альфред с наибольшим основанием может быть причислен к национальным героям... . Альфред сохранил Англию для англ» (*Б. А. Ли*).

26 октября 899 г. «за шесть дней до дня Всех Святых» (1 ноября) Альфред Великий умер.

«Политику Альфреда продолжили его способные и умелые преемники. Борьба с викингами сыграла важнейшую роль в развитии государства...» (*Дж. Блэк*).

Это были Эдуард Старший (899–924), покоривший Восточную Англию, отбивший новое нападение датчан и начавший завоевывать Область датского права (в частности, в 924 г. он покорил северные области и Стратклайд) и его сын Этельстан (924–940), который нанес мощное поражение Лиге, в которую входили Шотландия, Уэльс и Область датского права (926 г.). Через 10 лет он вновь совершил поход на север и снова разбил шотландцев (936 г.), потом он одержал победу над датчанами, но в 940 г. внезапно умер и на престоле оказался малолетний Эдмунд (940–946). На севере тотчас началось восстание, и юный король был убит в 946 г.

На протяжении десяти лет в Уэссексе сменилось несколько

королей и лишь 959 г. положение стабилизировалось, когда на престол вступил 14-летний Эдгар (959–975). Он – «сильный, способный, упрямый молодой человек», (*К. Брук*) был торжественно коронован «как король всех англичан» в г. Бате (правда лишь в 973 г.). При нем старое название «Британия» было заменено названием «England» – страна англоv, Англия. Это явилось «показателем политической консолидации и нивелировки этнических различий народов, населявших Британию ...» (*А. Г. Глебов*). При Эдгаре начали печатать пенсы, было введено деление Англии на ширь (графства), был установлен церемониал коронации монарха. «В его царствование происходит окончательное инкорпорирование в состав англосаксонского государства Области датского права: норманнская знать получила высокие должности в государственном управлении и церковной иерархии, но на местах были сохранены скандинавские обычаи и традиции» (*А. Г. Глебов*).

После смерти Эдгара (975 г.) вновь начинаются усобицы, укрепляются позиции феодализировавшейся знати, сменяются на престоле короли Англии.

Тем временем усиливается Датское королевство, возникшее еще в начале IX в. Возобновляются набеги датчан и норвежцев на Англию (в 992 и 994 гг.). Король Этельред «Неразумный» (979–1016), «который плохо умел командовать или внушать к себе доверие» (*Дж. Блэк*) договаривается с викингами о мире (в 994 г.), заплатив им большую сумму денег (240 тыс. фунтов) «Данегельда» (*Дж. Блэк*). Отсрочка продолжалась, однако, лишь девять лет.

В 1003 г. большой датский флот короля Свейна пристал к английскому берегу и потом в течение четырех лет датчане грабили юг и юго-восток Англии, «зажигали военные маяки» (то есть жгли замки и города) – и ушли, лишь получив большой выкуп. Затем явились норвежцы, разорившие Мерсию и Восточную Англию (например, в 1012 г. они разграбили г. Кентербери и убили архиепископа Эльфги). В следующем 1013 г. Свейн опять напал на Англию. «Много людей было перебито, церкви и города были разграблены, деревни опустошены и сожжены» (*В. В. Штокмар*).

В начале 1014 г. Свейн «кровожадный старый викинг» (*К. Брук*) внезапно умер, и его сын 23-х летний Канут (Кнут) вернулся с флотом и войском в Данию, чтобы упрочить там свою власть. После возвращения Канута в Англию, «бездарный король» (*А. Моруа*) Этельред бежал в Нормандию, где и умер в 1016 г. Ему наследовал его сын Эдмунд Железнобокий.

Эдмунд Железнобокий, опираясь на Лондон, оказал датчанам яростное сопротивление, за семь месяцев провел семь битв – «дух Альфреда снова возродился в сыне Этельреда» (*У. Черчилль*) и в 1017 г. заключил с Канутом договор, поделив с ним Англию по р. Темзе. Но несколько дней спустя Эдмунд внезапно умер. Ему было всего 22 года. Ч. Диккенс предположил, что Эдмунд Железнобокий был отравлен, хотя точных данных об этом нет.

Полновластным королем Англии стал датский король Канут (1017–1035). В его державу, фактически, Империю, входили Дания, Норвегия и Англия, хотя У. Черчилль называет его королем пяти или шести королевств. Это был человек властолюбивый, жадный, жестокий, но также и достаточно умный (например, он распустил огромную датскую армию, оставив при себе лишь небольшой отряд хускерлов (королевских телохранителей) в 3200 человек (*А. Моруа*), показав, тем самым, что полностью доверяет преданности униженных им англичан; женился на Эмме Нормандской – вдове Этельреда Неразумного; строил церкви и монастыри, заявлял о своей приверженности к христианской вере и папской власти; свою дочь он выдал замуж за германского императора Конрада. «В 1018 г. Кнут созвал данов и англов на большой съезд в Оксфорде, где те и другие поклялись соблюдать древние англосаксонские законы. Удивительной личностью был этот царственный пират, в столь молодом возрасте превратившейся в ... короля-охранителя. Приняв христианство, он проявил такое благочестие, что даже отказался носить корону и повесил ее над главным алтарем Винчестерского собора, дабы показать, что единственный король – Бог» (*А. Моруа*).

После смерти Канута Великого (12 ноября 1035 г.), который

был «жесток и безжалостен» (*Ч. Диккенс*) вновь начались уобицы, теперь уже между его сыновьями Гарольдом и Гардиканутом. В 1035 г. север признал королем Гарольда, а юг – Гардиканута. После того, как в 1040 г. умер Гарольд, единственным государем Англии стал Гардиканут, установивший жесточайший режим и безжалостно грабивший население (1040–1042).

В 1042 г. во время попойки Гардиканут умер. «Так в 1042 г. кончилось владычество датчан в Англии» (*В. В. Штокмар*). Англосаксонская знать (во главе с любимцем Канута Годвином) призвала на престол, жившего в Нормандии сына короля Этельреда Эдуарда Исповедника.

Правление Эдуарда Исповедника (1042–1066).

«Сам Эдуард, прозванный за свое благочестие Исповедником, – по словам В. В. Штокмар – был достаточно ничтожной фигурой, чтобы справиться с разбушевавшимися англосаксами и нормандскими магнатами». «Эдуард Исповедник был человеком добродетельным и мягким, но безвольным и почти по-детски наивным» (*А. Морья*).

У. Черчилль называет Эдуарда «слабовольным, мягким, добрым человеком», «тихим и набожным». Авторы «Оксфордской истории Британии» дают Эдуарду следующую характеристику: «Он не был особенно выдающимся человеком. Но он не был и блаженным дурачком. Как и многие люди его положения и его времени, он был посредственностью» (*Оксфордская история Британии*). Джон Ричард Грин назвал его «тенью прошлого, промелькнувшего на троне Альфреда» (*Дж. Р. Грин*). Пожалуй единственным исследователем, давшим несколько отличную от традиционной характеристику личности короля Эдуарда, был А. Г. Глебов. «В первые годы своего правления Эдуард Исповедник – пишет он, – проявил себя как энергичный государь ... он не колебаясь, лишил вдовьей части наследства свою мать Эмму, заподозренную в заговоре в пользу норвежского короля Магнуса, претендовавшего на английский престол. Он авторитарно назначал высших церковных иерархов, включая архиепископа Кентерберийского, из числа прибывших с ним нормандцев. В 1044 и 1048 г. под его руководством были успешно отражены

две попытки норвежцев высадиться на английском побережье» (А. Г. Глебов).

При этом, Эдуард оказывал явное предпочтение нормандцам. В 1051 г. это привело к его конфликту с Годвином, который должен был отправиться в изгнание, англосаксонская партия была разгромлена, королева Эдита (дочь Годвина) была отправлена в монастырь. Но уже в 1052 г. Годвин «хитрый, беспощадный и интересующийся только материальной выгодой» вельможа (С. Дженкинс) с флотом появился на Темзе и вошел в Лондон.

Он и его сын Гарольд восстановили свои позиции. Нормандские придворные и прелаты в панике бежали. «...Годвин стал фактически самостоятельно править государством при короле Эдуарде» (а когда Годвин умер, в 1053 г., его сменил сын Гарольд). «Дом Годвинов владел более чем половиной всех английских земель» (В.В. Штокмар).

«Состояние Англии в последние годы правления Эдуарда Исповедника можно характеризовать как далеко зашедшую политическую слабость» (У. Черчилль).

5 января 1066 г. Эдуард Исповедник умер. Он завещал свое королевство Гарольду.

Англосаксонские магнаты сразу же признали его королем и он короновался уже через шесть часов после смерти своего предшественника.

Каково же было историческое значение англосаксонского периода в истории Британии в целом? В работе «Англия. Автобиография» под редакцией Джона Льюиса-Стемпела об этом сказано следующее: «За три столетия англосаксы создали в Англии английский язык, предок современного и английскую культуру, английскую церковь и английский ландшафт. У них даже имелся своего рода прообраз парламента – большой совет (Уитан), решения на котором принимались по общему согласию, а не по велению короля. Более того, они – уникальное для западного мира явление – сумели создать национальную идентичность, целостность превыше родства и крови, недаром ведь Беда озаглавил свое сочинение «Церковная история народа (не народов!) англов» (Англия. Автобиография).

Тема 3. Англия в эпоху средних веков

План

1. Нормандское завоевание Англии. Правление Вильгельма I. Итоги нормандского завоевания.
2. Англия при преемниках Вильгельма Завоевателя.
3. Генрих II Плантагенет и его реформы.
4. Ричард Львиное Сердце. Иоанн Безземельный. «Великая хартия вольностей» и возникновение парламента.
5. Развитие Англии в XIII – первой половине XV вв.
6. Окончание правления Ричарда II. Развитие культуры Англии в средние века. Генрих IV и Генрих V. Завершение Столетней войны.
7. Англия накануне Войны роз.
8. Война Алой и Белой роз. Установление династии Тюдоров.

1. Нормандское завоевание Англии. Правление Вильгельма I

Итоги нормандского завоевания

Узнав о смерти Эдуарда Исповедника, герцог Нормандии тридцатидевятилетний Вильгельм направил в Англию послов, потребовав у Гарольда вассальной присяги. Это объяснялось тем, что у самого Вильгельма, приходившегося внучатым племянником умершему королю Эдуарду, были определенные права на английскую корону. Одновременно, он объявил, что Гарольд -узурпатор и клятвопреступник. Последнее обстоятельство было связано с тем, что двумя годами ранее (в 1064 г.), во время плавания по Ла-Маншу, корабль Гарольда потерпел крушение у берегов Франции, и он нашел прибежище при дворе герцога Вильгельма. Там он, якобы, признал права Вильгельма

на английский престол и принес ему клятву верности (*С. Дженкинс*). Обратившись к папе Александру II, Вильгельм добился его благословения на вторжение в Англию. Папа прислал ему освященное знамя, тем самым санкционировав поход на Англию.

Сам герцог Вильгельм был весьма примечательной личностью. Его отец – герцог Роберт Нормандский влюбился в дочь дубильщика Арлетту, взял ее в свою столицу г. Фалез и «от этого, – как выразился У. Черчилль, – романтического союза» в 1027 г. родился Вильгельм. Когда мальчику было всего 7 лет герцог Роберт умер. Когда же ему исполнилось 20 лет, крупные феодалы организовали против него заговор, чуть не стоивший ему жизни. Затем он разгромил заговорщиков битве при Вал-э-Дюн в 1046 г. чем упрочил свое положение в герцогстве, ибо эта победа «в принципе обеспечила Вильгельму суверенную власть над классом феодалов в целом» (*П. Зюмтор*). По словам его биографа, герцог блистал «безрассудной отвагой и неутомимостью, в одиночку атаковал 15 рыцарей противника и, преследуя, захватил семерых из них в плен» (*П. Зюмтор*).

Вильгельм, вместе с тем, был человеком крайне жестоким (так, например, когда жители осажденного им г. Алансона, издевательски вывесили на стенах шкуры, крича: «Шкуры для дубильщика!», Вильгельм, захватив город, предал его разграблению, знатных же жителей либо изувечил, либо снял с живых кожу» (*У. Черчилль*). Его биограф уточняет, что «по приказу Вильгельма схватили тридцать два обитателя города, как буржуа, так и рыцарей, и на виду защитников донжона, все еще оказывавших сопротивление, отрубили им руки и ноги» (*П. Зюмтор*). Наряду с этим, Вильгельм обладал полководческими талантами «и этим создал своему небольшому герцогству престиж...» (*У. Черчилль*). «Англосаксонская хроника» называет его человеком «великой мудрости и могущества и честью и силой превосходившего всех, кто правил до него. Суровый и безжалостный к тем, кто противился его воле, он был добр к тем, кто ему подчинялся и почитал Господа» (*Англосаксонская хроника*). «К 1055 году все бывшие мятежники примирились с герцогом. Некоторые из них, у кого он сначала конфисковал владения, впоследствии были прощены им» (*П. Зюмтор*).

Между тем, на северную Англию в сентябре 1066 г. напал норвежский король Харольд Хардрада и сводный брат Гарольда Тостиг. Гарольд нанес им поражение 25 сентября 1066 г. у Стамфордбриджа. В бою погибли и норвежский король и Тостиг. Этим сражением, по словам Черчилля, была окончательно снята скандинавская угроза для Англии.

Сложившейся ситуацией воспользовался Вильгельм Нормандский. «Хронисты говорят, что он собрал шестьдесят тысяч человек и снарядил три тысячи кораблей». Однако, замечает Ш. Пти-Дютайи, «это условные цифры» (*Ш. Пти-Дютайи*). На самом деле Вильгельм собрал почти 700 кораблей, (впрочем, А. Г. Глебов, ссылаясь на Симеона Даремского, пишет, что флот Вильгельма состоял из 900 судов) и около 7 тысяч человек для вторжения в Англию. С. П. Маркова, в свою очередь, называет несколько иные цифры. По ее данным в поход на Англию Вильгельм взял с собой 5 тысяч воинов – 2 тысячи рыцарей и 3 тысячи лучников-пехотинцев (*С. П. Маркова*). В течение шести недель флот Вильгельма, однако, не мог отправиться в путь из-за отсутствия южного ветра (пришлось использовать даже такие «спецсредства» как кости Святого Эдмунда из церкви Сент-Валери – «крайние меры», – по ироническому замечанию У. Черчилля (*У. Черчилль*), доставленные в порт отбытия. Наконец подул юго-западный ветер и 28 сентября Вильгельм высадился на юге Англии в местечке Бивенси. При этом произошел примечательный случай: выходя из лодки, Вильгельм споткнулся и упал лицом вниз, но, проявив находчивость, воскликнул: «Видите, я взял Англию обеими руками». Гарольд с севера поспешил на юг с войском 8–10 тысяч человек. По словам В. В. Штокмар основную силу его войска составляли хускерлы, знать и крестьяне юго-востока. «Это были пешие отряды, основным их оружием были дубины и секиры. Вильгельм располагал войском в 5–6 тысяч тяжеловооруженных рыцарей и несколько тысяч лучников». По сути, в грядущем сражении столкнулись «две ступени развития в военном искусстве» (*В. В. Штокмар*).

14 октября 1066 г. в десяти километрах от Гастингса состоялась битва.

«Разгром англосаксонского войска был предрешен. В сражении погибли и Гарольд и многие тены и эрлы» (*В.В. Штокмар*). В свою очередь «Вильгельм, хотя и одержал победу, потерял в этом сражении треть своего войска и много боевых коней» (*С.Дженкинс*). В «Англосаксонской хронике» говорится о том, что при Гастингсе «герцог Вильгельм превзошел всех мужеством и ратным умением...Он управлял битвой, остановил бегство своих воинов, укрепил их дух, делил с ними все опасности,.. При одном виде этого грозного и разящего насмерть рыцаря многие враги теряли мужество и обращались вспять» (*Англосаксонская хроника*).

Оценивая значение битвы 14 октября 1066 г., А. Г. Глебов отмечает, что «это событие... знаменовало конец англосаксонского периода» (*А. Г. Глебов*). Лондон не оказал Вильгельму никакого сопротивления, как, впрочем, и вся южная Англия. На Рождество 1066 г. в Вестминстерском аббатстве состоялась коронация Вильгельма Завоевателя архиепископом Йоркским Альфредом, причем, как пишет Ордрик Виталий «сам король дрожал с головы до ног». Хотя Вильгельм и обещал «соблюдать добрые законы [короля] Эдуарда», на самом деле он широко применял против англосаксов репрессии, террор, устрашение (например, по его приказу все население г. Ромни, уничтожившее небольшой отряд рыцарей, было полностью перебито). «Вильгельм был коварен, честолюбив и способен на беспощадную жестокость» (*С. Дженкинс*). Суровость Вильгельма и пришедших с ним нормандских баронов, объяснялась тем, что первоначально соотношение сил было явно не в пользу завоевателей. «По всей видимости, было не более 10 тысяч нормандцев, живущих среди враждебного населения, насчитывающего 1 или 2 млн. человек» (*Оксфордская история Британии*).

«На протяжении, по меньшей мере, двадцати лет после захвата, норманны находились на положении вражеской армии в чужой стране» (*У. Черчилль*). В 1069 г. восстали северные районы страны и Вильгельм совершил туда карательную экспедицию. «Вильгельм отдал приказ: никакой пощады, предложений о прекращении борьбы не принимать, убивать всех до одного.

Все созданное руками людей – уничтожить» (*П. Зюмтор*).

В результате «Йоркская долина превратилась в пустыню» (*В. В. Штокмар*). Чтобы удержаться на завоеванной территории нормандцы возводили многочисленные крепости (Рочестер, Хедингем и др.). «В Англию переселились 200 000 нормандцев, французов и фламандцев. Примерно такое же количество англичан было убито или умерло от голода, что составило около пятой части тогдашнего населения» (*С. Дженкинс*). У городской стены Лондона началась постройка королевской крепости Тауэра (Белого замка – White Castle), около 1100 г. «Этот прямоугольный донжон высотой в двадцать семь метров, возводившийся из камня, который доставлялся из Кана, имел толщину стен около четырех метров» (*П. Зюмтор*). Таким образом, старейшим постройкам Тауэра сейчас уже более чем 900 лет. (Тауэр же, без сомнения, это – «самое древнее и поэтическое здание в Лондоне») (*С. Э. Цветков*).

С начала 70-х гг. XI в. Вильгельм все земли Англии объявил собственностью короля. Своих баронов он наделил феодами в 10–20 раз больше, чем те, которые у них были в Нормандии. «За два десятилетия нормандским епископам и аббатам была передана четверть английских земель, на которых они должны были основывать монастыри и строить церкви» (*С. Дженкинс*). Вместе с тем, огромные участки земли «в общей сложности 1422 манора» (*П. Зюмтор*), Завоеватель оставил за короной. У более, чем четырех тысяч тенов была конфискована земля и Вильгельм передал ее двумстам нормандцам, при чем «... только 5 % земель остались в руках англосаксов» (*С. Дженкинс*).

В 1085 г. по приказу Вильгельма была осуществлена земельная перепись. Все ее данные были сведены в так называемую «Книгу Страшного Суда», – «великую опись», – по выражению У. Черчилля. Сама перепись получила такое своеобразное название потому, что люди, отвечавшие на поставленные им вопросы, должны были отвечать без утайки, как если бы они предстали перед Страшным Судом (*П. Зюмтор*). Из 38 графств описаны были 34 и согласно приведенным в переписи данным, население Англии достигало где-то 1,5–2 млн. человек. 95 %

населения составляли деревенские жители и только 5 % – горожане, свободных крестьян было где-то 12 %, а остальные крестьяне были, по сути, крепостными. «Книга Страшного Суда»... показывает, что половина богатства всей страны была в руках менее чем двухсот человек (*Оксфордская история Британии*). «Ни в одной стране в Европе не было ничего подобного «Книге Страшного Суда». Ее значение трудно переоценить: это была не просто поземельная опись. «Книга Страшного Суда» впервые превратила нормандскую Англию в единое административное целое. В то время как Франция по-прежнему оставалась союзом разрозненных герцогств, Англия уже вступила на путь, ведущий к национальной монархии» (*С. Дженкинс*).

Ведя речь о социальных отношениях в Англии при короле Вильгельме I необходимо отметить следующее: повинности крепостных во времена Вильгельма Завоевателя состояли в барщине (3 дня в неделю), оброке продуктами, выполнении различных работ и, так называемых сервилльных повинностей, связанных с их личной несвободой (таких как: посмертный сбор, брачная пошлина при выдаче замуж дочери и т.д.)

Условия же держания фьефов (феодов) заключались в том, что:

- все землевладельцы (крупные и мелкие, духовные и светские, англосаксы и норманны, – безразлично) держали землю от короля;

- король же являлся верховным собственником всей земли в Англии и сюзереном всех держателей;

- все держатели присягали лично королю и служили прямо ему согласно формуле «быть верным королю против всех людей!» (1087 г.).

Условия при которых король выделял феодалу фьеф, как и в Нормандии сводились к нескольким наиважнейшим:

- оммаж королю и клятва верности;

- служба с военным отрядом (определенной численности) 40 дней в году в пределах страны;

- участие в работе королевской курии, по вызову для совета и суда;

– уплата королю определенных денежных сумм (в случае посвящения в рыцари старшего сына короля и выдачи замуж его старшей дочери, выкупа короля из плена).

К основным итогам Нормандского завоевания Британии можно отнести:

– во-первых, ускорение закрепощения крестьянства, то есть быстрое завершение процесса феодализации, который начался еще в донормандский период. Каждый лорд получил право иметь судебную курию для всех своих держателей, что дало ему возможность подчинять население поместий.

Завершение феодализации способствовало дальнейшему прогрессу общества;

– во-вторых, то, что устанавливается законченная по форме система феодальных держаний и вассальных связей. Эта система фактически была перенесена в Англию из Нормандии;

– в-третьих, то, что в Англии «возникает сильная монархическая власть» и «уже можно говорить об определенном единстве Англии» (*В. В. Штокмар*);

– в-четвертых, то, что Вильгельм отказался принести вассальную присягу римскому папе, заявив, что никто, кроме короля не может контролировать дела английской церкви и что без его разрешения нельзя повиноваться папским приказам. Последнее создавало довольно большую напряженность между королем и папством. Довольно не простыми были отношения короля Вильгельма и с собственными детьми.

Со своим старшим сыном Робертом Куртезом (Коротковатым) – «непоседливым и расточительным» (*У. Черчилль*), который привлек на свою сторону французского короля Филиппа I в конце 70-х годов XI в. Вильгельму Завоевателю даже пришлось сражаться в Нормандии.

Смерть Вильгельма I связана с его походом на г. Мант, гарнизон которого совершил рейд в Нормандию. В июле 1087 г. Мант был захвачен и разграблен войсками Завоевателя, а Вильгельм, упав с лошади, получил тяжелые травмы. Вследствие этого, 9 сентября 1087 г. в монастыре Сен-Жервас в г. Руане король Вильгельм I умер. По словам Одерика Виталия, перед

смертью он «сознался в терзающем его грехе: «с детства я рос с оружием в руках и весь замаран кровью, которую пролил» (*Ж. Флори*). «Его тело доставили в его соборную церковь Святого Стефана в Кане. К концу жизни Вильгельм очень располнел, и когда слуги попытались втиснуть его тело в каменный саркофаг, оно разорвалось, наполнив церковь отвратительным запахом. Таков был несчастный конец карьеры необычайно облаканного фортуной и одаренного короля» (*Оксфордская история Британии*). «Достижение Вильгельма, – писал С. Дженкинс, завоевание и покорение всей Англии – было таким же, как и достижение Кнута за полстолетия до него, но потомки Вильгельма сделали так, что это завоевание оказалось окончательным. Нормандская политика, язык и культура проникли в кровь донормандской Англии. На четыре долгих столетия Англия оказалась повенчана с континентальной Европой, но это был несчастливый, кровавый брак» (*С. Дженкинс*). По куда более справедливому мнению У. Черчилля главными итогами правления Вильгельма Завоевателя были: укрепление связей с Европой, оформление идеи сильной монархической власти и усиление позиций католической церкви (*У. Черчилль*).

В «Англосаксонской хронике» была дана такая оценка этому правителю: «Вильгельм создал великую страну. Корону он надевал трижды в год – на Пасху..., на летний солнцеворот... и на рождество. Столь суров и скор на расправу был король, что никто не дерзал оспаривать его волю, а если и находились безумцы, то графов бросал он в темницы, епископов лишал сана, аббатов изгонял из монастырей, тенов же заключал под стражу - и не пощадил даже собственного брата по имени Одо... не должно забывать, что навел он такой порядок, что всякий человек...мог без опаски передвигаться по стране, даже имея при себе золото и иные ценности... Вильгельм правил Англией достойно и предусмотрительно... овладел он Уэльсом ...принудил к повиновению и Шотландию...» (*Англосаксонская хроника*).

2. Англия при преемниках Вильгельма Завоевателя

У Вильгельма Завоевателя было три сына: старшему Роберту он отдал Нормандию, среднему Вильгельму – Англию, младшему – Генриху – несколько тысяч фунтов и некоторые земли в западной части Нормандии. Таким образом, английским королем, после смерти Завоевателя стал Вильгельм II Руфус (Рыжий) (1087–1100), сразу же, по известии об этом, захвативший казну в Винчестере и коронованный через 17 дней архиепископом Ланфранком. Чтобы утвердиться во власти и завоевать популярность он «отдал церкви значительную часть полученных в наследство богатств и выделил по 100 фунтов каждому графству для раздачи бедным» (С. Дженкинс). Сам Руфус был весьма интересной личностью. К требованиям религии он, – по словам авторов «Оксфордской истории Британии», относился скептически, женат никогда, не был, жил с наложницами, а при его дворе царили довольно вольные нравы – экстравагантность, веселье, новые моды и прически – к примеру, мода на длинные волосы, которая приводила в негодование суровых священников.

Вместе с тем, в годы его правления позиции королевской власти в Англии упрочились.

«Грубые руки Руфуса, так раздражавшие баронов и оскорблявшие их, укрепили вместе с тем права феодального короля» (У. Черчилль).

В чем же заключалось укрепление королевской власти в Англии в 13-летнее правление Руфуса, оставившего по себе память «о бесстыдных требованиях, постоянных придирках и нечестивых нравах» (У. Черчилль).

Большие успехи в правление Вильгельма II Руфуса, – У. Черчилль даже говорит «основные», были достигнуты в финансовой сфере. Король увеличил налоги, налагал руку даже на церковное имущество (например, в течение пяти лет после смерти Ланфранка в 1089 г. он не назначал нового архиепископа Кентерберийского «забирая доходы с вакантного [архиепископского]

престола в..казну». Другой пример: поссорившись с новым архиепископом, ученым монахом Ансельмом (ставшим примасом в 1093 г.) Руфус вынудил его уехать в Рим (в 1097 г.) и «как только тот уехал из Англии, сразу захватил в свои руки доходы кентерберийского престола» (*В. В. Штокмар*). В 1100 г. он (Вильгельм II) располагал доходами трех епископств и двенадцати аббатств» (*Оксфордская история Британии*). Казначеем и правой рукой Руфуса был его капеллан Ранульф Фламбард, которого В. В. Штокмар называет даже «инициатором отбирания церковных доходов в казну» (*В. В. Штокмар*).

Английское королевство расширилось при Руфусе и территориально. В частности, он установил свою власть над Южной Уэльсом и утвердил на шотландском престоле своего ставленника Эдгара (в 1097 г.), взял под контроль северные графства «благодаря чему граница была надежно защищена от нападений скоттов» (*У. Черчилль*). Еще до всего этого, в 1090 г. (по сговору с Робертом Куртезом) он отнимает у своего младшего брата (Генриха) многие владения в Западной Нормандии. В 1096 г. Руфус получает земли Нормандии от Роберта, за залог в 10 тысяч фунтов, так как Куртез отправляется на эти деньги в первый крестовый поход, «причем всем было ясно, что выкупить Нормандию он (Куртез) никогда не сможет» (*В. В. Штокмар*). Наконец в 1099 г. Руфус восстановил свою власть над графствами Мэн и Вексен, отвоевав их у французов.

Во внутренней политике, при Вильгельме II Руфусе «была усилена суровость законов об охоте и охране заповедников» (*В. В. Штокмар*). Эти суровые, жестокие лесные законы вызвали большое недовольство крестьян. В 1095 г. даже произошло открытое восстание с этим связанное.

В целом, таким образом, правление Руфуса можно назвать успешным.

Монах из Кентерберии Эдмер, автор «Жизнеописания Ансельма» писал, относительно Руфуса, «что ветер и море, кажется, повиновались ему». «В войне и приобретении территорий он обладал таким успехом, что вы могли бы подумать, что весь мир ему улыбается».

В целом, однако, «религиозные летописцы» (*К. Дэниел*), «морализирующие летописцы» (*Оксфордская история Британии*) называли Руфуса «ненавистным», отмечали несправедливость королевского правосудия, заявляли, что король «проявлял грубость и жестокость по отношению к своему народу, своей стране и своим соседям, чем вызывал страх и ненависть». Вильям Мальмсберийский писал, что Руфус «недостаточно почитал Бога, людей и вовсе никак», обвиняя его в расточительстве, высокомерии и жестокости. «Не было уважения ни к бедности неимущих, ни к богатству имущих», – вспоминал о правлении Руфуса современник (*С. П. Маркова*).

Во время охоты в Нью Форест 2 августа 1100 г. Вильгельм II Руфус погиб в результате несчастного случая, от стрелы, выпущенной одним из охотников (в частности называли имя любимого слуги короля Уолтера Тиррела, но сам слуга это категорически отрицал). Было, как минимум, две версии случившегося: – что Руфус стал жертвой некоей секты дьяволопоклонников, – что он пал в результате государственного заговора, составленного его младшим братом Генрихом, который «даже присутствовал на охоте в Новом Лесу» (*В. В. Штокмар*). Но как пишет об этом У. Черчилль: «Нет никаких доказательств, что он (Генрих) каким-то образом [был] причастен к смерти брата...» (*У. Черчилль*). Вместе с тем, известно, что, узнав о гибели Руфуса, «Генрих вместе со своими друзьями бросил тело убитого у дороги (сейчас на этом месте у автомагистрали А 31 стоит стела Вильгельма Рыжего) и галопом поскакал в Винчестер, чтобы захватить королевскую казну и предъявить свои права на корону» (*С. Дженкинс*).

«Скорее всего, – пишет о гибели Вильгельма II Кристофер Дэниел, – правду мы так никогда и не узнаем» (*К. Дэниел*).

Новым королем Англии (его коронация состоялась уже 5 августа) стал младший сын Вильгельма Завоевателя – Генрих I (1100–1135), за свою ученость, получивший у современников прозвище Боклерк («Добрый писарь»). За стремление короля Генриха все судебные дела решать по справедливости, те же современники дали ему еще одно прозвище «Лев правосудия».

Хронисты отзывались о Генрихе I очень хорошо: «Добрый он был человек и очень его чтили. В его времена никто не смел причинить вред другому». Впрочем, известен случай, когда Генрих I «однажды отправил на виселицу сорок человек – всех в один день!» (*К. Дэниел*).

На первых порах, тем не менее, положение Генриха I на престоле было зыбким, и он должен был думать о том, как его укрепить. Для этого, Генрих

– издает «Хартию вольности Генриха I», в которой «он гарантировал права баронов и церкви» (*У. Черчилль*), обещал уничтожить худые обычаи, заявляя о восстановлении добрых «законов короля Эдуарда» (*В. В. Штокмар*);

– вступает в брак с Матильдой – племянницей последнего оставшегося в живых саксонского претендента на английский трон и потомка старой королевской династии, «с тем, чтобы расположить к себе саксонское население Англии» (*У. Черчилль*);

– в течение 6 лет (с 1100 по 1105 гг.) Генрих I успешно воюет с баронами-оппозиционерами, которых возглавили представители знатного и могущественного дома Монтгомери. Затем, в 1106 г., он с войском высадился в Нормандии и в сентябре в битве при Таншбрэ разгромил Роберта Куртеза. Последние 28 лет своей жизни этот «жалкий, безвольный и вечно обремененный долгами» человек (*А. Моруа*) провел в плену у собственного брата и умер в 1134 г. в тюрьме;

– в Англии Генрих I продолжил, начатую еще Руфусом борьбу с Ансельмом Кентерберийским, который решительно выступал против передачи церковных бенефиций священнослужителям королевской властью. Эта длительная борьба, правда, разрешилась компромиссом. Его суть состояла в следующем: епископы и аббаты избирались монастырским капитулом, но выборы эти проходили в присутствии короля или его представителей и избранные священники приносили королю оммаж до окончательного посвящения. Авторы «Оксфордской истории Британии» дают этому следующую оценку: «Генрих отказался от светской инвеституры, но прелаты продолжали приносить ему оммаж за свои феодалы. На практике воля короля

оставалась решающим фактором при назначении епископов. В определенном смысле можно считать, что Генрих отказался от формального права контролировать, сохранив контроль реальный» (*Оксфордская история Британии*).

В правление Генриха I в Англии были проведены важные административные реформы:

– был создан, так называемый Великий Совет (из представителей крупнейших духовных и светских феодалов), собиравшийся три раза в год. «Роль этого органа сводилась к тому, что он давал королю не обязательные для него советы и выслушивал обязательные королевские решения» (*В. В. Штокмар*);

– более важную роль в управлении при Генрихе I играет так называемая Малая курия, состоявшая из ближайших королевских советников, как знатного, так и не знатного происхождения. Она выполняла две функции. Во-первых, являлась высшим судебным учреждением (в качестве такового она именовалась Королевской курией). Во-вторых, она была еще и высшим финансовым учреждением (в этом случае она именовалась Палатой шахматной доски), так как стол Палаты был покрыт клетчатой скатертью (*В. В. Штокмар*). У. Черчилль, правда, дает несколько иное объяснение этому довольно странному названию: «Название его (то есть Казначейства), – пишет Черчилль, было взято от расчерченной на клетки доски применявшиеся для облегчения счета римских числительных» (*У. Черчилль*);

– королевская курия решала дела, затрагивающие интересы короля, дела, поступавшие в порядке апелляции, тяжбы между баронами – непосредственными держателями короны. Королевская курия ведала гражданскими и уголовными делами. Она являлась также органом контроля. Ее члены разъезжали по графствам и шерифы созывали (для встречи с ними) полные собрания графств.

– Палата шахматной доски созывалась два раза в год (на Пасху и в день архангела Михаила, шерифы со всех концов Англии привозили в Палату, собранные в графствах деньги, мешки со звонкой монетой сдавались в подвалы по весу (Приемную палату), а взамен шерифы получали бирки, с которыми шли в Отчетную палату.

– важнейшими должностями при Генрихе I становятся должности юстициария (при нем это был некий Рожер из Кана или Роджер Сольсберийский), канцлера (первоначально частный секретарь короля) и казначея, который заведовал королевской казной, хранившейся в Винчестере. Роджер Сольсберийский «был первым из священнослужителей, возглавивших королевскую администрацию и способствовавших укреплению англо-нормандского государства» (С. Дженкинс). В то время, как Генрих I воевал во Франции, Роджер «замещал короля как «юстициарий», причем однажды он ослепил и оскотил девяносто четырех чеканщиков монетного двора за порчу монеты» (С. Дженкинс).

«Благодаря, умелому управлению, а также искусному сочетанию жестокости, доброжелательства и внимания к советам крупных вассалов, Генрих поддерживал в Англии стабильность...» – пишет о правлении Генриха I Джереми Блэк.

«Генрих I был выдающимся по способностям и успешным королем, выдающимся политиком своего века...» – пишут об итогах его царствования авторы «Оксфордской истории Британии».

«Сильным и справедливым правителем», – называет Генриха I и У. Черчилль.

Хотя Генрих был женат дважды, у него были только два законных отпрыска – сын Вильгельм Этелинг и дочь Матильда (Мод), которую еще в юности выдали замуж за германского императора Генриха V. 25 ноября 1120 г. во время кораблекрушения 17-летний принц Вильгельм погиб – его корабль, возвращавшийся из Франции, налетел на риф в Ла-Манше. После того, как король узнал о гибели сына (от единственного уцелевшего в кораблекрушении человека, им был некий мясник из Руана) «он больше никогда не улыбался».

Хронист Генрих Хантингдонский писал о том, что Генрих I постоянно находился в состоянии озабоченности. Особенно эта озабоченность усилилась после гибели его сына. «Каждый из его триумфов, – писал хронист, – делал его только менее озабоченным тем, что он утратил, чем радостным от того, что он приобрел. Поэтому, хотя он казался самым удачливым из королей, на деле он был самым жалким» (Генрих Хантингдонский).

Под конец жизни Генрих I захотел, чтобы ему наследовала его дочь «жестокая, гордая, суровая, ставившая политику выше всех других страстей» (*У. Черчилль*) экс-императрица Матильда (когда кайзер Генрих V умер в 1125 г., она, будучи 26 лет от роду, вышла замуж за 14-летнего графа Анжуйского Жоффруа V Плантагенета). Он собрал баронов в 1126 г. и заставил их присягнуть Мод, как будущей королеве Англии. 1 декабря 1135 г., Генрих I умер «очевидно, объевшись морскими угрями» (*К. Дэниел*).

После смерти Генриха I в Англии началась «баронская смута» (*В. В. Штокмар*), так как в борьбу за престол вступили дочь короля Мод (Матильда) и его племянник (сын его сестры Адели) Стефан Блуасский. Стефан из Булони добрался до Лондона быстрее, чем Мод из Анжу и благодаря этой «географической случайности» (*Оксфордская история Британии*) он оказался в столице раньше своей двоюродной сестры. Стефана поддержали лондонцы, магнаты, епископ Винчестерский Генрих – его двоюродный брат и уже 22 декабря 1135 г. он был коронован в Вестминстере. Новый король – «доблестный рыцарь, но во всех других отношениях полный глупец» (*К. Дэниел*), «человек мягкий и добрый», – как свидетельствовала «Англосаксонская хроника», был на самом деле «человеком настроения» (*С. П. Маркова*).

Стефан (1135–1154) скорее числился королем, чем был им на самом деле. «Царствование Стефана сопровождалось анархией, – пишет об этом периоде английский историк Дж. Блэк, – во время которой, по выражению Англосаксонской хроники, «Христос и его святые спали» (*Дж. Блэк*).

Бароны при Стефане получили огромные привилегии: захватили в свои руки суды, сбор налогов и чеканку монет, а самое главное – право строить замки (за несколько лет «бароны лихорадочными темпами построили 1115 замков, которые превратились в настоящие гнезда феодальной анархии, в очаги смуты» (*В. В. Штокмар*).

С 1141 г. практически до 1153 г. Стефан (за которого был

юго-восток Англии) борется (с переменным успехом) против Матильды и ее сына, юного Генриха Плантагенета (*planta genista* – ветка раkitника – один из геральдических символов графов Анжуйских), которые находят поддержку на западе Англии.

В 1150 г. сын Матильды стал графом Анжуйским. «Этому юноше, – пишет С. Дженкинс, – суждено было взбудоражить всю Европу. Коренастый, рыжеволосый, он отличался необыкновенной физической выносливостью и яркой внешностью. Люди, которым случалось его видеть говорили: «Можно тысячу раз смотреть на его лицо – и еще хочется взглянуть!» (С. Дженкинс). Во время этой борьбы произошел по своему замечательный случай. Генрих, явившийся в Англию с отрядом наемников, оказался не в состоянии им заплатить и «отправил послов к королю Стефану, попросив оказать ему помощь, как близкому родственнику... . Стефан, получив эту просьбу, тут же выслал парню, пытавшемуся отобрать у него корону, деньги, которые тот просил...» (Дж.Т. Элби). В 1152 г. Генрих женился (ему было тогда 19 лет) на Алиеоноре (Элеоноре) Аквитанской (которая до этого была женой французского короля Людовика VII, и которой было уже лет 30). «... Алиеонора, невзирая на возраст, подарила Генриху восемь детей и кучу неприятностей» (С. Дженкинс). Французский король организовал против Генриха Плантагенета мощную коалицию и он был вынужден (в 1152 г.) воевать на четырех фронтах: против мятежников в Анжу, в Аквитании, в Нормандии и в Англии – против Стефана. В январе 1153 г. Генрих высадился в Англии, а в августе 1153 г. внезапно умер сын и наследник Стефана – Эсташ, и эта смерть «все изменила» (*Оксфордская история Британии*).

В декабре того же 1153 г., Стефан и Генрих Плантагенет заключили Вестминстерский договор, по которому Стефан оставался королем до своей смерти, а своим приемным сыном и, наследником престола объявлял герцога Генриха. «В делах королевства – пообещал Стефан, – я буду действовать по совету герцога, но во всей Англии, как в части герцога, так и в моей, я буду вершить королевское правосудие». После этого Стефан прожил меньше года и умер 25 октября 1154 г.

По мнению авторов «Оксфордской истории Британии» король Стефан «был более привлекательной фигурой, чем любой из нормандских королей, но ему не доставало их властности. Без нее он не был способен доминировать ни над своим двором, ни над своим королевством...». Он совершил ошибку, не уделяя должного внимания нормандским делам (за все время своего царствования он побывал на континенте лишь один единственный раз, в 1137 г.) «Он (Стефан) остался слишком «английским» королем, чтобы осознать, что Англия только часть великого целого» (*Оксфордская история Британии*).

3. Генрих II Плантагенет и его реформы

Генрих II Плантагенет (1154–1189) правил Англией, Нормандией, Анжу, Туренью, Пуату и Аквитанией в течение почти 35 лет. Его владения простирались от шотландской границы до Пиренеев, и «потенциально он был самым могущественным правителем в Европе...» (*Оксфордская история Британии*). Фактически, первый Плантагенет на английском престоле был владельцем не просто королевства, а настоящей империи. Это была «разношерстная империя, лишенная этнического единства, но богатая ресурсами, производившая много товаров, славящаяся морской торговлей, а также известная своими людьми, особенно воителями» (*Ж. Флори*). Сам «Генрих производил неизгладимое впечатление на всех, кто его знал: высокий, широкоплечий юноша, предпочитавший охотничий костюм парадным королевским нарядам. Он славился своим чувством юмора и способностью очаровывать собеседника, но порой становился совершенно несносен. Всех – и друзей и врагов – выводила из себя непредсказуемость нового короля, его привычка менять на ходу решения» (*К. Дэниел*). Придворный Генриха II Вальтер Ман писал, что король «был добр и любим наро́дом», он был выше среднего роста, крепок и приятен лицом».

Трудности придворной жизни при Генрихе II, описал его современник Петр Блуасский: «ежели король посулил провести

день в каком-нибудь определенном месте... то можете быть уверены: он уедет оттуда еще засветло... Множество людей вокруг мечется... просто ад кромешный. А ежели монарх объявил о своем решении пораньше выехать из дому... то он передумает и будет возлежать в постели до полудня. Представьте себе: лошади ждут оседланные, повозки наготове... все рвут и мечут...».

А вот еще одно из живописных описаний того, какой переполох вызывало у придворных Генриха II очередное изменение планов короля:

«Можно видеть, как они (придворные), точно взбесившись, бегают взад и вперед, достают лошадей, телеги, экипажи. Все это спутывается и сшибается в величайшем смятении... Королю, осмелюсь я сказать, эти затруднения придворных явно доставляют удовольствие. Затем мы едем две-три-четыре мили по незнакомому лесу, часть впотьмах, и чувствуем, что наши самые горячие молитвы услышаны, если нам попадется жалкая грязная хижина. Часто за такую дыру начинаются ожесточенные споры, и знатные придворные господа дерутся на мечах за помещение, в котором плохо было бы жить и свинье».

По мнению В. В. Штокмар, в этом проявлялся деспотизм Генриха II, который все это делал специально «и стремился к тому, чтобы превратить баронов и дворян в придворных» (*В. В. Штокмар*), которые были обязаны следовать за ним.

Во внутренней политике Генрих II, опираясь на рыцарство и горожан, вел борьбу, стремясь подорвать силу феодальных магнатов, укрепить мощь центральных органов государственного управления, добиться власти над церковью.

В рамках решения первой задачи, Генрих II начал разрушать «незаконнорожденные» баронские замки и тем самым он подчинял себе баронскую вольницу, подготавливал ликвидацию баронской анархии.

В рамках решения второй задачи, Генрих II подготовил и провел две важные реформы: судебную и военную.

Суть судебной реформы, в которой проявилось желание короля «восстановить законность и порядок в Англии» (*С. Дженкинс*), заключалась в следующем:

– в 1166 г. были введены, так называемые обвинительные присяжные: по 4 человека (в каждой деревне) и по 12 человек (в каждой сотне). Эти люди (под присягой) должны были называть шерифу и судьям подозрительных лиц (потенциальных убийц, грабителей, укрывателей краденного). Затем предполагаемых преступников хватали и заставляли пройти ордалию (божий суд);

– в 1176 г. расширяется компетенция, так называемых разъездных судей, «которые начали проводить выездные заседания на местах (ассизы)» (*Оксфордская история Британии*): они надзирают за местной администрацией; вводится единая уголовная юрисдикция для всей страны;

– вводится новый порядок рассмотрения гражданских исков о собственности на землю и о владении землей: за плату теперь можно было купить приказ короля о расследовании дела о земле двенадцатью присяжными; правда покупать такой приказ могли только свободные люди и стоил он очень дорого. «Королевский доход отныне должны были взимать в графствах шерифы. Так возникло понятие «общего права», действительного для всех – мужчин и женщин, простолюдинов и знати, – в отличие от произвола баронов. Благодаря «общему праву» нормандская монархия с ее абсолютизмом получила прививку англосаксонского традиционного права.... Так были заложены основы английских гражданских свобод» (*С. Дженкинс*).

В общем, судебная реформа представляла собой «значительный шаг вперед в развитии судопроизводства» (*В. В. Штокмар*), так как: сократила компетенцию феодальных судов, расширила значение королевского суда и способствовала упорядочению судопроизводства. Видимо, именно в связи с этим «Оксфордская история Британии» называла Генриха II – «основателем английского общего права, великим и творческим королем» (*Оксфордская история Британии*).

Военная реформа, в свою очередь, заключалась в следующем:

– в 1181 г. была принята «Ассиза (закон) о вооружении», по которой свободное население Англии было обязано обзавестись

оружием в соответствии со своими средствами. Был восстановлен англосаксонский фирд (ополчение). Но обязательная военная служба (40 дней в году) за фьеф была заменена так называемыми «щитовыми деньгами»;

– Генрих II начал (используя «щитовые деньги») создавать наемные отряды из рыцарей и свободных крестьян, которые должны были беспрекословно повиноваться королю;

– в 1184 г. была принята «Лесная ассиза», по которой леса Англии были объявлены собственностью короля и подлежали его бесконтрольной юрисдикции.

Эта реформа, также как и судебная, подрывала значение феодальных магнатов.

В рамках решения третьей задачи, Генрих II вознамерился подчинить себе английскую церковь и «вернуться к тому положению, которое было при королях нормандской династии» (*В. В. Штокмар*). Для решения этой задачи он в 1162 г. возводит в сан 39-го по счету архиепископа Кентерберийского Томаса Бекета, который до этого был его личным другом, канцлером королевства и «наиболее доверенным министром кабинета» (по выражению немецкого историка Л. фон Ранке).

Однако Томас Бекет, став архиепископом, резко изменил свой образ жизни. Из блестящего придворного, славившегося своей щедростью и роскошью, импозантного вельможи он превратился в строгого аскета, погруженного в науки, молитвы и благотворительные дела. Он показал себя ревностным продолжателем политики Ансельма, отстаивал привилегии церкви и, выступая против задуманной Генрихом II церковной реформы, обрел славу церковного лидера «необыкновенно активного и упорного» (*У. Черчилль*). Самому королю Бекет однажды даже дерзко заявил: «Прежде всего я буду служить Богу, а уж потом тебе» (*С. Дженкинс*).

Уже в октябре 1163 г. произошло первое, открытое и резкое столкновение Генриха II и Бекета по вопросу о реформе церковных судов.

В январе 1164 г. Генрих II подписал так называемые Кла-

рендонские постановления, где был пункт о реформе церковных судов. Но Томас Бекет вновь выступил против этого, заявив: «Мы должны повиноваться Богу, а не человеку». Упорство архиепископа Кентерберийского объяснялось не только особенностями его личности, но и тем, что в «Англии власть церкви была сильнее, чем где бы то ни было в Северной Европе... . Каждый шестой человек в стране служил в церкви или работал на церковь» (С. Дженкинс).

После того, как Бекет не явился на суд по делу одного преступного клирика, его самого обвинили в неуважении к королевскому суду и приговорили к штрафу.

Т. Бекет бежал на континент и находился в изгнании долгих шесть лет, окончательно превратившись в фанатика.

В 1170 г. состоялось формальное примирение Генриха II и Т. Бекета. Однако, прибыв в Англию 1 декабря 1170 г. архиепископ вновь начал яростно обличать своих врагов. Генрих II, узнав об этом, якобы в гневе произнес слова: «Неужели никто не может избавить меня от этого несносного святоши!» (К. Дэниел). Четверо рыцарей из его окружения восприняли слова короля как прямой приказ, явились в Кентербери и убили Бекета у самого алтаря. Это произошло 29 декабря 1170 г. Подробное описание убийства Бекета оставил его помощник Эдвард Грим.

По распоряжению папы Александра III на Англию был наложен интердикт. Духовенство возбуждало народ против Генриха. Нарастали народные волнения.

В 1172 г. Т. Бекет был канонизирован Римской католической церковью.

Весной того же года Генрих II принял легатов папы и покаялся. Отпущение грехов было дано ему, при условии публичного покаяния, принесения клятвы, что он не выйдет из-под власти папы и откажется от проведения церковной реформы.

Генрих II был вынужден подчиниться. «Это было полное поражение» (В. В. Штокмар).

Во внешней политике Генрих II был более удачлив. Шотландский король отдал ему Нортумберленд и Камберленд (с г. Ньюкаслом и Карлайлом).

Северный и Южный Уэльс (после похода 1158 г.) признали власть над собой Генриха II.

В конце 1171 – начале 1172 гг. Генрих II приступил к завоеванию Ирландии «и тогда заложил основы английского правления беспокойным островом».

На континенте он захватил ряд городов: Нант, Кагор, Креси, Вексен и оккупировал Бретань, герцогом которой после 1166 г. стал его сын Джеффи. Вообще, следует отметить, что своим владения в Европе Генрих II придавал куда большее значение, чем, собственно, Англии. «Из тридцати четырех лет своего правления, - отмечают авторы «Оксфордской истории Британии», - двадцать один год Генрих провел на континенте» (*Оксфордская история Британии*). Не случайно, поэтому Жан Флори, назвал его «человеком из самого сердца Луары (который) родился в Мане, умер в Шиноне, похоронен в Фонтевро» (*Ж. Флори*).

Однако, в последние годы жизни Генриха II, его строптивые сыновья, подстрекаемые королевой Алиеонорой (*Ж. Флори*), с 1173 по 1186 г. несколько раз поднимали против своего отца мятеж. В 1188 г. старший сын Генриха II Ричард, объединившись с Филиппом II Августом, «беспринципным политиком», (*Оксфордская история Британии*) – пошел в поход на Генриха II и разбил его в битве при Ле Мане. Однако, еще большим потрясением для старого короля явилось отступничество его младшего и любимого сына Иоанна, который поддержал Ричарда в войне против него (*Дж. Т. Элби*). Укрывшись в Шиноне, в Нормандии 6 июля 1189 г. Генрих II скончался от кровоизлияния (*А. Морья*), – «одиноким и убитым горем», – как сказано в хронике. Последними его словами были: «Будь, что будет! Позор, позор побежденному королю!». «Он умер, по словам летописца, «как лев, затравленный шакалами»» (*С. Дженкинс*).

4. Ричард Львиное Сердце. Иоанн Безземельный. «Великая хартия вольностей» и возникновение парламента

После смерти Генриха II на престол взошел Ричард I. А. Моруа писал о новом английском короле следующее: «Поэт и трубадур, друг всех воинственных сеньоров Перигора, он желал играть в жизни романтическую роль рыцаря... Ричард искал приключений и презирал всякую осторожность» (А. Моруа). Кроме того, он «отличался порывистостью и не единожды за свою жизнь обескураживал других своей непоследовательностью... Бертран де Борн дал ему насмешливое прозвище «Ос et non» (да-и-нет)» (Р. Перну).

У. Черчилль замечает, что Ричард, кроме его рыцарственности, отличался великодушием. Он назвал его «человеком героического склада». Одновременно, однако, У. Черчилль указывал на то, что Ричард был человек «жесткий и кровожадный» (У. Черчилль).

Ричард Львиное Сердце (1189–1199) – царствовал десять лет. Из них всего лишь пять месяцев он провел в Англии. За время своего правления он побывал в Англии дважды. В первые месяцы пребывания у власти он:

- провел ревизию административного управления доменов;
- увеличил сумму доходов государственной казны многочисленными вымогательствами с горожан, шерифов и епископов. Вообще, как пишет английский историк Кристофер Дэниел, Ричард Львиное Сердце рассматривал Англию исключительно как кошелек, из которого оплачивались его дорогостоящие внешнеполитические акции, в частности, его участие в крестовых походах, идеей которых он был буквально одержим, но где «единственным его (Ричарда) успехом явился захват Кипра» (В. В. Штокмар). Как и все другие Плантагенеты, Ричард был алчным стяжателем. Жадность его к деньгам была так велика, что, по слухам, король говорил: «Я бы и Лондон продал, найдись на него покупатель»» (Р. Перну).

Он наладил отношения с королем Шотландии и с князьями Уэльса. Верховная власть в королевстве во время отсутствия Ричарда находилась в руках юстициария, канцлера и папского

легата Уильяма Лоншана. Таким образом, Лоншан «получил в Англии высшую власть и государственную, и церковную. ... Он путешествовал с такой большой свитой- люди, кони, собаки, соколы- что дом, где он проводил хотя бы одну ночь, оказывался разоренным на годы вперед. Он занимался конфискацией земли и другой собственности, которые распределял между своими родственниками и сторонниками... . Сыновья знати становились его слугами. Они прислуживали ему стоя на коленях и опустив глаза, что возмущало англичан. Лоншан не говорил по-английски, презирал англичан и даже не попытался это презрение скрывать » (*Дж. Т. Элби*). Действуя по желанию Ричарда, Лоншан хотел назначить наследником престола Артура – сына умершего ранее брата короля – Джефффри. Против этого решительно выступил младший брат Ричарда – Иоанн. Он даже поддержал мятежников в Линкольншире. Тем временем, король Ричард участвовал в Третьем крестовом походе (в который он отправился еще в 1190 г.); «хотя он (Ричард), – пишут авторы Оксфордской истории Британии, – и не смог повторно захватить Иерусалим, он достиг удивительных успехов в борьбе против могущественного противника – Саладина», но «ради освобождения Гроба Господня, буквально выставил королевство на продажу» (*У. Черчилль*). «Его (Ричарда) призванием была война, а не государственное управление» (*К. Дэниел*).

Во время возвращения в Англию, Ричард попал в плен к герцогу Леопольду Австрийскому, который передал его императору Германии Генриху VI. В заточении, в замке у императора Ричард пробыл чуть больше года (с декабря 1192 г. по февраль 1194 г.). За него был затребован колоссальный выкуп в 150 тысяч марок, который в два раза превышал годовой доход английской короны (*У. Черчилль*); в итоге, за Ричарда уплатили 100 тысяч марок и 19 марта он возвратился в Англию, где пробыл три месяца (март – май). Находясь в стране:

– король Ричард простил своего младшего брата Иоанна, который в его отсутствие, распустив слух о смерти короля, попытался захватить власть в Англии.

– управление Англией король Ричард на этот раз поручил

архиепископу Кентерберийскому, «опытнейшему администратору» (*В. В. Штокмар*). Губерту Уолтеру. По мнению Дж. Т. Эпби, это был «финансовый и административный гений своего времени» (*Дж. Т. Эпби*). «Проявляя решительность, знание и ловкость он (Уолтер) развил систему сильного централизованного управления, начало которой было положено Генрихом II» (*У. Черчилль*).

Затем Ричард уехал во Францию и следующие пять лет (с 1194 по 1199) воевал с Филиппом II Августом, который «показал себя соперником более опасным и хитрым, чем его отец» (*Ж. Флори*). Война шла с переменным успехом, но, в общем, достаточно успешно для Ричарда (в ходе этой войны, в излучине реки Сены, на высоком утесе, по приказу английского короля был построен Шато Гайяр («Дерзкий замок»), которым Ричард очень дорожил, назвав его «Мое чудесное дитя». Важность замка сознавал и король Филипп. «Даже если бы его стены были из железа, то я бы его захватил, – заявил французский король Филипп Август – Даже если бы его стены были из масла, – возразил Ричард, – я бы его защитил!» (*А. Моруа*)).

Характеризуя, каким образом действовал король Филипп, воюя с королем Ричардом, Дж. Т. Эпби замечает: «Его (Филиппа) стратегия... заключалась в уклонении от генеральных сражений, ведении беспокоящих действий – приграничных набегов, засад и нанесения осторожных ударов по слабым местам вдоль протяженной границы» (*Дж. Т. Эпби*). Весной 1199 г. во время осады замка Шалюс (в Аквитании, близ Лиможа) Ричард был ранен стрелой аркебузира. Ранившего короля стрелка звали Пьер Базиль. У Ричарда началась гангрена и 6 апреля (1199 г.) король умер в возрасте 42-х лет. «С ним, по мнению многих, – писал Роджер Вендверский, – были похоронены честь и гордость западного рыцарства» (*Дж. Т. Эпби*). Король обрел свое последнее пристанище в аббатстве Фонтевро, там же, где ранее был погребен его отец Генрих II. Позже здесь же в 1204 году был похоронена мать Ричарда – королева Алиеонора, а затем и король Иоанн. – «Таким образом, французское аббатство превратилось в семейную усыпальницу династии Плантагенетов» (*К. Дэниел*).

Джереми Блэк писал что «Своему преемнику он (Ричард) оставил в наследство долги, конфликт с Францией и недовольство баронов королевским управлением» (Дж. Блэк). Андре Моруа считал Ричарда Львиное Сердце «образцом ... искусственной куртуазности и исконной жестокости». У. Черчилль весьма невысоко оценил личность «короля-легенды»: «Вся его (Ричарда) жизнь была великолепным парадом, после которого осталась только голая равнина» (У. Черчилль).

Авторы «Оксфордской истории Британии» более снисходительны к Ричарду и говорят даже о его величии, одним из проявлений которого, считают они, «была его, (Ричарда) способность выбирать министров...» (Оксфордская история Британии).

С личностью Ричарда Львиное Сердце связана также и история о благородном разбойнике Робин Гуде, который, якобы, скрывался в Шервудском лесу, грабил богатых и отдавал все бедным. Первым, правда косвенным, упоминанием о Робин Гуде, является фраза из «Поэмы о Петре Пахаре» («Видение Петра Пахаря»), где один из персонажей хвастает, что знает «стишок о Робин Гуде» (поэма была написана в 1380 году). По мнению Кристофера Дэниела, «все истории о Робин Гуде зародились как протест тогдашних англичан, возмущенных произволом шерифов и епископов» (К. Дэниел). Таким образом, в общем, – это всего лишь легенда.

Новым королем Англии стал младший брат Ричарда Иоанн Безземельный (1199–1216), человек жадный, подозрительный по природе, несдержанный (Дж. Блэк), жесткий и безжалостный (К. Дэниел). «... это был истинный Плантагенет: превосходный тактик как на дипломатическом, так и на военном поприще, неотразимый обольститель женщин, прекрасный охотник, но при этом жестокий и с подлой душой» (А. Моруа). Его современник Матвей Парижский писал: «Как ни мерзок Ад в нашем представлении, даже Ад не может своей мерзостью превзойти мерзость короля Иоанна» (С. Дженкинс). «Монахи – хронисты, – пишет У. Черчилль, – подчеркивали его бессердечие, жадность, злобу, вероломство

и похоть». Сам У. Черчилль, однако, считал Иоанна, закаленным воином ловким, хитрым, умным и хладнокровным правителем. В «Оксфордской истории Британии» Иоанн именуется «очень несчастным королем».

И, действительно, король Иоанн был крайне неудачливым монархом; Кристофер Дэниел назвал его даже «стопроцентным неудачником». С 1202 по 1204 гг. Иоанн потерпел поражение в войне с французским королем Филиппом II Августом, потеряв Нормандию, Анжу, Мэн, Турень и всё Пуату – «Эти унижительные военные поражения доставили Иоанну новое прозвище. Прежде «Безземельный», отныне он был прозван «Мягкий меч». (*Оксфордская история Британии*). «Из всех огромных континентальных владений, которые он унаследовал, теперь у него осталась только доля его матери» (*Дж. Т. Элби*).

Внутри страны король Иоанн был крайне непопулярен, так как: вымогал у баронов деньги (на ведение войны), вводил новые налоги, ужесточил законы по управлению лесами, что приносило ему большой доход, но очень раздражало население.

В довершении всего, в 1205 г. Иоанн вступил в борьбу с папой Иннокентием III, поссорившись с ним по вопросу о кандидатуре на престол архиепископа Кентерберийского, освободившийся после смерти Губерта Уолтера летом этого года. Папа настаивал на кандидатуре Стефана Ленгтона, который был «человеком сильного и благородного характера» (*У. Черчилль*), в то время, как король прочил на это же место Джона Грея, епископа Нориджа (*Дж. Т. Элби*).

В ответ на отказ Иоанна Безземельного в 1208 г. Иннокентий III наложил интердикт на Англию и Уэльс. В 1209 г. папа отлучил от церкви и самого короля Иоанна. А в 1212 г. он объявил Иоанна лишенным престола, попытавшись организовать против него нечто вроде Крестового похода во главе с королем Франции Филиппом (*Дж. Т. Элби*). Напуганный такой перспективой, английский король сдался. В «Дувре, в присутствии баронов и на виду большой толпы, Иоанн отдал корону в руки Пандульфа, эмиссара Папы, и дал вассальную клятву: «Я,

Иоанн, милостью Божьей король Англии и повелитель Ирландии, отныне и впредь буду верен Богу, святому Петру и церкви Рима, и феодальному сеньору папе Иннокентию, и его католическим преемникам» (Дж. Т. Эплби). «15 мая 1213 г. Иоанн согласился держать Англию как феодал от папства...» (*Оксфордская история Британии*) и пообещал ежегодно выплачивать папе Иннокентию III дань в тысячу фунтов. «Таким образом, Иоанн стал вассалом папы, а Англия – леном папского престола» (В. В. Штокмар).

Стремясь победить своего главного противника, французского короля Филиппа, Иоанн попытался опереться на поддержку рыцарей и горожан, для чего он созвал летом 1213 г. съезд их представителей в Сент-Олбансе. Однако, он «окончилась неудачей, так как собравшиеся были недовольны финансовыми требованиями короля» (В. В. Штокмар). Несмотря на это, Иоанн все же попытался взять реванш в войне с Францией, снарядив экспедицию в Пуату летом 1214 г., однако потерпел сокрушительное поражение от Филиппа II Августа в битвах при Бувине и Ларош-о-Муане. Теперь большинство владений короля Иоанна на континенте были им окончательно потеряны. «У внутренних врагов короля снова появилась подходящая возможность ограничить правление деспотичного монарха, разбитого на поле сражения» (У. Черчилль).

К баронам, выступавшим против короля Иоанна, присоединились рыцари, горожане и верхушка свободных крестьян. «... Иоанн Безземельный стал первым (королем), – справедливо пишет А. Моруа, – кому удалось объединить против себя всех своих подданных» (А. Моруа). В конце мая 1215 г. баронское войско двинулось на Лондон и беспрепятственно вошло в столицу. Попав в полную изоляцию, у него, в конце концов, осталось лишь семь преданных ему лордов (!), (биограф Иоанна Дж. Т. Эплби, однако, по этому поводу пишет следующее: «Роджер Вендоверский, вероятнее всего, преувеличивает, утверждая, что лишь семь рыцарей остались преданными Иоанну»). Иоанн Безземельный 15 июня 1215 г. был вынужден принять требование мятежных баронов (на луку в местечке Рансимед,

под Оксфордом). Эти требования баронов и их союзников легли в основу хартии, которая получила название «Великой хартии вольностей» («Magna Charter») и «стала для английского народа и английского духа истинным «палладиумом свободы» (*Англия. Автобиография*).

Хартия состояла из 63-х статей.

Главные положения документа сводились к следующим пунктам:

– король обязался соблюдать феодальные обычаи в своих отношениях с вассалами и не вмешиваться в юрисдикцию феодальных курий;

– налоги и сборы могли взиматься не иначе как по решению «общего совета королевства» (что, на деле, означало восстановление баронской курии);

– всякий арест должен был быть основан на показаниях «заслуживающих доверия свидетелей»;

– ни один свободный человек не мог быть заключен в тюрьму, изгнан из страны, лишен имущества, поставлен вне закона и т.д. «иначе, как по законному приговору», вынесенному равными по положению судьями («пэрами») и «по законам страны»;

– соблюдение Хартии должен был гарантировать Совет из 25-ти баронов, наделенных правом «принуждать и теснить короля всеми способами, какими только может». «Они мне навязали двадцать пять сверх королей!», – мрачно констатировал Иоанн» (*А. Моруа*).

Оценка, которую дают историки «Великой хартии вольностей» весьма противоречива. Авторы «Оксфордской истории Британии» более чем скромно оценивают историческое значение Хартии 1215 года; «По сути это был, – пишут они, – неприязненный комментарий по поводу самых ненавистных черт последних шестидесяти лет правления Анжуйской династии» (*Оксфордская история Британии*).

В. В. Штокмар, анализируя содержание Хартии, замечает, что из 63-х статей «основная масса» – 30 – защищает интересы

баронов, т.е. духовных и светских феодалов; 7 – отражает интересы рыцарей и верхушки свободных держателей и 3 – интересы горожан. Она именуется Хартией «феодальным документом». Цель Хартии, по ее словам, – «ограничение власти короля в интересах феодального баронства» и «поскольку... бароны стремились ограничить права центральной королевской власти, о ней можно говорить как о памятнике, носившем реакционный характер» (В. В. Штокмар).

Очень сходную с этой оценкой Великой хартии дает биограф короля Иоанна Джон Тейт Эпблби: «Документ в тех его положениях, которые относились к феодальному владению землей, сборам и службам, является реакционным в принципе. Он возвращается ко временам Генриха I и не учитывает никаких перемен в структуре общества, которые с тех пор произошли» (Дж. Т. Эпблби).

В свою очередь, У. Черчилль, признавая, что «по сути, Хартия – это удовлетворение феодальных жалоб», видит ее значение в другом. «По всему документу проходит красной нитью мысль о том, – пишет У. Черчилль, что существует закон, который выше короля и который даже он не может нарушать. Подтверждение высшего закона и его выражение в грамоте является великим достижением Великой хартии вольностей и «уже одно это оправдывает то уважение, которое питают к ней люди» (У. Черчилль).

Между прочим, и Эпблби, в свою очередь (при довольно критическом в целом отношении к Magna Charter), отмечает, «что Великая хартия вольностей – это беспрецедентный эксперимент, призванный заставить короля соблюдать закон» (Дж. Т. Эпблби).

За сто лет (с 1327 по 1422 гг.) английские короли 44 раза подтверждали «Magna Charter». В канун революции XVII в. судья Эдвард Кок истолковывал «Хартию» в интересах ликвидации абсолютизма, расширения парламентских и судебных полномочий. После революции «Хартия» стала символической частью неписанной английской конституции.

5. Развитие Англии в XIII– первой половине XV вв.

После смерти Иоанна Безземельного, умершего «от дизентерии, осложненной излишествами в питье и пище» (*У. Черчилль*), «в ночь на 19 октября (1216 г.) в возрасте сорока восьми лет» (*Дж.Т. Эплби*) на престол вступил его малолетний сын Генрих III (1216-1272), которому в ту пору было всего девять лет. Его попечитель воин-ветеран, лорд Уильям Маршал, «без промедления доставил мальчика в Глостерское аббатство и там (за неимением короны) возложил золотой обруч на его голову. Вскоре прибыли остальные придворные, оставшиеся верными Иоанну, которые при виде трогательного ребенка, «этой крохотной искорки хрупкой красоты, единственной надежды разорванного в клочья королевства», плакали» (*С. Дженкинс*). Реальная власть в государстве «оказалась в руках баронов». (*В.В. Штокмар*). «В первое десятилетие царствование Генриха государством управлял Хьюберт де Бург. Он был воином, регентом и фактически заменил юному королю отца» (*С.Дженкинс*). Как пишет Кристофер Дэниел, сам «Генрих III...тяготел к миру и благочестию... предпочитал покой и приятность Вестминстера...месяцами не вылезал из своих любимых дворцов и... не рвался в военные походы» (*К. Дэниел*). «О его щедрости и благочестии говорит тот факт, что он чуть не ежедневно давал обеды на пятьсот персон и по четыре раза на дню слушал мессу. Больше всего на свете ему хотелось быть похожим на англосаксонского короля Эдуарда Исповедника – он постоянно сравнивал себя с ним» (*К. Дэниел*). Данте описывал Генриха III, как «смирнейшего из королей, севшего одиноко». Джон Ричард Грин называл короля Генриха «слабым человеком» (*Дж. Р. Грин*).

Самостоятельное правление Генриха III начинается только с 1232 г. (т.е. с 25-летнего возраста), но, как выразился Джереми Блэк, как и его отец «Генрих оказался неспособен поддерживать нужный тон в отношениях с крупнейшими вассалами» (*Дж. Блэк*). Это, в значительной степени, было связано с тем, что, начав править самостоятельно, Генрих III попытался продолжить политику своего отца Иоанна Безземельного. Молодой

король «не придерживался принципов Великой хартии склоняясь к авторитарной форме власти...» (С. Дженкинс). «Стремление повзрослевшего Генриха к абсолютизму и его приверженность к французским (Генрих III был родом из Пуату, – замечает У. Черчилль, – и, к тому же, добавим, был женат на Элеоноре, дочери графа Прованского Раймунда V) поветриям и выходцам из Франции, – в период, когда оформлялась английская идентичность, вновь вызвали недовольство баронов» (Англия. Автобиография). К папству Генрих III относился с большим почтением. Однажды он заметил: «Когда мы были сиротами, неоперившимися птенцами, именно Римско-католическая церковь стала нам матерью, которая посадила нас на трон» (С. Дженкинс).

Король Генрих III согласился поддержать папу римского в его борьбе со Штауфенами в Италии в обмен на сицилийскую корону для своего младшего сына Эдмунда. Так как для участия в итальянской авантюре были нужны большие денежные средства где – то около 135000 фунтов, то король потребовал у Великого совета треть доходов казны. Это вызвало негодование баронов, их обвинения в адрес короля и, в конечном счете, – отказ предоставить запрашиваемую сумму денег. В Оксфорде был созван Совет, получивший прозвище «Безумного» или «Бешеного». Старинная английская поговорка гласит: «Когда Оксфорд вынимает нож – в Англии скоро начнется резня» (Дж. Р. Грин).

Бароны заставили Генриха III принять так называемые «Оксфордские провизии» (постановления) (в 1258 г.), «значительно ущемлявшие права монарха» (К. Дэниел). Кроме того, «в этих постановлениях бароны требовали, чтобы «иноземцы» «были отстранены от управления государственными делами заодно с папскими эмиссарами и чужестранными банкирами!»» (С. Дженкинс).

Этот документ учреждал так называемый «Совет пятнадцати», где королю отводилась роль «первого среди равных». При этом утверждалось, что этот Совет пятнадцати (фактически Совет из наиболее влиятельных английских баронов) будет «давать добросовестные советы королю относительно управле-

ния государством». Таким образом, без согласия «Совета пятнадцати» король, на деле, не мог принять ни одного важного решения. В результате этого «устанавливается режим баронской олигархии» (П. Н. Галанза). В рамках этого режима:

– король был обязан три раза в год созывать парламент, состоявший из 27-ми членов (в этот парламент, входили, соответственно, 15 баронов из Совета пятнадцати и еще 12 человек, избравшихся самими баронами), для разрешения наиболее важных государственных дел;

– высшие королевские чиновники должны были назначаться сроком на один год и нести ответственность перед короной и Советом пятнадцати. К ним относились: великий юстициарий, канцлер, казначей и шерифы (К. Г. Федоров, Э. В. Лисневский).

В октябре следующего 1259 г. Генрих III под давлением рыцарей, горожан и верхушки свободных крестьян подписал так называемые «Вестминстерские провизии». В них были предусмотрены меры для пресечения злоупотреблений чиновников и для защиты держателей от произвола феодалов и феодальных судов. Потерпевшие получили право приносить жалобы специальным судьям для расследования дела присяжными.

Однако, вскоре Генрих III добился от папы римского грамоты, которая освобождала его от всяких обязательств перед недовольными и тогда, в 1263 г. вспыхнула гражданская война. Войско восставших, которое возглавил граф Лейстерский Симон де Монфор (женатый на сестре короля Элеоноре), состояло из рыцарей, горожан (лондонцы, например, выставили ополчение в 15 тыс. человек), свободных крестьян, студентов Оксфордского университета, ряда баронов. Взяв несколько городов (Бристоль, Дувр, Глостер и др.) восставшие пошли на Лондон.

В мае 1264 г. они разгромили войско короля в битве при Льюисе, причем и сам король и его наследник, принц Эдуард оказались в плену. Король был вынужден подписать соглашение со своими победителями.

20 января 1265 г. в Вестминстере собрался первый англий-

ский парламент. В состав парламента вошли пять графов, восемнадцать английских баронов, сторонников Симона де Монфора и представители духовенства. Кроме того, в состав парламента вошли по два рыцаря от каждого графства Англии и по два горожанина от каждого крупного города королевства.

«Так, в ходе гражданской войны, – пишет В. В. Штокмар, – возникло сословное представительство (*В. В. Штокмар*).

Немалую роль в ходе гражданской войны (1263–64) сыграли крестьяне. Это обстоятельство напугало поддерживавших Монфора баронов, которые начали переходить на сторону короля. Генрих III воспользовался этим и возобновил войну. 4 августа 1265 г. королевская армия разгромила войско Симона де Монфора в битве при Ивешаме. Монфор пал в сражении. «...Генрих III формально вернулся на трон. На самом же деле правление перешло в руки его сына Эдуарда...» (*К. Дэниел*). Старый король впал в еще большую, чем прежде набожность. «Его кумиром был ... Эдуард Исповедник . Стены своей спальни Генрих приказал расписать картинами на тему жизни канонизированного короля» (*С. Дженкинс*).

Однако, ни Генрих III, ни сменивший его на престоле Эдуард I, не уничтожили парламент. Он продолжал существовать, играя все большую роль в жизни страны. Правда, рыцарей и горожан, в первые годы правления короля Эдуарда I приглашали преимущественно для решения вопросов о налогах.

Эдуард I (1272–1307) хотя был облика не героического (единственное, что его отличало, так это высокий рост, около 188 см), сильно заикался, страдал нервным тиком, – по словам Кристофера Дэниела был «хитрым перевертышем», который «настолько был очарован мифами о короле Артуре, что в своем сознании, похоже, постоянно ассоциировал себя с легендарным королем...» (*К. Дэниел*). Его называли также «лучшим мечом в мире» (*Англия. Автобиография*). Новый король опирался на сословное представительство, так как в нем «он находил хороший противовес претензиям светской и духовной знати» (*В. В. Штокмар*). Активная завоевательная политика, которую

проводил Эдуард I в 80–90 гг. XIII в. требовала больших денежных затрат.

В 1295 г. Эдуард I созвал парламент, который получил название «Образцового» (*Model Parliament*), «чтобы тот проголосовал за выделение денег на его бесконечные военные походы. Король собрал графов, баронов, епископов и аббатов в баронскую палату, а 292 представителей общин – в палату общин, куда вошли горожане 70 городов. Этот парламент впервые стал двухпалатным» (*С. Дженкинс*). В 1297 г. он издал так называемое «Подтверждение хартии», в котором заявлялось, что ни один налог не будет взиматься без согласия парламента и признал право сословных представителей утверждать налоги.

В правление короля Эдуарда I принимается ряд важных законов:

– например, Статут 1279 г. о церковных людях (о «мёртвой руке»), который запрещал церкви захватывать в свою «мёртвую руку» земли, принадлежащие светским владельцам;

– так называемый Второй Вестминстерский статут (1285 г.) защищавший интересы рыцарства и свободной крестьянской верхушки, расширявший роль королевских судов и ограничивавший феодальную юстицию, утверждавший систему майората;

– Третий Вестминстерский статут (1290 г.), который разрешал каждому свободному человеку продавать своё держание или его часть.

За все эти законы король Эдуард I получил прозвище «Английского Юстиниана» (*К. Дэниел*). Важным событием царствования Эдуарда I явилось покорение Уэльса, которое стало «самой дорогостоящей военной операцией, когда-либо проходившей на Британских островах» (*С. Дженкинс*) и завершилось в 1285 году. Старший сын короля Эдуарда, который родился 25 апреля 1284 г., получил титул «принца Уэльского». «Замки – крепости на севере Уэльса, построенные под руководством мастера Жака, напоминали замки крестоносцев Леванта и должны были приводить валлийцев в «потрясение и трепет»» (*С. Дженкинс*). В общей сложности на их сооружение потратили

75 тысяч фунтов. Земли в Уэльсе «были разделены на графства по английскому образцу, а на всей его территории «введено английское общее право» (*Оксфордская история Британии*). В 80–90 гг. XIII в. Эдуард I также предпринимал неоднократные попытки захватить Шотландию, однако в конце 90-х гг. они закончились для него неудачно. Шотландец Роберт Брюс одержал победу над англичанами и короновался шотландской короной.

Эдуард I умер (в возрасте 68 лет) в Шотландском походе 1307 г. Он «вошел в анналы как «великий и грозный король... покоритель земель, рыцарь рыцарей» (*С. Дженкинс*). В Вестминстерском аббатстве его мраморное надгробие украшает надпись: «Здесь лежит Эдуард I, Сокрушитель скоттов («молот шотландцев») (*У. Черчилль*). В 1314 г. его сын и наследник Эдуард II потерпел сокрушительное поражение от Роберта Брюса в битве при Баннокберне (24 июня 1314 г.); – «день полного разгрома и позора, ужасный и проклятый день», как отметил летописец, хотя у Эдуарда II было 25 тыс. воинов, а у Р. Брюса лишь 10 тысяч. «Эдуард потерял две трети своих солдат и был вынужден на корабле бежать из Денбара» (*С. Дженкинс*).

Правление Эдуарда II (1307–1327), кроме поражения в войне с Шотландией, ознаменовалось тем, что два года подряд были неурожайными – 1315 и 1316 гг. и что в годы его царствования наблюдалось засилие королевских фаворитов. Сначала это был Пирс Гавестон, затем – отец и сын Деспенсеры. Эдуард II, по словам У. Черчилля, был всего лишь «развращенный слабак, в характере которого было много неприглядного» (*У. Черчилль*).

В 1325 г. жена Эдуарда II Изабелла – «французская волчица» с малолетним сыном Эдуардом, бежала во Францию. Уже в следующем, 1326 году со своим любовником Роджером Мортимером и сыном она вернулась в Англию. Король Эдуард II был свергнут и тайно убит в Кенилвортском замке 22 сентября 1327 г. «Вероятнее всего, его... задушили» (*С. Дженкинс*). «Умер он в 43 года, после того как долгие годы царствовал до удивления бездарно» (*Ч. Диккенс*).

Новым королем Англии стал Эдуард III (1327–1377), которого короновали в 14-летнем возрасте. В первые годы его царствования практически всеми делами в государстве заправляли королева-мать Изабелла и граф Мортимер, которые попытались возобновить войну с Шотландией (в 1328 г.), но были разбиты Р. Брюсом и поспешили признать независимость Шотландского королевства. Однако, уже в 18 лет Эдуард III «стал полновластным королем» (*Ч. Диккенс*). Мортимера, по его приказу, схватили, бросили в тюрьму и повесили без суда, а мать – до конца жизни вынуждена была жить в заточении в замке Райзинг (в Норфолке), где она и умерла почти через 30 лет (*У. Черчилль*).

Как заметил У. Черчилль, – «в лице Эдуарда III Англия вновь обрела лидера, достойного ее постоянно крепнущей мощи». Он (Эдуард III), – писал, в свою очередь, Кристофер Дэниел, – сумел восстановить престиж английской короны»; Джереми Блэк, по сути, соглашается с этим мнением. Он пишет о том, что «Эдуард восстановил престиж королевской власти...и достиг особых успехов во взаимоотношениях с баронами, приобретя их уважение и поддержку» (*Дж. Блэк*).

Мнение английских историков, в целом, разделяла и В. В. Штокмар, которая писала, что «в эпоху самостоятельного правления Эдуарда III последовало значительное укрепление центральной власти» (*В. В. Штокмар*). При этом, она обратила внимание на то, что Эдуард III часто и систематически обращался к парламенту. Это было вызвано двумя обстоятельствами: во-первых, король видел в парламенте своеобразный противовес баронам, во-вторых, без парламента ему было не получить субсидий на военные цели.

Как человек и правитель Эдуард III был примечательной личностью. «Король был типичным Плантагенетом – хорошо сложен, с длинными волосами и бородой, щедрый и несдержанный» (*С. Дженкинс*).

Эдуард III, как и его дед, любил пышные празднества, военные турниры, культивировал рыцарство в духе легендарного короля Артура. Он внедрял в свое окружение кодекс «рыцарей

Круглого стола» и в 1344 г. (в Виндзоре) организовал рыцарский турнир по всем правилам. Хотя он был женат на графине Филиппе Генегау (свадьба состоялась, когда Эдуарду III было 17 лет – в 1329 г.) и от этого брака у него было 12 детей, это не мешало ему обзаводиться фаворитками. Эпизод с одной из них, графиней Солсбери в 1348 г. на балу послужил причиной появления знаменитого Ордена подвязки. Кристофер Дэниел описал его следующим образом: Во время бала у графини случайно упала подвязка, король ее подобрал и тут же повязал ее себе на левую ногу со словами «Пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает» – «Noni soit qui mal y pense» (*К. Дэниел*). (Этот девиз и сейчас входит в герб современных британских монархов). Вскоре Эдуард учредил рыцарский орден Подвязки. Покровителем ордена стал покровитель крестоносцев и всей Англии святой Георгий (*С. Дженкинс*).

Как и его предшественникам Эдуарду I и Эдуарду II, Эдуарду III пришлось воевать с Шотландией (1333 г.), но здесь он «смог добиться только временного успеха», – замечает по этому поводу В. В. Штокмар.

Однако «главной» войной для Эдуарда III явилась та, которая началась в 1337 г. и продолжалась (с перерывами) до 1453 г., так называемая «Столетняя война» с Францией.

Причин для этого многолетнего конфликта Англии и Франции было множество. По мнению В. В. Штокмар к их числу относятся:

– борьба двух стран за Фландрию, которая была важнейшим рынком для вывоза английской шерсти; французский король хотел захватить Фландрию; фландрские же города, призвали на помощь англичан, не желая подчиняться французам. Это, по-видимому, и была основная причина раздора. Д. М. Тревельян особо это подчеркивал, утверждая, что Столетняя война, была «также попыткой удержать открытым рынок для ввоза нашей (английской) шерсти и сукна во Фландрию и Францию» (*Д. М. Тревельян*).

– борьба Англии и Франции за юго-западные земли (Гасконь), которые прежде входили во владение Плантагенетов (по

мнению Джереми Блэка, именно эта причина была первостепенной). К причинам «Столетней войны» относятся также:

- поддержка французским королем Филиппом VI шотландцев в борьбе с Англией (о чем пишет, в частности, Ч. Диккенс);

- и, наконец, династические притязания Эдуарда III на французский трон, после смерти в 1328 г. короля Карла IV – последнего из Капетингов, который приходился родным братом его матери – Изабеллы. Сам Эдуард III, по линии матери, был внуком Филиппу IV Красивому и потому не признал нового французского короля Филиппа VI Валуа. Следовательно, Эдуард III, «заручившись согласием духовных и мирских владык, использовал свои династические права для оправдания французских кампаний» (*У. Черчилль*).

Столетняя война началась, как говорилось выше, в 1337 году, но в первые годы шла довольно вяло и являлась, по сути «войной на истощение» (*К. Дэниел*). Лишь, 24 июня 1340 г. англичане разгромили французский флот в битве при Слейсе (в устье р. Шельды), которая длилась девять часов (*У. Черчилль*), «по большей части благодаря удачным действиям англичан при abordage» (*Дж. Блэк*). По словам хрониста англичанам досталось 230 вражеских кораблей; потери у французов составили 25 тысяч, а у англичан – всего 4 тысячи человек. Эдуард III, таким образом, оправдал титул «Король моря», данный ему парламентом.

26 августа 1346 г. Эдуард III одержал решительную победу над французами в битве при Креси (в северо-восточной Франции, на границе с Фландрией), где английские «лучники сокрушили французскую конницу» (*Дж. Блэк*). «Длинный лук (находившийся на вооружении англичан) был высотой до двух метров, обычно из тиса или вяза, со стрелами из ясеня... . Такой лук значительно превосходил по эффективности арбалет: лучник мог посылать до десяти стрел в минуту, тогда как арбалетчик только две. Стрелы могли пробить обычные доспехи с расстояния в 180 метров» (*С. Дженкинс*). Как свидетельствовали очевидцы, во время сражения «бесчисленные стрелы падали как снег». Все пятнадцать атак французской кавалерии были

отбиты англичанами. В этой битве погиб цвет французского рыцарства, среди них: король Богемии Иоанн Слепой, герцог Фландрский, герцог Лотарингский и еще 1,5 тыс. французских рыцарей; англичане в этом бою потеряли трёх рыцарей (*В. В. Штокмар*). У Черчилль назвал ее «удивительной победой при Креси...» (*У. Черчилль*).

После этого (в 1347 г.) Эдуард III осадил г. Кале. Тот держался 11 месяцев и, в конце концов, сдался англичанам. «Эдуард поселил в Кале много англичан, и город оставался английским в течение двухсот лет» (*Ч. Диккенс*). Король триумфатором возвратился в Англию. «Со времен короля Артура, – писал знаменитый хронист Жан Фруассар, – страна не знала такого доблестного правителя» (*С. Дженкинс*).

В 1348–1349 гг. Западную Европу опустошила эпидемия так называемой «черной смерти» (так тогда называли бубонную чуму, «потому что тело больного покрывалось черными пятнами») (*А. Моруа*). Кристофер Дэниел пишет, что виновником эпидемии явился корабль, прибывший в июне 1348 года в порт Мельком реджис (в Дорсете) с Дальнего Востока – в тюрьмах которого находились черные крысы. Отсюда болезнь быстро распространилась по всей Англии и «за два года эпидемии в некоторых областях вымерло до пятидесяти процентов населения» (*К. Дэниел*).

В. В. Штокмар пишет даже о том, что «во время эпидемии вымерла 1/2–2/3 населения страны» (*В. В. Штокмар*). Согласно более скромным данным «Оксфордской истории Британии», «черная смерть» одним ударом сократила население Англии на треть (*Оксфордская история Британии*). «Чума уносила тысячи мужчин и женщин, – писал один монах из Рочестера, – причем делала это так быстро, что некому даже было оттащить трупы на кладбище. Родители сносили своих детей к огромным ямам и сбрасывали их туда. От этих ям шла такая удушливая вонь, что едва ли кто решался приблизиться к ним без крайней нужды» (*К. Дэниел*). О том, насколько разрушительны были последствия «черной смерти» для Англии свидетельствует то, что лишь к середине XVI века население страны достигло уровня,

который существовал до 1348 года (В. В. Штокмар называет цифру населения Англии до эпидемии – 3,5 млн. человек), – об этом, в частности пишет и К. Дэниел.

В 1355 году Столетняя война возобновилась. На этот раз в военных действиях принял активное участие старший сын Эдуарда III – Эдуард по прозвищу «Черный принц», так как он носил черные доспехи. Его девизом стали слова «*leh dien*» («Я служу») со штандарта короля Богемии Иоанна Слепого (этот девиз и поныне принадлежит принцу Уэльскому и его можно видеть на монете в 2 пенса). Черный принц, – по словам У. Черчилля, – «самый известный воин в Европе», славился своими рыцарскими манерами и был «идеальным воплощением чести, благородства, мудрости, доблести и величия» (К. Дэниел). По словам Жана Фруассара это был «самый галантный человек и рыцарственный государь» (*Оксфордская история Британии*).

Новый французский король Иоанн II Добрый (с 1350 г.) с 20 тысячной армией обрушился на 4 тысячную армию Черного принца у Пуатье 19 сентября 1356 г. (у Джона Ричарда Грина соотношение сил двух армий другое: у французов при Пуатье, якобы, было 60 тыс. воинов, а у Черного принца – 8 тысяч). «Результат оказался тем же, что и при Креси, – пишет Черчилль, – тысячи убитых и полная победа... Вся французская армия была повержена. Король Иоанн и цвет французской знати попали в плен или полегли в бою» (У. Черчилль). «Благодаря доблести, уму и обходительности Черный Принц... занял в истории такое почетное место, которое по сей день не может оспорить никто» (У. Черчилль). Потери французов составили 8 тыс. – на поле боя, 3 тыс. – во время преследования и 2 тыс. – пленных (Дж. Р. Грин).

В 1360 г. между Англией и Францией был заключен мир, который, однако, оказался всего лишь перемирием, так-как в 1369 г. война возобновилась. «За короля Иоанна II англичане получили выкуп равный 3 млн. золотых крон (или 500 тысяч ф. ст. – это в 8 раз превышало годовой доход английского правительства)», – пишет У. Черчилль. «Эдуард III отказался от своих прав на французскую корону, оставив себе лишь Пуату, Аквитанию и Кале» (Ч. Диккенс).

Черный принц вернулся в Англию в 1371 г., уже будучи тяжело больным. 8 июня 1376 г. он умер «и вся Англия, - пишет Диккенс, - скорбела о нем» (*Ч. Диккенс*). Он был похоронен в Кентерберийском соборе. Над его могилой висят его шлем, щит, железные рукавицы и плащ с гербами Англии и Франции.

Как уже говорилось выше, военные действия возобновились в 1369 г. и к 1375 г. англичане потеряли большую часть своих завоеваний на континенте. В руках Эдуарда III остались только Кале, Бордо и Байонна. Под конец жизни король «впал в старческое слабоумие и превратился в объект насмешек и неприязни» (*К. Дэниел*). Огромным влиянием в это время пользовалась его фаворитка незнатная, но очень умная и властолюбивая Алиса Перрерс.

21 июня 1377 г. «король (Эдуард III) умер, - увы! - восклицает У. Черчилль, - покинутый всеми» (*У. Черчилль*). «Друзья и слуги покинули его. Только священник подошел к нему и дал ему в руки крест. Король поцеловал этот крест и умер» (*Ч. Диккенс*).

В историю, по мнению Ч. Диккенса, - Эдуард III вошел, прежде всего, как полководец.

Вместе с тем, очень важно, вслед за У. Черчиллем отметить то, что Эдуард III делал важные уступки палате общин и это ознаменовало «решающую стадию развития парламента» (*У. Черчилль*). Так, король Эдуард III:

- согласился, чтобы все налоги и сборы вводились только через палату общин;

- согласился, чтобы проекты коллективных петиций палаты общин рассматривались как предварительные основы для будущих статутов;

- пошел на то, чтобы парламент получил (с 1376 г.) право «импичмента» в отношении высших должностных лиц королевства.

Таким образом, «ведущая роль палаты общин в области налогов и подачи петиций стала уже общепризнанной» к моменту смерти Эдуарда III, - замечает У. Черчилль (*У. Черчилль*).

К менее значительным «деяниям» Эдуарда III принадлежат:

- учреждение титула герцога, самого высокого в книге пэров;

- основание Ордена рыцарей Подвязки;
- перестройка значительной части Виндзорского замка.

Новым королем стал сын Черного принца, внук Эдуарда III – Ричард II (1377–1399). Ему было всего 10 лет. Регентский совет возглавил Джон Гонт – младший брат Черного принца и дядя юного короля (он имел прозвище Гонт – по месту рождения, так как родился в г. Генте). По словам Саймона Дженкинса, «Гонт был настоящим исполином Средних веков» (С. Дженкинс). «Влияние этого человека (Гонта), – пишет К. Дэниел, – словно тень от горы, накрыло период правления и Эдуарда III, и Ричарда II» (К. Дэниел). Хотя он и не выставлял свою власть напоказ, действовал скрытно, его влияние было чрезвычайно велико. Позиции Гонта усиливало то обстоятельство, что его первая жена Бланш Ланкастер принесла ему (в качестве приданного) герцогство Ланкастер. Гонт «возглавил могущественный дом Ланкастеров, владевший тридцатью замками и имевший в своем распоряжении почти 4000 воинов. Овдовев, Гонт женился на дочери короля Кастилии и требовал, чтобы к нему обращались «ваше величество король Испании»» (С. Дженкинс).

К племяннику, вместе с тем, Гонт относился лояльно и способствовал укреплению королевской власти.

Ко времени правления Эдуарда III и Ричарда II относится деятельность крупнейшего английского богослова Джона Уиклефа (1320–1384), которого В. В. Штокмар называет предшественником Яна Гуса и Мартина Лютера. Жизнь Уиклефа была связана с Оксфордским университетом; сначала он учился там, а потом и преподавал; в 60-е гг. XIV в. Уиклеф пользовался большим влиянием в Лондоне и при дворе. Он осуществил первый перевод Библии на английский язык. «За одно это, – замечает С. Дженкинс, – его следовало бы назвать «утренней звездой Реформации»» (С. Дженкинс).

К важнейшим идеям, сформулированным Уиклефом в его трактате «О господстве Божьем», относились следующие: государство (в случае необходимости) может конфисковывать вла-

дения церкви; церковь, в принципе, и сама должна добровольно отказаться от своего богатства и вернуться к первобытной бедности; папе не надо платить какую-либо ренту или подать; право на богатство и власть зависит от того, насколько праведную жизнь ведет человек; так как между человеком и Богом отношения - прямые, то ни папа, ни священники вообще не нужны; спасение души верующего зависит от неукоснительного исполнения им евангельских заветов; необходимо отказаться от индульгенций, почитания святых мощей и изображений самих святых; Библия есть единственная основа веры. По словам Д. М. Тревельяна «Уиклеф... выковывал свою докрасна раскаленную программу реформ: большая часть из них была много позднее осуществлена английским антиклерикализмом и английским протестантизмом» (Д. М. Тревельян).

Сторонников Дж. Уиклефа, в основном к ним принадлежали бедные священники, стали называть «лолларды» (от голландского «бормочущие»), которые были участниками «единственного еретического движения, распространившегося в средневековой Англии» (*Оксфордская история Британии*). Самым известным из них был Джон Болл. Особо знаменита была его проповедь на тему: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, то кто тогда был дворянином?». Главными чертами учения лоллардов были – «их враждебность и церковной власти, почитание Писания и вера в английскую Библию». Они, по сути, «предвосхитили Реформацию», а их идеи «входили в число основополагающих убеждений английских протестантов» (*Оксфордская история Британии*).

6. Окончание правления Ричарда II. Развитие культуры Англии в средние века. Генрих IV и Генрих V. Завершение Столетней войны

Окончание правления Ричарда II

Четыре года спустя, после вступления на престол Ричарда II (в 1381 г.), королю было тогда всего лишь пятнадцать лет, вспыхнуло мощное крестьянское восстание. Его возглавил

«опытный военный авантюрист, обладавший задатками лидера» – Уот Тайлер (*У. Черчилль*). Главными причинами этого восстания явились следующие:

- увеличение денежной ренты;
- увеличение барщины в крупных феодальных поместьях;
- экспроприация лордами общинных угодий. Об этом, в частности, писала В. В. Штокмар.

К. Дэниел к этим причинам добавляет еще одну – «введение подушного налога и его трехкратное повышение». К тому же этот налог собирали трижды – в 1377, 1379 и 1380 гг. (*К. Дэниел*).

Восстание, исключительное «по накалу, длительности и широте охвата населения» началось в конце мая 1381 г. в Эссексе и Кенте (*Оксфордская история Британии*). «Поводом для восстания послужил сбор непопулярного подушного налога» (*Д. М. Тревельян*). «Восставшие захватили Дартфорд, Рочестер, Кентербери и пошли на Лондон». Руководителем восстания стал кровельщик Уот Тайлер, а идеологом его стал Джон Болл, зло названный Фруассаром «сумасшедшим кентским священником». Именно в его проповедях, – по словам Д.Р. Грина, – «Англия впервые услышала провозглашение естественного равенства и прав человека». «Добрые люди, – восклицал проповедник, дела никогда в Англии не будут идти хорошо, пока имущества не будут общими и пока будут вилланы и дворяне. По какому праву те, кого мы называем лордами, важнее нас? Чем они это заслужили, почему они держат нас в рабстве? Если мы приходим от одного отца и матери, от Адама и Евы, то как они могут говорить или доказывать, что они лучше нас? ... Они одеты в бархат и согреваются в своих шубах и своих горностаях, а мы покрыты лохмотьями. У них есть вино, пряности и отличный хлеб, у нас – овсяная лепешка, солома и вода для питья. У них – досуг и прекрасные дома, у нас – горе и труд, дождь и ветер в полях. И, однако, эти люди пользуются своим положением благодаря нам и нашему труду». Проповеди Болла находили горячий отклик у «упрямых крестьян, собиравшихся на кладбищах Кента» (*Дж. Р. Грин*).

Ворвавшись в Лондон (в начале июня 1381 г.) восставшие, по утверждению Диккенса их было 100 тыс. человек, разгромили и сожгли дворец Джона Гонта на Стрэнде, разрушили тюрьмы, выпустили заключенных, добились выдачи им, а затем и казнили архиепископа Кентерберийского (Сэдбери) и канцлера королевства (Томаса Хайзла) (*У. Черчилль*). «Напуганный Ричард со своим советом укрылся в Лондонском Тауэре и оттуда наблюдал, как крестьяне жгут дома знати» (*К. Дэниел*). Затем, все же, (в присутствии лорда-мэра Лондона) Ричард II встретился с восставшими за пределами городских стен, на Смитфильде (рыночной площади к северу от Лондона) и они передали королю свои требования, к которым относились: отмена крепостного права, перевод всех повинностей на денежную ренту, свобода торговли и амнистия восставшим (все это получило название Майл-Эндской программы) (*В. В. Штокмар*).

В. В. Штокмар называет эту программу, программой, отражавшей требования зажиточного крестьянства. Она пишет о том, что Ричард II принял ее требования, приказал начать выдачу грамот об освобождении от крепостной зависимости, призывая крестьян отправляться домой. Малоземельные крестьяне (сельские батраки и городская беднота) во главе с У. Тайлером и Д. Боллом, «не получившие никаких обещаний» (*В. В. Штокмар*) добились второй встречи с королем (15 июня 1381 г.) во время которой мэр Уолворт вероломно убил Тайлера, заколов его кинжалом, под предлогом, что тот угрожает королю (*Дж. Блэк*).

В ответ на гибель Тайлера, крестьяне схватились за луки. Ричард II, сохранив присутствие духа, обратился к толпе со словами: «Я буду вашим предводителем. От меня вы получите все, чего хотите. Следуйте за мной...» (*У. Черчилль*). Несколько иначе приводит слова короля К. Дэниел: «Неужели вы убьете своего короля? Я ваш законный король, ваш повелитель и вождь. Следуйте за мной в поля» (*К. Дэниел*). «Когда удалось усмирить народные волнения, бунтовщики были наказаны, а все договоренности отменены как заключенные «по принуждению». ... в своей речи в парламенте король провозгласил: «Крепостными

вы были, крепостными и останетесь. Отныне ваша рабская зависимость будет несравненно более суровой. Ибо, пока мы живы, мы постараемся всеми силами и способами примерно наказать вас»» (С. Дженкинс).

Ополчение лондонских горожан и рыцарские отряды начали громить восставших. По приговору суда, организованного главным судьей Англии Тресильяном, было казнено более полутора сотен человек, в том числе и Джон Болл (У. Черчилль). Всего же, в течение лета и осени 1381 г. «на виселицах и в битвах погибло, говорят, семь тысяч человек» (Дж. Р. Грин). Тем не менее, восстание Уота Тайлера, по словам В. В. Штокмар, «имело огромное значение для дальнейшей истории Англии». (В. В. Штокмар), так как:

- способствовало отмиранию крепостного права;
- ускорило переход к денежной ренте.

Кроме того, «Подушный налог, столь возмутивший население, отменили» (К. Дэниел). По мнению же У. Черчилля, несомненно вполне оправданному, с момента подавления восстания Уота Тайлера: «Крепостной труд перестал быть основой экономической системы» страны (У. Черчилль).

Многие события английской истории 80–90-х гг. XIV в. невозможно понять без учета личных качеств, правившего в то время потомка Плантагентов.

«Ричард II славился красотой, обладал немалыми способностями и ...умел действовать быстро и мужественно» (Ч. Диккенс). Но, вместе с тем, он обожал всякие зрелища, порой вел себя крайне несдержанно и, самое главное, окружил себя многочисленными фаворитами (среди них особенно выделялся молодой Роберт де Вер, которому Ричард даровал титул маркиза Дублинского Майкла де ла Поль, граф Суффолк наставник короля Саймон Берли). «Расточительный по отношению к друзьям, Ричард мог быть капризным, скрытным и жестоким по отношению к врагам» (Оксфордская история Британии). Как пишет о Ричарде II Дж. Блэк, – Этот монарх «отличался крайним упрямством, не пользовался популярностью и не был искушен

в военном деле» (Дж. Блэк). «Когда Ричард повзрослел, – солидаризируется с мнением Блэка Дженкинс, стало понятно, что он начисто лишен качеств, необходимых войну. Он вырос утонченным эстетом. Лицо его, как описывают, «круглое и женоподобное, иногда заливал яркий румянец», говорил он «отрывисто, часто запинаясь». Король обладал замечательными способностями к искусству и архитектуре, однако в решающие моменты правления... проявлял фатальную некомпетентность» (С. Дженкинс).

Засилье приближенных короля и его изнеженных фаворитов стало вызывать возмущение крупных феодалов. По словам У. Черчилля, в 1386 г. был сформирован союз против короны, в котором объединились представители английской знати и парламента, которых возглавил Томас, герцог Глостерский. Друзья и сторонники Ричарда II в 1388 г. были осуждены на смерть, изгнание, либо лишены своих постов. Парламент, принявший эти решения, получил название Безжалостного. На примерно восемь лет король внешне смирился со своим поражением. Характеризуя это время, У. Черчилль писал: «Поражают терпение и ловкость, проявленные Ричардом при осуществлении мести» (У. Черчилль).

В 1396 г., после смерти своей первой жены Анны, Ричард II женился на восьмилетней Изабелле – дочери французского короля Карла VI, и было заключено перемирие с Францией на 30 лет. «Англичанам это не понравилось, так как у них вовсе не было желания заводить с французами дружбу» (Ч. Диккенс). В следующем, 1397 г. Ричард II казнил Арунделла, сослал Уорвика на о. Мэн, выслал герцога Глостерского в Кале, где тот немедленно «был убит... агентами Ричарда» (У. Черчилль). Как замечает по этому поводу У. Черчилль, Ричард II «желал обрести абсолютную власть над знатью и парламентом» (У. Черчилль).

Воспользовавшись ссорой двух сыновей Джона Гонта – герцогов Норфолкского и Герфордского, в 1398 г. Ричард II выслал их обоих из страны, приняв, тем самым, – как выразился С. Дженкинс, – «весьма недалновидное и откровенно глупое решение» (С. Дженкинс). После смерти самого Джона Гонта (в феврале 1399 г.), – Ричард II усугубил ситуацию, забрав себе

Ланкастерские владения, которые должен был унаследовать Генрих Ланкастер, герцог Норфолкский. Этим, по словам К. Дэниела, – «он совершил смертельную ошибку, которая стоила ему королевской короны, а в конечном счете – и самой жизни» (К. Дэниел).

Правление Ричарда II становилось откровенно деспотичным. Как пишет Дж. Блэк, он – «установил тиранический режим» (Дж. Блэк). Характерно, что даже «в надпись, составленную им для своего надгробия, вошли слова: «Он сокрушил всех, кто бы не нарушал королевскую прерогативу»» (Оксфордская история Британии). Сам монарх демонстрировал «неугомонность и растерянность, расточительность и непоследовательность во всех делах» (У. Черчилль). Он проводил целые недели в пирах и турнирах, в то время как принудительные займы и растущие налоги вызывали возмущение купцов и мелкопоместного джентри. Тем не менее, У. Черчилль, характеризуя правление Ричарда II, говорит даже о некоем «триумфе абсолютной власти», замечая, что этот король «вознес монархию на такие вершины власти, которые были недоступны даже Вильгельму Завоевателю» (У. Черчилль).

В мае 1399 г. Ричард II «предпринял карательную экспедицию в Ирландию для утверждения там своей верховной власти» (У. Черчилль).

Воспользовавшись отсутствием короля, в июле того же года Генрих Ланкастер высадился в Йоркшире. К нему присоединились главы всех знатных родов на севере. Эдмунд, герцог Йоркский – регент королевства тоже перешел на сторону Генриха и его войско «выросло до шестидесяти тысяч» (Ч. Диккенс). Как в свое время Иоанн Безземельный, «Ричард успел одинаково вооружить против себя все классы народа. Вельмож он раздражал своей мирной политикой, землевладельцев – отказом в утверждении безумных мер для устрашения рабочих, торговый класс – незаконными вымогательствами, а церковь – равнодушием к преследованию лоллардов» (Дж. Р. Грин).

Фактически, не встречая сопротивления, «Генрих проследо-

вал через всю страну» (*У. Черчилль*). В то же время, вернувшись из Ирландии в северный Уэльс (в конце июля 1399 г.) Ричарда II практически никто не поддержал. Он сдался противнику в замке Флинт Касл и оттуда под конвоем был доставлен в Лондон. «В парламенте ему зачитали тридцать два пункта обвинений, самый благовидный из которых гласил: «Королевство почти уничтожено по причине отсутствия правительства и невыполнения справедливых законов»» (*С. Дженкинс*).

После этого Ричард был переведен в лондонский Тауэр, где отрекся от престола, а затем его отправили в замок Понтефракт, где он и умер 14 февраля 1400 г. (скорее всего он был там убит).

По мнению Джона Ричарда Грина, «блестящие таланты, которые Ричард разделял с прочими Плантагенетами, омрачались страшным непостоянством, безумной гордостью и жадной неограниченной властью» (*Дж. Р. Грин*).

Давая общую характеристику Ричарду II, У. Черчилль писал: «Он был способен на почти нечеловеческое терпение и хитрость, но и одновременно на глупости, избежать которых сумел бы и простак» (*У. Черчилль*).

Развитие культуры Англии в средние века.

После нормандского завоевания (1066 г.) в культурном отношении Англия ориентировалась на Францию. Таким образом, можно сказать, что она вошла в западноевропейское культурное пространство. Вплоть до XIV в. литературные произведения в Англии создавались на французском и латинском языках (*Дж. Блэк*).

Но уже с XIV в. «наблюдается процесс постепенного вытеснения французского языка – как литературного и придворного – языком английским» (*К. Дэниел*). Этой замене способствовали, как минимум, два обстоятельства: во-первых, то, что широко распространенные пьесы-мистерии все это время разыгрывались в Честере, Йорке, Ковентри и других городах, и сочинялись они на простонародном английском языке. Во-вторых, то, что политическим основанием для вытеснения французского языка явилась Столетняя война и, «естественно, у островитян

не было особых причин любить язык своих врагов» (*К. Дэниел*).

В этом плане, интересно то, что Эдуард III, в принципе, предпочитавший говорить по-французски, тем не менее, – в 1362 г. обратился к парламенту по-английски и даже издал специальный указ, согласно которому в судопроизводстве следовало использовать английский язык.

Значительными произведениями английской литературы конца XIV в. были «Видение Петра Пахаря», написанное нищим монахом Уильямом Лэнглендом и «Кентерберийские рассказы», сочиненные подвизавшимся при дворе Джефффри Чосером (где-то около 1397 г.). В сочинении Лэнгланда с пониманием и сочувствием автор пишет о людях униженных и обездоленных. Поэма Лэнгланда «сочетает реалистические сцены из жизни всех слоев английского общества с характерными для средневекового мышления религиозно-мистическими представлениями и образами... в центре поэмы – образ простого крестьянина, Пахаря Петра, который олицетворяет все лучшие человеческие черты» (*Л. Е. Кертман*). В «Кентерберийских рассказах» Чосер, которому покровительствовал сам Джон Гонт, дана яркая картина жизни того времени. Автор приводит множество характерных деталей. Повествование ведется от имени группы пилигримов, совершающих паломничество к гробнице Томаса Бекета в Кентерберии. Чосера справедливо считают национальным писателем Англии и подлинным создателем английского литературного языка (*Л. Е. Кертман*).

В английской литературе ощущается сильное влияние мифов о короле Артуре с их идеалами рыцарства и куртуазности. Например, в поэме написанной анонимным автором (около 1370 г.) «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь» описывается окружение короля Артура и особенно приключения одного из его рыцарей – сэра Гавейна. Но самым знаменитым из произведений артуровского цикла бесспорно был роман сэра Томаса Мэлори «Смерть Артура», написанный где-то в 1469 г. и опубликованный лишь в 1485 году.

Впрочем, сочинялась также литература и на латинском языке.

В архитектуре Англии с 70-х гг. в XIV в. и до середины XVI в. господствует так называемый местный перпендикулярный стиль. В рамках этого стиля создаются стремящиеся к небу здания с большими окнами и веерными сводами. К зданиям, сооруженным по этим канонам, относится часовня Королевского колледжа в Кембридже.

Развивается и английская живопись, хотя зачастую англичане, желавшие заказать свои портреты, уезжали во Фландрию и позировали таким художникам, как Мемлинг. Тем не менее, в конце XIV в. был создан такой шедевр живописи как Уилтонский диптих (переносной алтарь, на левой стороне которого был изображен Ричард II в окружении Святого Эдуарда Исповедника и Святого Эдмунда, а с правой – Иоанн Креститель, Дева Мария и Иисус Христос, подле которых расположились одиннадцать ангелов) – «неподражаемое произведение средневекового искусства» (*История Англии. Подробный справочник по истории*). Высшим достижением английского изобразительного искусства конца XV в. являлась роспись часовни Итонского колледжа, которая была создана то ли художниками-фламандцами, то ли англичанами, обучавшимися во Франции (*Дж. Блэк*).

Внимание континентальной аудитории привлек и английский стиль в музыке. Его представителями были такие композиторы, как Уильям Карниги, Джон Данстейбл и Уолтер Фрай (*Дж. Блэк*).

Генрих IV и Генрих V. Завершение Столетней войны.

Сменивший Ричарда II на престоле Генрих Ланкастер, стал править Англией, как король Генрих IV (1399–1413). К. Дэниел утверждает, что он был популярен, по крайней мере, в начале царствования, благодаря репутации бесстрашного война, преданной любви к жене (Марии Боун) и тому, что он, в общем, являлся достаточно разносторонней личностью, побывавшей в Литве, в Иерусалиме и на Кипре. Это весьма положительное мнение о Генрихе IV разделял и У. Черчилль, подчеркивавший, что он был «мужественным, способным и от природы милосердным человеком...» (*У. Черчилль*).

За время сравнительно недолгого, четырнадцатилетнего

правления, Генриху IV пришлось столкнуться с рядом острых проблем:

– во-первых, ему понадобилось доказывать свои весьма спорные права на престол, подавив целый ряд восстаний: восстание в Уэльсе Оуэна Глендоуэра, начавшееся в 1400 г. и продолжавшееся все последующие годы вплоть до 1409 г. (*С. Дженкинс*), восстание знатного рода Перси в 1403 г. – на севере Англии (к этому роду принадлежали: граф Нортумберлендский, граф Вустерский – его брат и сын графа Вустерского Генри (Гарри Хотспур – т.е. «Гарри Горячая Шпора, потому что он не слезал с седла и копьё его никогда не остывало» (*Ч. Диккенс*)). В сражении при Шрусбери (21 июля 1403 г.) король Генрих IV разгромил Гарри, который пал в бою. Был схвачен и казнен также отец Гарри, граф Вустерский. Однако, Генрих IV помиловал графа Нортумберлендского. Несмотря на это, уже в 1405 г. граф Нортумберлендский поднял против короля третий мятеж, втянув в него графа Ноттингемского и архиепископа Йоркского Ричарда Скроупа. Подавив этот мятеж, Генрих IV предал казни графа Ноттингемского и архиепископа Йоркского. В 1408 г., во время четвертого мятежа, в битве при Бремам-Муре погиб и граф Нортумберлендский.

Заговоры и мятежи, следовавшие один за другим, как считает Дж. Блэк, свидетельствовали «об остроте проблем, вызванных захватом престола» и показывали, что «королевский престиж значительно снизился» (*Дж. Блэк*);

– во-вторых, заметное место во внутренней политике Генриха Ланкастера заняла церковная политика. Сущность ее заключалась в следующем: Генрих IV объявил себя защитником прав католической церкви и начал гонение на уиклефитскую ересь, обрушившись на так называемых «бедных священников». 11 марта 1401 г. парламент, с подачи короля, принял статут «О сожжении еретиков», направленный против лоллардов (впрочем, еще до его принятия в феврале 1401 г. «сожгли по этому закону первого еретика, им стал священник Уильям Соутри. Это сожжение было в Англии первым актом подобного рода») (*В. В. Штокмар*).

Между тем, начиная с 1406 г. Генрих IV почти непрерывно болел. В. В. Штокмар пишет, что он «медленно умирал от проказы», постепенно погружаясь в безумие, ибо «внушил себе, что заболел проказой за узурпацию власти» (*С. Дженкинс*). Ч. Диккенс пишет о том, что у короля «начались припадки падучей». У. Черчилль утверждает, что король был болен неприятным заболеванием кожи и страдал сердечными расстройствами.

Видимо от сердечного приступа он и скончался в Иерусалимской палате Вестминстерского аббатства 20 марта 1413 г., «выполнив, – как не без иронии пишет С. Дженкинс, – свой рыцарский обет умереть «в Иерусалиме»» (*С. Дженкинс*). «...Генрих IV был неплохим королем, – писал Ч. Диккенс, – во всяком случае, не хуже других» (*Ч. Диккенс*). По словам У. Черчилля, «жизнь и правление короля Генриха IV демонстрирует нам пример тщетных амбиций и горькой цены, которой оплачивается успех» (*У. Черчилль*). Как считает, в свою очередь, К. Дэниел, «Отдавая должное королю Генриху IV, надо сказать: он успешно прошел все испытания...и сумел передать английский престол своему преемнику...это было впечатляющее достижение» (*К. Дэниел*).

Новым королем Англии стал 26-летний принц Уэльский Генрих под именем Генриха V (1413–1422). «Энергичный принц Хэл» (*Дж. Блэк*) «взошел на престол...уже имея репутацию бравого воина и способного государственного деятеля» (*В. В. Штокмар*). Правда, в юности он «вел распутную жизнь, общался со всякими подонками, грабил собственных слуг» (*К. Дэниел*), то есть «был образцом средневекового плейбоя» (*Англия. Автобиография*).

Однако, возглавив государство, Генрих V стал образцовым правителем, решительным, ответственным, целеустремленным, талантливым и властным. У. Черчилль утверждал, что новый король «обладал твердым, рыцарственным, справедливым характером» (*У. Черчилль*). Он называет его «блистательным королем» (*У. Черчилль*). По мнению авторов «Оксфордской истории Британии»: «Правление Генриха стало расцветом ланкастерской Англии» (*Оксфордская история Британии*).

В своей внутренней политике Генрих V навел порядок в управлении королевством, искоренил взяточничество и под страхом смертной казни запретил «баронские войны».

Он так же как и его отец продолжил борьбу с лоллардами, разгромил их восстание в 1414 г., предал суду их вождя сэра Джона Олдкастла, который был сожжен на костре.

Но, куда больше Генриха V занимала внешняя политика. Так, по мнению У. Черчилля, у короля была мечта - «стать во главе всей Западной Европы и направить ее силы на новый крестовый поход» (*У. Черчилль*).

Впрочем, у Генриха V были и другие внешнеполитические планы. В частности, он, подобно Эдуарду III, предъявил свои претензии на французскую корону. «Не особенно стремясь укрепить пошатнувшиеся позиции Англии в Ирландии и Шотландии, Генрих обратился к более блестящему и многообещающему полю деятельности, поставив себе целью завоевать области Франции...» (*Дж. Блэк*), – а именно, – Аквитанию, Нормандию и Мен.

В «Летописи Пласкарденского аббатства» (конца XV в.), в частности, говорится: «В год 1415 от рождества Христова король Англии Генрих V созвал всех прелатов и лордов и велел им ответствовать, душой не кривя, кто более других королевству докучает, Франция ли или Шотландия?». (*История Англии. Подробный справочник по истории. Р. Иглз*).

Тогда же в 1415 г. Генрих V отплыл с 10-тысячным войском во Францию. В сентябре он захватил город Арфлер. Затем английское войско направилось к г. Кале, но по пути к нему, было перехвачено французами у местечка Азенкур, где и произошло решающее сражение 25 сентября 1415 г. Сведения о численности обеих армий разнятся, У. Черчилль, например, пишет о том, что англичан (при Азенкуре) было 5 тыс., французов – 20 тыс. К. Дэниел, утверждает, что у Генриха V было 6 тыс. человек, а у французов – 50 тыс., авторы сборника «Англия. Автобиография» – «насчитывают» 5 тыс. англичан и 30 тыс. французов при Азенкуре. Джон Ричард Грин, не называя точную цифру отно-

сительно численности англичан в этой битве, однако, обозначает численность французской армии цифрой в 60 тысяч человек (*Дж. Р. Грин*).

Так или иначе, бесспорно, что значительный численный перевес был на стороне французов. Когда один из рыцарей Генриха V пожалел, что с ними нет оставшихся в Англии сильных отрядов, король, якобы ответил: «Мне не нужно более ни одного человека. Если Бог пошлет нам победу, то, значит, с нами его милость. Если же нет, то чем меньше нас здесь сейчас, тем меньше потерь понесет Англия» (*Ч. Диккенс*). Тем не менее, французы потерпели при Азенкуре сокрушительное поражение. В бою погибло свыше ста знатных французских вельмож (три герцога, девять графов, девяносто шевалье) (*К. Дэниел*). В плен к англичанам попал французский главнокомандующий, «молодой и неопытный герцог Орлеанский» (*В. В. Штокмар*).

Это была «ошеломляющая победа» (*К. Дэниел*), «блестящая победа» (*В. В. Штокмар*), «самое выдающееся из сухопутных сражений, которое когда-либо выигрывала Англия» (*У. Черчилль*), «одно из самых кровавых столкновений Средневековья» (*А. Морья*). «За четыре часа английский король и его крошечная армия уничтожили противника, силы которого во много раз превосходили их. Потеряв, в лучшем случае, 500 воинов, они лишили жизни свыше 10 000 солдат противника...» (*Д. Сьюард*).

По словам анонимного английского хрониста, «никто не брал пленных, наши войны никого не щадили, ...добивали всех, кто валялся наземь. Такова была Господня воля». Он же замечает, что жизнь сохранили лишь герцогам Орлеанскому и Бурбону и еще несколькими знатыми французским рыцарям королевской крови.

Рассуждая о причинах английской победы при Азенкуре, В. В. Штокмар пишет: «Основная причина поражения французов – отсутствие дисциплины в войсках, раздоры между принцами и несомненное превосходство английских стрелков» (*В. В. Штокмар*). После Азенкура Генрих V с триумфом появляется в Лондоне, под приветственные крики: «Король Англии и Франции!» (*С. Дженкинс*).

В 1417 г. Генрих V вновь вернулся во Францию и в течение недолгого времени завоевал всю Нормандию. В 1420 г. он заключил в Труа очень выгодный для англичан договор, по которому женился на французской принцессе Екатерине Валуа, назначался регентом при психически больном французском короле Карле VI, после смерти которого должен был вступить на престол Франции. 1 декабря 1420 г. Генрих V во главе своего войска торжественно вступил в Париж. В 1421 году у него родился сын – будущий Генрих VI. Но уже в следующем 1422 году Генрих V – «великий завоеватель» (*Дж. Р. Грин*), заболел лихорадкой и дизентерией и умер (*В. В. Штокмар*). Это произошло 31 августа 1422 г. во французском городе Буа де Венсен. Последними словами Генриха V были следующие: « Господи, ты знаешь, что моим желанием было и есть освятить стены Иерусалима» (*У. Черчилль*). По мнению А. Моруа, образ Генриха V как великого короля сохранился в памяти англичан, так как «Он привел их к новым победам и обладал несомненными личными достоинствами. Он был великодушен, куртуазен, искренне религиозен, целомудрен и верен своему слову. Он говорил мало и отвечал лишь: «это невозможно» или «это будет сделано»» (*А. Моруа*). По словам его биографа, «... Генрих V был великим воином и великим королем» (*Д. Сьюард*).

Новым английским королем был объявлен девятимесячный Генрих VI. Протектором Англии стал его дядя Гемфри, герцог Глостер. Другой дядя Генриха VI – Джон, герцог Бедфорд, занял пост командующего английской армией во Франции.

Воспользовавшись ситуацией в Англии, французы усилили борьбу против захватчиков, которую с 1429 г. возглавила простая крестьянская девушка Жанна д'Арк. В 1431 г. десятилетний Генрих VI был спешно коронован в парижском соборе Нотр-Дам. Однако, уже в январе 1432 г. Генрих VI «со свитой был вынужден спешно покинуть Францию и больше никогда сюда не вернулся» (*К. Дэниел*).

В 1435 г. умер герцог Бэдфорд и с этого времени положение английских войск во Франции резко ухудшилось.

В 1436 г. новый французский король Карл VII въехал в Париж. В 40-е гг. XV в. у англичан были полностью отвоеваны Гиень и Нормандия. В итоге, у них в руках остался только г. Кале. В 1453 г. Столетняя война практически прекратилась, хотя официально мира между Англией и Францией заключено не было. «Оставшиеся в живых англичане договорились с противником и отплыли домой из Ла-Рошели. К концу того же года англичане силой или переговорами были вытеснены с континента. Из всех их завоеваний остался только плацдарм в Кале...» (*У. Черчилль*). Этот город англичане удерживали вплоть до 1558 г.

7. Англия накануне Войны роз

Сын и наследник Генриха V – Генрих VI (1422–1471) отличался крайним благочестием и милосердием. У. Черчилль прямо называл его «набожным простаком», который ненавидел кровопролитие. От рождения король был слабоумным и, «став взрослым, годился для того, чтобы управлять страной, не больше, чем во младенчестве» (*Ч. Диккенс*). «Трудно вообразить себе, – писал о нем Моруа, – более кроткое, более степенное и более слабое создание» (*А. Моруа*). Вместе с тем, с его правлением связано основание знаменитых колледжей в Итоне и Кембридже. «Король Генрих, – вспоминал Джон Блэкмен, – был чист и непорочен, словно дитя. Однажды на Рождество некий богатый лорд привез во дворец танцовщиц... Однако же целомудренный король не поддался искушению бесовскому, гневно отвергнул их».

В 1444 г. в возрасте 23-х лет Генрих VI женился на Маргарите Анжуйской, которая была племянницей французского короля Карла VI. У. Черчилль называет ее замечательной женщиной, обладавшей «не только редкой красотой и очарованием, но и сильным интеллектом и неустрашимым духом» (*У. Черчилль*). Франции была передана территория графства Мен и в этом, в частности, подозревали пагубное влияние королевы Маргариты. Огромную власть над Генрихом VI – этим «набожным, добрым и наивным» королем приобретает его жена и фаворит королевы, маркиз Суффолк.

В возрасте 31 года (1 августа 1453 г.) Генрих VI, казалось,

окончательно сошел с ума. «Король стал совершенно невменяем, его кормили с ложки, переносили со стула на кровать» (В. В. Штокмар). В октябре 1453 г. у Генриха VI родился сын – Эдуард.

Все попытки вылечить Генриха VI: бритье головы, притирание и кровопускание – результата не дали. «Со всей неотложностью встал вопрос, кому же править страной». (К. Дэниел). Королевский совет (в обход только что родившегося наследника Генриха VI) остановил свой выбор на Ричарде, герцоге Йоркском, который был двоюродным братом короля и являлся пра-внуком Эдуарда III.

Ричард Йоркский открыл парламент 13 февраля 1454 г. уже в качестве наместника королевства. Вплоть до 1455 г. он успешно правил государством. Таким образом это продолжалось где-то 16 месяцев. Однако в 1455 г. у короля Генриха наступило просветление: «он узнал свою жену и сына, затем сместил всех сановников назначенных Ричардом Йоркским. Герцог Йоркский перестал быть протектором» (В. В. Штокмар). Но Ричард к тому времени уже привык к власти и не захотел с ней расставаться. Он собрал армию и повел ее к местечку Сент-Олбанс. Там же находился Генрих VI и Маргарита со своими войсками.

8. Война Алой и Белой роз. Установление династии Тюдоров

Вспыхнувшая в 1455 г. и завершившаяся только в 1485 г. (то есть продолжавшаяся 30 лет) война получила название Войны Алой и Белой роз, т.к. алая роза – была символом Ланкастерской династии (Генриха VI и его жены Маргариты), а белая роза – родовой эмблемой Йорков (т.е. Ричарда Йорка и его наследников). На первом этапе Войны роз перевес вначале был на стороне Ланкастеров; в одной из битв в 1460 г. Ричард Йоркский был убит; по распоряжению королевы Маргариты, отрубленная голова погибшего Ричарда Йорка, издевательски увенчанная короной из позолоченной фольги, была выставлена на стене г. Йорка. («Пусть Йорк обозревает город свой» (С. Дженкинс)).

Затем Йоркскую партию возглавил Эдуард – сын Ричарда Йоркского, который в 1461 г. дважды разбил Ланкастеров, захватил Лондон (заточил Генриха VI в Тауэр) и был провозглашен королем под именем Эдуарда IV (1461–1483). Ему тогда исполнилось всего-навсего 19 лет. Он был, – по словам Диккенса, – двоедушным, веселым, сластолюбивым, мстительным человеком, наделенным определенными способностями и красотой, но только не принципами» (*Ч. Диккенс*). Как считал У. Черчилль, Эдуард IV «был солдатом и человеком действия, и лучше всего его качества проявлялись в часы опасности» (*У. Черчилль*). А. Моруа называл его «настоящим властителем эпохи Возрождения, блестящим и циничным» (*А Моруа*). Вместе с тем, как отмечал К. Дэниел, для Эдуарда IV было характерно «неприличное женолюбие» (*К. Дэниел*). Именно в силу последнего обстоятельства молодой король рассорился с крупным феодалом и своим родственником, графом Уорвиком. Тот вел переговоры о его браке с французской принцессой, в то время как он сам объявил о своем намерении жениться на Елизавете Вудвиль – вдове убитого ланкастерца, проигнорировав мнение графа.

Ланкастеры, при поддержке перешедшего на их сторону графа Уорвика (получившего прозвище «делателя королей»), создали коалицию и сумели на время (в 1470–1471 гг.) вернуть себе власть. Как говорилось выше, граф Уорвик состоял в довольно близком родстве с Эдуардом, так как его кузина Сесили Невилл была матерью нового короля. «Варвик (Уорвик), – пишет о нем Джон Ричард Грин, – был... типичным феодальным бароном... 600 дружинников сопровождали его в парламент. Тысячи вассалов пировали на дворе его замка. ... Он был деятельным и жестоким воином, но враги отрицали у него личную храбрость. На войне он был скорее полководцем, чем солдатом. В сущности, он обладал не столько военным, сколько дипломатическим талантом; особенно ловок он был в интригах и изменах, в придумывании заговоров и внезапных переходах на другую сторону» (*Дж. Р. Грин*). Но Эдуарду IV вскоре все же удалось разбить коалицию в битве при Бернете 14 апреля 1471 г., а затем 3 мая у Тьюксбери и триумфатором возвратиться в Лондон

(Генрих VI был вновь водворен в Тауэр, его сын – Эдуард – убит на глазах у Эдуарда IV, граф Уорвик погиб при попытке бегства, а Маргарита – жена Генриха VI – заключена в монастырь. Через три недели после гибели сына, 27 мая 1471 г. Генрих VI «скоропостижно скончался, как это нередко случалось с узниками в Тауэре. Иными словами, – пишет Ч. Диккенс, – его убили по приказу короля») (Ч. Диккенс).

Разгромив своих противников, Эдуард IV, как замечает известный советский историк – англовед В. Ф. Семенов, – «правил деспотически». «Обаяние его личности...в купе с военными талантами позволяли ему достаточно уверенно чувствовать себя на королевском троне» (К. Дэниел). Это было, кроме всего прочего, связано с рядом важных обстоятельств: во-первых, конфисковав все земельные владения ланкастерской знати, король сосредоточил в своих руках огромный земельный фонд; во-вторых, щедрой раздачей поместий из этого фонда король создал себе новую, покорную знать из средних и мелких дворян; в-третьих, Эдуард IV стал активно поощрять развитие английской торговли (он покровительствовал английскому торговому флоту и содействовал деятельности торговой компании купцов-авантюристов). «Король Эдуард IV возродил рыцарские традиции, которыми отличался двор... Эдуарда III. Возобновилась церемония вручения ордена Подвязки – специально для этого была достроена величественная капелла Святого Георгия в Виндзорском замке. Король собирал библиотеку и в 1476 г. пригласил в Лондон первопечатника Уильяма Кэкстона, организовавшего первую типографию в Вестминстере в 1477 г. и издавшего «Кентерберийские рассказы» Чосера и «Смерть Артура»... Мэлори» (С. Дженкинс). Затем типографии появились в Лондоне, в Оксфорде, в других городах и до конца века удалось напечатать около 400 книг (А. Е. Кертман).

В то же время для решения финансовых проблем Эдуард IV беззастенчиво вымогал у буржуазии большие суммы денег в виде «добровольных» подарков и займов (по которым никогда не платил). Парламент он созывал редко и неохотно. Для укреп-

ления своих позиций на Севере Англии и в Уэльсе, король учреждает Совет Севера и Совет марки Уэльса в 1472 г.

Эдуард IV женился на Елизавете Вудвиль. От этого брака у короля было пять дочерей и два сына Эдуард и Ричард – к моменту смерти Эдуарда IV им было соответственно 12 и 9 лет.

Давая общую характеристику личности Эдуарда IV, В. В. Штокмар писала: «Эдуард был очень популярен в среде горожан, равно как и среде баронов. Эдуард любил охоту, танцы, зрелища, пирушки, красивую жизнь и богатое убранство, однако не чрезмерно тратил отпущенные ему средства. Он был безжалостен к врагам, и враги боялись его и ненавидели» (В. В. Штокмар).

В последние годы своего правления Эдуард IV сильно изменился: он стал толст, вял и слаб здоровьем. Правой рукой короля был в эти годы его брат Ричард Глостер – хороший администратор, советник, полководец, который пользовался особым влиянием на севере Англии, где находились поместья его жены Анны Невилл. За это он даже получил титул «Повелитель севера» (К. Дэниел). 9 апреля 1483 г., после трехдневной комы, в возрасте 41 года Эдуард IV умер. «Как указывалось в заключении врачей того времени, причиной смерти стали чрезмерное переедание, пьянство и разврат» (К. Дэниел), хотя, как предположил У. Черчилль, это мог быть и обычный аппендицит. Перед смертью, «Эдуард IV назначил Ричарда протектором Англии и опекуном Эдуарда V» (С. П. Маркова). Как афористично выразился по этому поводу Т. Мор, «случилось, что ягненок был отдан под охрану волка» (Т. Мор).

Вскоре власть в Англии, отстранив племянников (Эдуарда V и его младшего брата Ричарда), которые были задушены по его приказу конюшим Джеймсом Тиреллом в Тауэре, захватил их дядя Ричард Глостер, ставший королем Ричардом III (1483–1485). Вопрос о том, кто же на самом деле, повинен в смерти «принцев Тауэра» до сих пор будоражит умы. «... кажется маловероятным, – пишет по этому поводу В. В. Штокмар, – чтобы удалось раскрыть обстоятельства гибели сыновей Эдуарда IV» (В. В. Штокмар). В принципе, существует как минимум две

версии произошедшего, которые приводит Кристофер Дэниэл. Согласно первой, «канонической», именно король Ричард III лично отдал приказ об убийстве племянников. В этом короля прямо обвинил Томас Мор в своей «Истории Ричарда III». Ту же версию красочно изобразил в своей знаменитой драме «Ричард III», великий Шекспир, для которого Глостер-«сфокусированное зло всей эпохи» (С. П. Маркова). Вторая версия рассматривает Ричарда как жертву тюдоровской пропаганды, а вину за смерть детей возлагает на Генриха VII (К. Дэниел). По мнению биографа Ричарда III В. Г. Устинова вполне вероятно, что за убийством принцев стоял соратник Глостера, герцог Бекингем, способствовавший его приходу к власти. Этот амбициозный и беспринципный вельможа страстно добивался «наследства Боэнов, графов Херефордских, Эссекских и Нортхемптонских, на которое он имел определенные права». «Поэтому герцог решил принудить Ричарда III пойти навстречу своим желаниям, если не по доброй воле, то по необходимости». Воспользовавшись отъездом Ричарда III в 1483 г. на север, Бекингем «оказал монарху непрошенную услугу, в расчете на то, что теперь король не сможет ему отказать» (В. Г. Устинов). «Режим установленный новым королем был деспотическим» (В. В. Штокмар). Многие деяния Ричарда III, казалось бы, вполне подтверждают это. Здесь и фактически бессудные казни родственников королевы Елизаветы (Вудвилей и Греев), равно как и лорда Гастингса, заключение в темницу епископа Илийского Мортонa, «признание», проведенное через парламент, детей Эдуарда IV – незаконнорожденными, «так как до брака с Елизаветой Вудвиль король был обручен с леди Тальбот и последующий брак поэтому недействителен» (В. В. Штокмар). Правление короля Ричарда III, «этого жестокого, храброго и блистательного горбуна» (А. Моруа) продолжалось чуть более двух лет (с июля 1483 по август 1485 гг.).

«О государственной деятельности нового короля, – утверждает С. П. Маркова, – говорить особенно нечего: он не мог за короткий срок пребывания у власти сделать что-либо заметное» (С. П. Маркова). Это мнение, чересчур категоричное, нельзя признать справедливым. На самом деле, в течение всего своего

непродолжительного царствования, Ричард действовал разумно и достаточно энергично. «Было запрещено производить насильственные поборы, известные под именем «добровольных пожертвований» или «беневоленций». Разрешалось брать на поруки людей, заключенных в тюрьму по обвинению в уголовном преступлении. Имущество таких лиц не должно было подвергаться конфискации до их осуждения. Наиболее популярными были статуты, направленные на упорядочение местного судопроизводства. Был принят целый ряд экономических мер, регулирующих купцов, которые ввозили в Англию товары и хотели продавать их только в то время, когда цены на них стояли особенно высоко, а также скупали английские товары и затем продавали их за морем, когда им было удобно, а не когда это было удобно англичанам. По этому же статуту итальянские купцы должны были продавать ввозимые товары оптом, а не по более высоким ценам в розницу. ... парламент принял статут, запрещающий иностранным купцам ввозить товары домашнего обихода» (*В. В. Штокмар*). «Все это, – писал Джон Ричард Грин, – указывало на усиленное стремление Ричарда добиться популярности» (*Дж. Р. Грин*).

Проводя эту политику, Ричард III опирался на «новое дворянство» и горожан (*С. П. Маркова*). Однако, несмотря на все это, а также подчеркнутое уважение, которое новый король оказывал (в отличие от Эдуарда IV) парламенту, он «не пользовался популярностью ... и был лишен сколько-нибудь серьезной поддержки» (*Дж. Блэк*).

Руки Ричарда III во многом связывала необходимость постоянно бороться с оппозицией внутри страны. Так, летом 1483 г. на юге Англии началось движение с целью освободить «принцев Тауэра». Осенью того же года герцог Бекингем, «обиженный тем, что не получил за оказанную (Ричарду) помощь награды» (*В. В. Штокмар*), а также видимо решивший «предъявить собственные притязания на корону» (*У. Черчилль*). (определенные основания для этого были, так как Бекингем являлся потомком Томаса – пятого сына короля Эдуарда III) поднял мятеж против короля. Ричард действовал решительно и быстро, в то время

как отряды, собранные Бекингемом, разбежались. Сам герцог был схвачен, судим и казнен на рыночной площади Солсбери 2 ноября 1483 г.

Тем временем, сторонники семьи Эдуарда IV объединились с остатками ланкастерской партии и вместе выступили против короля Ричарда III, выдвинув своим претендентом на престол Генриха Тюдора – внука Елизаветы Валуа, которая после смерти Генриха V вышла замуж за английского аристократа Оуэна Тюдора и который (по своей матери Маргарите Бофор) был потомком Джона Гонта. В течение многих лет Генрих жил в изгнании в Бретани, обретя поддержку со стороны Франции. «В августе 1485 г. Генрих Тюдор ... высадился на английский берег в Уэльсе, подняв кроме королевского знамени и уэльское, что привело к нему жителей этого края, который считался родиной Тюдоров...» (С. П. Маркова). Ему навстречу выступил король Ричард III. Решающая битва произошла у местечка Босворт – 22 августа 1485 г. Хотя армия короля вдвое по численности превосходила армию Претендента (10 тысяч против 5-ти) «переход многих сторонников Ричарда на сторону Генриха (прямо во время боя) ... принес Генриху победу...» (Дж. Блэк). Ричард III «сражался до последней возможности» и пал в бою «израненный и изрубленный руками своих врагов: его мертвое тело было взгромождено на круп лошади, его волосы вырваны, и так его волокли, как дворового пса» (Т. Мор). Генрих Тюдор был провозглашен королем под именем Генриха VII. Этим по сути и завершилась война Алой и Белой роз, которая имела «большое значение для политического развития Англии» (В. Ф. Семенов), так как «старые феодальные бароны перебили друг друга в войнах Алой и Белой розы» (Ф. Энгельс). Замечательно, что во время сражений Войны роз, «лучники часто получали приказ: «Цельтесь в лордов, щадите простолюдинов» (С. Дженкинс). Вместо феодальной знати было, по сути, создано дворянство, связанное с буржуазией и ведущее свое хозяйство новыми, капиталистическими методами. Опираясь на это новое дворянство новая династия Тюдоров укрепила авторитет королевской власти, кото-

рая окончательно приняла форму абсолютной монархии. «Генриху VII удалось сохранить корону после Босворта, – отмечают авторы «Оксфордской истории Британии», – благодаря ряду факторов. Единственный из узурпаторов XV в., он сумел убить своего бездетного предшественника в сражении. В дальнейшем решающую роль для него сыграла поддержка разочарованных сторонников Йорков, особенно вдовы Эдуарда IV. Кроме того, английские магнаты устали от войны: их ряды поредели, и в некоторых случаях их власть на местах ослабела или была ликвидирована. В результате попытки сместить Генриха не нашли поддержки в Англии. ... Собственно военные действия в 1455–1485 гг. длились, вероятно, всего пятнадцать месяцев, а численность задействованных армий была не очень большой; однако значение битвы порой заключается не в количестве бойцов или численности убитых. Война роз чуть было не уничтожила наследственную основу английской монархии, и захват престола Генрихом Тюдором с трудом укрепил ее. Хотя Генрих изображал себя представителем и наследником обеих династий – и Ланкастеров, и Йорков, в реальности он стал королем и решил им остаться лишь благодаря собственным усилиям» (*Оксфордская история Британии*).

Тема 4. Англия в XVI веке

План

1. Социально-экономическое развитие Англии в XVI в.
2. Английский абсолютизм в эпоху Тюдоров.
3. Английский Ренессанс.

1. Социально-экономическое развитие Англии в XVI в.

XVI век явился важной эпохой в истории Англии. Его справедливо можно назвать веком перемен или, как выразился современный британский исследователь, Джон Гай, «водоразделом британской истории» (*Дж. Гай*). Как отметила в свое время С. П. Маркова «Век Тюдоров (с которым по сути этот век и совпадает – А. Е.) был не похож на средневековую эпоху. Это было переходное время от Средних веков к новому времени» (*С. П. Маркова*). Свидетельством этой важной перемены была, в частности, так называемая «аграрная революция», а также развитие капиталистических форм организации английской промышленности, создание торговых кампаний акционерного типа национальным купечеством, сопровождавшееся началом колониальной экспансии Англии, разложение старых средневековых классов и формирование новых социальных групп капиталистического типа, появление новой культуры Ренессанса и переход от сословно-представительной к абсолютной монархии.

Важнейшее значение, среди отмеченных выше перемен, принадлежало тому, что происходило в XVI веке в сельском хозяйстве Англии.

К этому времени в Англии не существовало крепостного права, и, соответственно, крепостного крестьянства. (*В. В. Штокмар*).

Основную массу крестьян составляли свободные крестьяне – «наследственные держатели земли, за которую они платят

собственнику земли, своему сеньору, феодальную земельную ренту» (С. П. Маркова).

Такие крестьяне назывались в Англии копигольдерами и такое держание именовалось, соответственно, копигольдом. С точки зрения обычного права оно определялось как «держание по воле лорда и по обычаю манора». Обычай и традиции в разных частях королевства различались, а потому и копигольд где-то был (для крестьян) более тяжелым, а где-то менее тяжелым. «Общим для любого копигольда было то, что он всегда..., при всех переменах владельцев должен был оставаться неизменным» (С. П. Маркова).

Собственниками манора (поместья), как и прежде, были лорды. Однако, уже в конце XV – начале XVI вв. их перестали удовлетворять те повинности, которые несли в отношении их копигольдеры. Это случилось, прежде всего «ввиду повысившегося спроса на шерсть», из-за чего землевладельцы, нуждавшиеся «в расширении пастбищ, начали захватывать не только общинные угодья... но и пахотные участки, бывшие в держании у крестьян» (В. В. Штокмар).

Захваченные лордами участки общинных земель и пахотные наделы крестьян обносились живыми изгородями или огораживались специальными канавами. «Эта процедура получила у современников название «огораживаний»» (С. П. Маркова). Главной причиной, вызвавшей огораживания, была необходимость расширить территории пастбищ. Томас Мор писал по этому поводу следующее: «Ваши овцы, обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей и опустошают целые поля, дома и города. Именно во всех частях королевства, где добывается более тонкая и поэтому более драгоценная шерсть, знатные и другие благородные и даже некоторые аббаты, люди святые, не довольствуются теми ежегодными доходами и плодами, которые обычно получались с имений их предками... . Теперь в своих имениях не оставляют ничего для пашни, отводят все под пастбища, сносят дома, разрушают города, оставляя храмы только для овечьих стойл. Эти милые

люди обращают в пустыню все поселения и каждую пядь возделанной земли».

Сгон крестьян-держателей с земли привел «к коренной ломке феодальных отношений в английской деревне» (В. В. Штокмар).

Это процесс, в первом томе «Капитала» К. Маркс справедливо назвал аграрным переворотом.

«Это было начало полной перестройки сельской Англии» (В. В. Штокмар).

В Англии XVI в. проживало примерно четыре млн. человек, причем 4/5 населения составляли сельские жители. Среди них выделялись, так называемые, йомены – «свободные англичане, имевшие доходы не менее 6 фунтов в год», державшие фермы от джентльменов, использовавшие труд батраков, разводившие овец и ездившие по ярмаркам (В. В. Штокмар).

Современники, например английский историк XVI в. Гаррисон, называли их фермерами. Аграрная революция обогатила фермеров, так как длительные сроки аренды (99 лет), при непрерывном падении стоимости денег («революция цен») приводили к тому, что они становились все состоятельнее и состоятельнее за счет лендлордов и сельскохозяйственных рабочих.

Класс фермеров, образовавшийся в Англии в XVI в., К. Маркс назвал классом «капиталистических фермеров». Лендлорды, джентри и капиталистические фермеры повышают доходность своих земель, организуя предпринимательское хозяйство на огороженных землях. Основная же масса крестьянства, экспроприированного и лишенного средств производства, стремительно разоряется; эти крестьяне «оказались выброшенными из привычного уклада жизни. Лишенные всех источников существования, они превращались в толпы нищих, бродяг, пауперов, заполнявших дороги, села и города Англии XVI в. Многие из них стали добывать средства к существованию преступлениями» (С. П. Маркова).

«Яркую картину страданий народных масс во времена оголаживаний рисует в своем знаменитом произведении «Уто-

пия»... Томас Мор: «Мужчины и женщины, мужья и жены, сироты и вдовы, объятые отчаянием матери с грудными детьми, все домочадцы, бедные средствами к жизни, но многочисленные... бредут прочь... и нигде не находят приюта... Внезапно выброшенные на улицу, они вынуждены распродавать имущество за бесценок. И когда этими несчастными скитальцами истрачено все до последней копейки..., то, что им остается делать, как не красть? Но тогда их вешают по всей форме закона» (Т. Мор).

Как уже отмечалось выше, основную массу бродяг и нищих составляли экспроприированные крестьяне, согнанные с земель в процессе огораживаний. Некоторое дополнительное количество бродяг появилось вследствие закрытия монастырей и секуляризации, проведенной в правление короля Генриха VIII. И, наконец, «армия бродяг» пополнилась в результате роспуска сеньорами своих феодальных свит, после окончания Войны роз (В. В. Штокмар). «Рост огораживаний стал причиной бедствий во всем королевстве. В некоторых графствах до трети пахотной земли превратились в луга, и в людских сердцах накапливалась злость на новоявленных богачей, жирующих на их несчастьях, но по-прежнему жадных» (У. Черчилль).

Реакция государства на огораживания была двойственной. С одной стороны, интересы казны и обороны государства побуждали правительство каким-то образом ограничивать огораживания (поэтому, начиная с 1489 года и далее в течение всего XVI в. издавались статуты против огораживаний). С другой стороны, страх того, что экспроприированные крестьяне возьмутся за оружие, приводил к появлению так называемых кровавых законов против бродяжничества, которые, со временем, все больше ужесточались.

Так, например, если статут 1495 г. осуждал бродяг на тюремное заключение в течение трех суток в колодках, то статут 1530 г. «предусматривал» для них еще и порку; по статуту же 1536 г., при рецидиве бродяжничества виновных подвергали дополнительной порке, причем у них отрезалась половина уха, а если бродяга попадался в третий раз, то его казнили, как врага общества.

Ответом на это со стороны разорявшегося и экспроприруемого крестьянства были народные восстания, которые буквально сотрясали Тюдоровскую Англию. Так, например, осенью 1536 г. восстание вспыхнуло на севере страны, охватив территории Линкольншира, Йоркшира и, вылившись в форму религиозного похода на юг, который получил название «Благодатного паломничества». Формально это восстание было направлено против церковной реформы короля Генриха VIII, но его «сущность состояла в борьбе крестьян против усилившихся после секуляризации монастырских земель огораживаний и сгона старых держателей» (В. В. Штокмар). В восстании участвовало 30–35 тысяч человек, оно продолжалось несколько месяцев и было подавлено лишь в мае–июне 1537 г. Лорды Дарси и Хэсси, возглавлявшие паломничество были казнены. Были повешены и многие рядовые участники «Благодатного паломничества» (С. П. Маркова).

Выступления крестьян против огораживаний произошли также в 1547 г. Самым крупным выступлением против огораживаний, однако, было восстание лета 1549 г. под предводительством мелкого помещика Роберта Кета, которое произошло в графствах Норфолк и Суффолк. Армия восставших, состоявшая из крестьян и городской бедноты, достигала 20 тысяч человек и расположилась у г. Нориджа. Основными требованиями восставших были: снижение ренты, лишение лордов права пользоваться общинными угодьями, уничтожение крепостничества и запрещение огораживаний. Любопытны были и мотивы руководителей восстания мелкопоместных сквайров Роберта и Вильяма Кетов. «Оба они использовали крестьянское движение против огораживаний, рассчитывая с его помощью бороться с земельной аристократией» (С. П. Маркова). Обращаясь к крестьянам, Роберт Кет говорил им: «Теперь вас попирают и угнетают богатые джентльмены, не дают вам подняться на ноги. Богатства текут рекой в сундуки ваших лендлордов, в то время как вы доведены до нищеты и питаетесь, как животные горохом и овсом. Лендлорды стригут вас в интересах своей личной выгоды. В то время как богатые богатеют, из вас высасывают все

соки. Для вас, собравшихся здесь, теперь нет иного выхода, как смело идти вперед».

В конечном счете, восстание Роберта Кета потерпело поражение. Основными причинами этого было то, что: во-первых, напуганная размахом движения нориджская буржуазия помогла правительственным отрядам войти в город, во-вторых, в лагере восставших произошел раскол между умеренными и революционными элементами, в-третьих, то, что Роберт Кет совершил тактическую ошибку выведя свои войска в долину против правительственных сил 27 августа 1549 г. В итоге, правительственные войска под командованием графа Уорика разгромили повстанцев, потерявших в сражении 3,5 тысяч человек. Девять помощников Кета были повешены здесь же, 49 человек были казнены на рыночной площади г. Нориджа, а еще 300 человек – в окрестных деревнях. Самому Кету сначала удалось бежать, но затем он был пойман и заключен в Тауэр. 7 декабря 1549 г. он и его брат были повешены, четвертованы, а их имущество конфисковано (*С. П. Маркова*). Характеризуя крестьянские восстания 1547 г. и 1549 г. В.В. Штокмар дает им следующую оценку: «Эта борьба крестьян была прогрессивной, так как она являлась, по сути дела, борьбой за свободное крестьянское хозяйство, за развитие капиталистических элементов в среде самих крестьян» (*В.В. Штокмар*). Борьба против огораживаний продолжилась и во второй половине XVI – начале XVII в. (крестьянские волнения происходили в 1569 г., 1596–1597 гг. и в 1607 г.). Все крестьянские выступления, однако, потерпели поражение, так как против них единым фронтом выступили новые дворяне, втянутые в капиталистические отношения, и буржуазия, заинтересованные в огораживаниях и поддержанные, в конечном счете, всей мощью государства.

Революционные изменения затронули не только сельское хозяйство, но и промышленность Англии, в частности, такую важнейшую ее отрасль, как сукноделие. При этом менялась структура экспорта суконной промышленности – сокращался вывоз необработанной шерсти с одновременным увеличением вывоза готового сукна за границу. В 60-е годы XVI в. экспорт

английского сукна в Нидерланды, Францию, Италию, Испанию, на Ближний Восток и в Северную Европу составил 81,6 % всего экспорта Англии. При этом, важно отметить, что «сукноделие в XVI в. развивалось на капиталистической основе» (С. П. Маркова).

В пригородах и в сельской округе предприимчивые купцы-суконщики создают мануфактуры рассеянного типа. «Работники таких мануфактур превращались в наемную рабочую силу, а суконщики в капиталистов - предпринимателей» (С. П. Маркова). Наряду с рассеянными мануфактурами, появляются, правда, и централизованные, в которых работает большое число ремесленников – сукноделов и существует разделение труда. Классическим примером мануфактуры второго типа была мануфактура воспетая в балладе Томаса Делони «Джек из Ньюберри» в 1597 г., в которой трудились 940 рабочих.

Наряду с сукноделием «особое значение приобретает молодое капиталистическое производство в горном деле...» (В. В. Штокмар). Наибольшая концентрация труда наблюдалась во второй половине XVI в. именно в угольной промышленности. В середине XVI в. на угольных шахтах Англии появляются первые наемные рабочие. В начале 60-х годов в Англии уже насчитывалось 3–4 тысячи шахтеров и примерно 2 тысячи рабочих, занятых транспортировкой угля.

Интенсивное развитие английской промышленности в XVI веке было обусловлено, как минимум четырьмя обстоятельствами:

Во-первых, наличием собственной сырьевой базы;

Во-вторых, определенным объемом капиталов, который формировался в торговле и в сфере овцеводства;

В-третьих, наличием ёмкого внутреннего и обширного континентального рынков;

В-четвертых, оформившейся армией свободной рабочей силы, созданной всем ходом процесса огораживаний (С. П. Маркова).

Революционные изменения, происходившие в сельском

хозяйстве и промышленности Англии в XVI в. не обошли стороной и торговлю страны. В 1505 году была юридически оформлена старейшая из английских торговых компаний – компания купцов-авантюристов. С этого времени можно сказать, что «торговля с заграницей все больше начала переходить в руки собственно английского купечества» (В. В. Штокмар).

Серьезным соперником «авантюристов» была Немецкая Ганза, которая в XIV–XV вв. контролировала всю торговлю на Северном и Балтийском морях и, кроме того, имела привилегии внешней торговли в Англии. По настоянию купцов – авантюристов английское правительство в XVI в. стало проводить «систематическое ограничение привилегий Ганзы» (В. В. Штокмар). К примеру, в 1598 г., в ответ на изгнание купцов-авантюристов из немецких портов, английские власти закрыли Стальной двор (Steelyard) – резиденцию Ганзы в Лондоне.

Возможность обойтись в торговле без иностранных посредников появилась во многом в связи с развитием английского торгового флота. Уже в XV в. начался быстрый рост английского флота, как в отношении численности судов, так и в отношении их водоизмещения. Правительство, начиная с правления Генриха VII, давало субсидии на постройку кораблей.

В 1563 г. был принят специальный акт о поддержании английского флота, согласно которому почти вся перевозка товаров между различными пунктами внутри Англии, весь экспорт и импорт рыбы и вин целиком передавались в руки английских судовладельцев. Были приняты различные меры для укрепления дисциплины среди матросов королевских кораблей, а также меры для обеспечения флота матросами.

Организационными формами английской торговли в конце XV – первой половине XVI в. были два типа купеческих компаний. К первому типу относились торговые ливрейные компании, возникавшие на территории отдельного города и представлявшие собой союзы торговцев определенной отрасли. К примеру, в Лондоне находились двенадцать больших компаний (бакалейщиков, торговцев сукном, торговцев шелком и бархатом и др.), которые завладели командными высотами как

в экономической области, так и в управлении городом.

Самыми могущественными из компаний этого типа были компания купцов – складчиков и компания купцов-авантюристов. Компании получали от короля привилегии на ведение монопольной внешней торговли в какой-либо области. Так, компания складчиков обладала монополией на экспорт шерсти через склад в Кале, а компания купцов-авантюристов – на экспорт сукна. Члены этого типа компаний вели дела на свой собственный риск и на свой индивидуальный капитал, их инициатива ничуть не ограничивалась. Однако, так как они входили в одну компанию, они нуждались в общей политике, которую она и проводила. Для покрытия издержек, требуемых этой общей политикой, участники компании платили вступительные взносы. Однако, уже в XVI в. развитие английской промышленности, необходимость в новых заморских рынках остро поставили вопрос об организации морских экспедиций в дальние страны. На организацию таких экспедиций требовались огромные капиталы. Это, в свою очередь, привело к тому, что в середине XVI в. возникает еще один тип торговых компаний – акционерных, т.е. компаний с объединенными капиталами. Компании акционерного типа получали от правительства хартии, дававшие им право на монопольную торговлю с определенными странами. Каждый акционер вносил свой пай, а затем на образовавшийся объединенный капитал совет директоров, избранный на общем собрании акционеров, организовывал экспедицию и разворачивал торговлю на вновь освоенном рынке. В определенные сроки акционер получал свою долю прибыли, в соответствии с внесенным им паем.

Первой акционерной компанией была Московская компания, основанная в 1554 г. по инициативе купца Ричарда Ченслера. Она получила монополию на торговлю с Московским государством и Средней Азией. Прибыли купцов, входивших в эту компанию нередко достигали 300–400 %. В 1579 г. была создана Исландская компания, которая вела торговлю на Балтике и в Скандинавии. В 1581 г. была учреждена Левантийская компания, для торговли с Ближним Востоком.

В 1600 году возникла знаменитая Ост-Индская компания, ставшая орудием английской колониальной экспансии в Индии. Она «оказалась самой долговременной и крупной купеческой компанией нового времени» (С. П. Маркова). Ост-Индская компания была настолько богата, что нередко брала на себя уплату коронных долгов (В. В. Штокмар).

Особую роль во внутренней и особенно внешней торговле приобретает в XVI веке Лондон, в котором к концу века проживало уже 200 тыс. человек. Ход экономического развития Англии вел к росту Лондона, к росту значения лондонских или имеющих центром столицу компаний (В. В. Штокмар). В Лондоне организуется биржа, постоянно расширяется порт и столица королевства превращается в крупнейший финансовый центр, а также в центр международной торговли.

Потребность в рынках сбыта для английской капиталистической промышленности, стремление захватить морские пути и найти выход к богатствам испанских колоний побуждают английских новых дворян, купцов и предпринимателей бороться с Испанией – господствующей колониальной державой того времени. Проявлением этой борьбы стало пиратство, получившее необычайное развитие с 50-х годов XVI века. Пираты орудовали в Ла-Манше, у английских берегов, а также на просторах Атлантики.

Жертвами пиратов становились не только испанские корабли, но и колонии испанцев (в частности Канарские острова). В 60-е годы XVI века своими нападениями на испанские гавани мексиканского побережья особо прославился Джон Хоукинс. В 70-е годы на «пиратском небосклоне» взойшла звезда Фрэнсиса Дрейка, пользовавшегося покровительством самой королевы Елизаветы I, которая, как и многие придворные, негласно принимала финансовое участие в подготовке его пиратских экспедиций.

В 1572 году Дрейк совершил нападение на Номбр де Диос, одну из испанских гаваней на Панамском перешейке, а затем ограбил корабли купцов, груженных золотом и серебром, в результате чего было захвачено 100 тыс. испанских золотых песет.

По справедливому замечанию С. П. Марковой «Дрейк был настоящим профессионалом-пиратом. Он нападал на испанские суда шедшие из Ост-Индии, грабил испанские колонии» (С. П. Маркова).

В 1578–1580 гг. Дрейк проник в Тихий океан через Магелланов пролив и, ограбив Чили и Перу, захватил огромную добычу. По существу, он совершил второе кругосветное путешествие. «Два года десять месяцев и несколько дней, – писал один из участников экспедиции Дрейка, – мы провели в нашем кругосветном путешествии, любуясь чудесами божьего мира». По мнению экспертов, из своего похода Дрейк привез сокровищ примерно на пол миллиона фунтов стерлингов в ценах второй половины XVI в. Только серебряные слитки, привезенные Дрейком, весили 32 488 фунтов, или 14,6 тонны серебра (В. К. Губарев).

Следующие экспедиции Дрейка в 1585 и 1587 гг. были менее прибыльны, но королева все равно не оказалась в убытке. Пиратство достигло такого размаха, что «Испания должна была отправлять свое серебро и золото в Европу только в сопровождении военных кораблей» (В. В. Штокмар). В 80-е годы (война между Испанией и Англией началась в 1585 г.) регулярные военные действия перемежались с пиратскими экспедициями англичан. Чаще всего английские пираты орудовали у берегов Вест-Индии, подстерегая испанские галеоны, которые везли богатства Нового Света в метрополию. Так, например, экспедиция Джона Берроуза в 1592 г. захватила пряностей на сумму в 800 тыс. фунтов стерлингов.

Английские каперы нападали на испанские гавани; особенно большая экспедиция, в результате которой испанцам был нанесен огромный ущерб, была организована против Кадиса в 1587 г.

В 80-90 годы XVI в. вопрос о захвате колоний еще не стоял со всей остротой перед англичанами. Английские купцы предпочитали вести торговлю, вкладывать деньги в организацию пиратских экспедиций, заниматься работоторговлей, так как это давало верную и быструю прибыль.

Основание же колоний было делом достаточно трудным и

сложным. Однако, первые попытки основать колонии все же были предприняты англичанами еще в XVI веке. В частности, Уолтер Рэли в 1585 и 1587 гг. дважды попытался организовать колонию в Виргинии. Однако, тогда «колонисты не смогли приспособиться к местным условиям» (*В. В. Штокмар*).

В целом, можно сказать, что XVI в. для Англии это – эпоха первоначального накопления капитала. Этот процесс затронул, прежде всего, английское крестьянство, которое в результате огораживаний в заметной степени, лишается земли и формирует резервную армию наемного труда. Появляются ростки капиталистической промышленности, в виде мануфактур. Как, в свое время, отметил А. Л. Мортон: «В результате, в конце XVI в. в Англии начался процесс, который можно назвать малой промышленной революцией» (*А. Л. Мортон*). По его мнению эта революция охватила период с 1540 по 1640 годы. Для английской торговли и мореплавания XVI в. – это время, когда английские купцы стремятся к тому, чтобы самим вести торговлю на внутреннем и внешнем рынках. Важным приоритетом для английских купцов становится захват самих источников колониальных богатств, колониальных рынков для сбыта мануфактурной продукции Англии и основание английских колоний.

2. Английский абсолютизм в эпоху Тюдоров

Перемены, происходившие в XVI в. в социально-экономической сфере сопровождались и переменами в политической сфере. На смену сословно-представительной монархии приходит абсолютная монархия. «Генезис и расцвет абсолютизма в стране приходится на эпоху Тюдоров...» (*С. П. Маркова*).

В основе перехода к абсолютизму было несколько главных причин:

Во-первых, стремление дворянства (как нового, так и старого), а также буржуазии к укреплению королевской власти, чтобы она смогла справиться с растущим недовольством народных масс.

Во-вторых, то, что только сильная королевская власть

могла обеспечить дальнейшую централизацию страны, ликвидировать возможность рецидивов феодальной анархии и прекратить затянувшиеся баронские войны.

В-третьих, то, что лишь эффективное королевское правительство могло упрочить положение Англии в Европе, способствовать захвату важнейших морских путей и иноземных рынков, обеспечить интересы английской внешней торговли (*В. В. Штокмар*).

Тенденции к установлению сильной королевской власти начали проявляться еще в XV в., в правление короля Эдуарда IV. «Однако подлинным основателем абсолютной монархии в Англии являлся... Генрих VII Тюдор». (*В. В. Штокмар*). «Ему достался в наследство нелегкий груз проблем, накопившихся за предыдущие тридцать лет, и некоторое время его положение на престоле оставалось весьма неустойчивым» (*К. Дэниел*).

Дело в том, что во время Войны роз произошло значительное ослабление королевской власти, многие регионы и города приобрели широкие вольности, из-под королевского контроля вышла английская церковь и, наконец, у Генриха VII были довольно сомнительные права на английский престол.

Все это, вместе взятое, побудило Генриха VII «все силы короны бросить на укрепление королевской власти» (*С. П. Маркова*). «Генрих VII (1485–1509 гг.)... начинает проводить типично абсолютистскую политику» (*В. В. Штокмар*).

Прежде всего Генрих VII распустил ливрейные феодальные дружины, приказал разрушить замки мятежной знати, лишил баронов права держать артиллерию, которая могла находиться только в руках короля. «Это явилось важной социальной реформой...» (*Д. М. Тревельян*).

Был принят закон о государственной измене (в 1488 г.) по которому осудили 8 тыс. человек, при этом конфисковав их земли в пользу казны.

За почти четверть века, что длилось правление Генриха VII крупное феодальное баронство несколько раз устраивало мятежи с целью свергнуть его с престола.

Так, в 1487 г. в Дублине появился 11-летний Ламберт Симнель, сын пекаря, которого ирландские йоркисты выдали за бегжавшего сына герцога Кларенса. Бароны, короновав самозванца, высадились со своим войском в Англии, но были разбиты Генрихом уже в июне 1487 г. Взяв в плен самозванца, король даже не казнил его, а сделал поварёнком на королевской кухне. Для того, чтобы успокоить йоркистов, Генрих VII короновал свою жену Елизавету, наследницу дома Йорков, королевской короной, а в королевском гербе были объединены красная роза Ланкастеров и белая роза Йорков. Таким образом появилась «Тюдоровская роза» с красно-белыми лепестками, как символ примирения Ланкастеров и Йорков (*К.Дэниел*).

Второе восстание против Генриха VII началось в 1497 г. в Корнуолле. На этот раз во главе него стоял некий Перкин Варбек. Помимо баронов в восстании участвовали крестьяне, протестовавшие против высоких налогов. Варбек выдавал себя за герцога Ричарда Йоркского – младшего сына Эдуарда IV. Восстание было разгромлено, а Варбек взят в плен и повешен.

Таким образом, очевидно, что практически всю первую половину своего царствования Генрих VII посвятил борьбе за укрепление своей власти. При этом мятежные бароны (многие из которых были сторонниками Йорков) представляли для него, несомненно, главную угрозу. В свою очередь, успешность борьбы основателя династии Тюдоров против своих противников из феодальной оппозиции, во многом объяснялась той поддержкой, которую ему оказывали новые дворяне и буржуазия. (*В. В. Штокмар*).

А. Моруа отмечал, что Генриху VII в конце концов удалось обрести стабильность, подчеркнув, что при этом «новый король вовсе не был воином» (*А. Моруа*).

«Об этом грустном, серьезном и задумчивом человеке,- пишет он,- сложилось две легенды. Первая,... представляла короля отстраненным и таинственным созданием... монархом. Вторая... будет описывать короля алчным и недоверчивым, таким английским Людовиком XI, который накопил, обобрав дворян-

ство, огромные богатства» (*А. Моруа*). В некотором роде солидаризируясь с Моруа в оценке личности Генриха VII, отечественная исследовательница С. П. Маркова пишет о том, что первый Тюдор «был очень экономным, расчетливым, даже скардным человеком» (*С. П. Маркова*). Эта характеристика, впрочем, повторяет лишь то, о чем писал еще Ф. Бэкон, отмечавший «крайнюю алчность» Генриха VII (*Ф. Бэкон*).

Как и все Тюдоры, Генрих VII был личностью противоречивой. С одной стороны, отмеченная современниками и практически всеми историками, страсть к стяжательству, действительно была одной из самых узнаваемых черт этого короля. С другой стороны, именно при нем «роскошь двора, красота драгоценностей, фиолетовых бархатных нарядов, отороченных золотым атласом, поражали миланских и испанских послов» (*А. Моруа*). Впрочем, противоречие тут кажущееся, ибо «Генрих понимал, что величие требует пышности и роскоши» (*С. Дженкинс*). Король, «чтобы произвести впечатление на подданных, носил роскошные одеяния, ...украшения, дорогие воротники...» (*У. Черчилль*). Однако, роскошь, о которой идет речь, проявлялась не только в пышных одеждах короля и тюдоровской знати, но и в многочисленных помпезных зданиях эпохи Генриха VII. Так, в его правление на берегу Темзы был возведен Ричмондский дворец во фламандском стиле с башнями, шпицами и эркерными галереями, с которых открывался великолепный вид на реку. Сам Генрих говорил о дворце так: «Это рай земной в нашем королевстве...» (*Ч. Филлипс*). В конце 1490-х гг. в Лонг-Мелфорде, графство Суффолк была построена «Шерстяная церковь» Святой Троицы, поражающая роскошью стеклянных витражей и скульптурных украшений. И, наконец, была сооружена Капелла Генриха VII в Вестминстерском аббатстве, ставшая впоследствии усыпальницей первого Тюдора, которая «получила великолепный свод, такой тип веерного перекрытия уникален в Англии» (*С. Дженкинс*).

Как уже отмечалось выше, одним из главных векторов внутренней политики Генриха VII было его стремление ограничить права и привилегии феодальной знати, хотя, при этом в

его царствование «смертные приговоры были довольно редки». «Он проливал больше золота, чем крови, но заставлял уважать законы.» (А. Моруа).

К числу мероприятий, проведенных с этой целью, безусловно, можно отнести ранее упомянутый билль о государственной измене (1488 г.), запрет баронам держать артиллерию и закон «о запрещении феодальных свит, одетых в ливрею своего господина» (В. В. Штокмар), которые, по-сути, были настоящими феодальными дружинами. Показательной, в этом смысле была следующая история. Однажды посетив графа Оксфордского король «был встречен множеством ливрейных лакеев, хотя новый закон запрещал знати держать такие полчища слуг, которые легко превращались в солдат. Уходя, Генрих VII сказал своему гостеприимцу: «Милорд, благодарю вас за отличное угощение, но я не потерплю, чтобы в моем присутствии нарушались мои же законы. Теперь с вами побеседует мой судебный обвинитель». Граф Оксфордский был рад отделаться штрафом в 10 тыс. фунтов» (А. Моруа).

Очень большое значение Генрих VII придавал решению финансовых вопросов. Он «использовал самые разнообразные средства для получения денег и укрепления королевских финансов», к этим средствам относились конфискации земель мятежников, а также всевозможные штрафы, взимаемые с феодальной знати (В. В. Штокмар). По словам С. Дженкинса, основатель династии «буквально доил страну, выжимая деньги» (С. Дженкинс). Короля всячески в этом поощрял архиепископ Кентерберийский Мортон, придумавший «прием, получивший название «вил Мортон»: от людей, живших прилично, он требовал взносов в казну на том основании, что их богатство несомненно, а от живших скромно - под тем предлогом, что бережливость их обогатила» (Дж. Р. Грин). «В результате такой политики после смерти Генриха VII в казне осталось около 2 млн. фунтов стерлингов («деньги огромные» (Ф. Бэкон)), что равнялось государственным доходам за 15 лет» (В. В. Штокмар). По мнению А. Моруа, с которым нельзя не согласиться, «первый из

Тюдоров любил деньги», ибо после падения феодального общества они стали новым знаком силы. «В XVI в. бедный король был слабым королем, покорным своему дворянству и парламенту. Генрих VII и его дети не зависели ни от того, ни от другого» (А. Моруа).

Определенную роль в деле осуществления дальнейшей централизации правительства сыграло учреждение в 1488 г. королевского суда, по сути, высшего административно-судебного трибунала, получившего название «Звездная палата», «из-за украшенного...звездами потолка помещения в Вестминстерском дворце, где происходили заседания. В состав Звездной палаты обычно входили от двадцати до тридцати членов. Они рассматривали дела, касающиеся высшей знати, а также те вопросы, в которых не смогли разобраться местные суды» (К. Дэниел). Фактически, Звездная палата представляла собой «высший королевский суд по делам о мятежах и политической измене. К этому суду по биллю об измене могли привлекаться даже самые высокопоставленные лица, признававшие только суд пэров» (В. В. Штокмар). «Этот суд,— писал Ф. Бэкон, — есть одно из мудрейших и благороднейших учреждений этой страны» (Ф. Бэкон). В период правления Генриха VII укрепление королевской администрации проявилось также в возобновлении деятельности специальных советов по делам Севера (Совет Севера) и по делам Уэльса (Совет марки Уэльса), «которые способствовали усилению королевского влияния в районах, до того слабо подчинявшихся центральному правительству» (В. В. Штокмар). При этом, следует отметить, что «Уэльс был освобожден от дискриминационных ограничений Плантагенетов» (С. Дженкинс). Возможно, это была определенная «плата» со стороны Генриха VII уэльсцам, поддержавшим его, в борьбе за власть в 1485 году.

Хотя Генриху VII в начале царствования пришлось доказывать свои права на престол, основываясь «на признании парламента», который постановил «что корона должна принадлежать царственной особе их государя, короля Генриха VII, и от него переходит к его законным наследникам» (Дж. Р. Грин), в

дальнейшем он «стремился все реже и реже прибегать к его помощи» (В. В. Штокмар). В этом плане, показательно, что за последние 13 лет его правления парламент созывался только два раза (Дж. Р. Грин), а за все время его царствования – семь (А. Моруа). Вместе с тем, как справедливо отмечает У. Черчилль: «При Тюдорах парламент стал важным учреждением, деятельность которого основывалась на согласии между монархом, лордами и общинами» (У. Черчилль).

На местном уровне – для поддержания порядка в городах и округах – Генрих использовал институт мировых судей. Постепенно эти суды расширили свои первоначальные функции и к концу столетия большинство дел решали уже самостоятельно. «Английские королевские мировые судьи принимали участие во всех областях управления, они были ... «слугами на все руки». Они не только проводили государственную и церковную политику, но и занимались разрешением мелких судебных дел и выполняли все обычные функции местного управления, включая введение нового закона о бедных, статута о ремесленниках и регулирование заработной платы и цен» (Д. М. Тревельян). «Таким образом, через централизацию правления и усиление законности король добился укрепления государства» (К. Дэниел).

Говоря о государственной деятельности Генриха VII нельзя не сказать о его отношении к флоту и мореплаванию вообще. По словам А. Моруа король предвидел, «что будущее его народа – на воде». Он насколько мог, поощрял мореплавание. На свои собственные средства построил большие корабли Marie-Fortune и Sweepstake, и сдал их в аренду купцам. ...Генрих VII был одним из первых, кто расположил пушки на борту своих кораблей; он создал арсенал в Портсмуте, финансировал такие предприятия, как экспедиции Джона Кабота, который в 1497–1498 гг. в поисках восточных пряностей обнаружил треску у острова Ньюфаундленд» (А. Моруа). Как отмечала В. В. Штокмар, «король не жалел денег на развитие судоходства и выдавал субсидии на строительство новых кораблей (5 шиллингов на каждую тонну водоизмещения)» (В. В. Штокмар). Королевский флот, к концу правления Генриха VII, по словам С. П. Марковой, насчитывал

40–50 кораблей (*С. П. Маркова*). Впрочем, по подсчетам современного российского исследователя С. Н. Гаврилова, флот при Генрихе VII еще только начал формироваться и не превышал пяти кораблей (*С. Н. Гаврилов*).

Проводя все эти многочисленные мероприятия, Генрих VII «правил только при помощи своего совета, но этот совет, – замечает Моруа, – не был... представительным собранием магнатов и прелатов. Новые советники были обученными в университетах сыновьями буржуа. Многие семьи, которые будут потом веками участвовать в управлении Англией – Кавендиши, Сесилы, Сеймуры, Расселы – сделали свои первые шаги в канцеляриях Тюдоров. Теперь уже не воин основывает знатный род, но высокопоставленный чиновник» (*А. Моруа*).

Стремление короля держать знатных людей в удалении от себя и опираться, в основном, на разночинцев, отметил, в свое время, еще Ф. Бэкон: «Знать он (Генрих VII) держал в кулаке и предпочитал выдвигать на государственные должности церковников и юристов...» (*Ф. Бэкон*).

Внешнюю политику Генриха VII вполне справедливо можно назвать осторожной (*С. Дженкинс*). Как подчеркнула, в свое время, В. В. Штокмар, «В области внешней политики английское правительство всеми силами старалось избегать участия в войне и старательно проводило политику «равновесия сил» между Францией и Испанией» (*В. В. Штокмар*). Генрих VII активно использовал «брачную дипломатию» для укрепления международного положения Англии: его дочь Мария вышла замуж за французского короля Людовика XII, а другая дочь Маргарита – за короля Шотландии Якова IV, «причем последний брак послужил основой для заключения договора с невероятным названием «Договор о вечном мире». Однако, подлинным «дипломатическим триумфом (Генриха VII) стал брак его 15-летнего сына Артура с Екатериной Арагонской – чтобы договориться об этом браке понадобилось целых десять лет» (*С. Дженкинс*). «Свадьба состоялась в 1501 г., а через пять месяцев, в 1502 г., Артур внезапно скончался. Причиной смерти, скорее всего, был туберкулез» (*К. Дэниел*). Как пишет Ф. Бэкон: «Ввиду

того, что он умер столь молодым, а также по причине воспитательных приемов его отца, который не любил окружать детей известностью, о нем не осталось сколько-нибудь заметной памяти. Известно лишь, что он был не по летам усерден и сведущ в науках и не по примеру большинства государей, равнодушен к внешнему величию» (*Ф. Бэкон*).

Стремясь не упустить «из рук богатого приданного, которое давалось за Екатериной, король решил заменить одного сына другим. Он стал хлопотать о том, чтобы женить на Екатерине младшего брата погибшего Артура – принца Генриха» (*К. Дэниел*), которому в ту пору было всего десять лет. Этот «повторный» брак был, правда, заключен уже после смерти первого Тюдора.

Оставив своему наследнику «Англию, объединенной в мире с Францией и Шотландией» (*С. Дженкинс*), Генрих VII умер 21 апреля 1509 г., как и его первенец от туберкулеза. «Духовник леди Маргарет Бофорт Джон Фишер, произнося прощальную речь у гроба Генриха VII в 1509 году, вспоминал о многом: королю легко давались языки, он прекрасно говорил по-французски, а в минуты опасности становился холоден и собран. Священник не забыл о мудрости, остроте и живости ума первого монарха из Тюдоров, его крепкой памяти, энергичности характера» (*Р. А. Гриффитс, Р. С. Томас*).

По словам У. Черчилля, Генрих VII, был настоящим «архитектором» Тюдоровской монархии. «При нем Англия начала свое движение к превращению в великую европейскую державу» (*У. Черчилль*). «Именно этот худощавый человек, – пишет о Генрихе VII историк Мортон, – а не его любящие показной блеск преемники, основал на прочном фундаменте монархию Тюдоров и поставил Англию в ряд с централизованными национальными государствами Европы» (*А. Л. Мортон*).

Почти сорокалетняя эпоха правления Генриха VIII (1509–1547) занимает особое место в истории Англии. По мнению К. Дэниела, она стала «ключевой в английской истории» (*К. Дэниел*). Несомненно, что на ход и темп совершавшихся в стране перемен заметный отпечаток наложила яркая личность

второго Тюдора на английском престоле, которого один современный британский исследователь верно, хотя и несколько вычурно назвал «Гераклом английской истории» (*С. Дженкинс*).

Известный российский либеральный историк Н. И. Кареев называл Генриха VIII «человеком деспотических капризов» (*Н. И. Кареев*) и это определение, надо сказать, очень сильно перекликается с характеристикой, данной королю У. Черчиллем: «Этот чудовищный человек был кошмаром для своих советников» (*У. Черчилль*).

Довольно часто, характеризуя Генриха VIII, его именуют «ренессансным государем» (*С. П. Маркова*). Насколько это справедливо? Если исходить из определения А. Моруа, что «государь эпохи Возрождения распутен, образован, великолепен и часто жесток», то, безусловно, да. «Генрих VIII – напишет Моруа, – обладал всеми этими качествами, но на английский лад, то есть его распутство оставалось в рамках брака, образованность ограничивалась скорее теологией и спортом, великолепие не нарушало требований хорошего вкуса, а жестокость была легально оправдана» (*А. Моруа*). «Восшествие на престол Генриха VIII в 1509 году подданные приветствовали праздниками, танцами и всеобщим ликованием» (*Оксфордская история Британии*). Генриху в ту пору едва исполнилось восемнадцать лет. «Это был красивый атлет, весьма довольный собой, ... превосходный лучник, чемпион по теннису, искусный наездник, загонявший 10 лошадей за день охоты. У него был вкус к литературе богословской и романтической; он сочинял стихи, перелагал на музыку свои собственные гимны и «божественно» играл на лютне» Эразм (Роттердамский), знавший Генриха еще ребенком, был поражен его рано созревшим умом» (*А. Моруа*). А вот как описал Генриха в 1515 году венецианский дипломат по имени Паскуалито: «Один из самых привлекательных монархов, которого я когда-либо видел; выше среднего роста с короткими золотисто-каштановыми волосами... его округлое лицо настолько прекрасно, что, скорее бы подошло хорошенькой женщине, шея – длинная и крепкая... Он великолепно владеет

английским, французским, и латынью, немного говорит по-итальянски. Недурственно играет на лютне и на арфе, поет с листа и при этом натягивает тетиву с большей силой, чем кто-либо другой в Англии, и замечательно бьется на поединках» (*К. Дэниел*). Куда менее комплиментарно отозвался о Генрихе VIII французский дипломат Шарль де Марийяк. В своем донесении герцогу де Монморанси (в 1540 г.) дипломат отмечал «три главные порока английского монарха». «Первый – это его алчность, которая такова, что все сокровища мира не в состоянии ее удовлетворить. Второй – подозрительность и страх, которые таковы, что он не отваживается доверять ни одному человеку, третий – легкомыслие и непостоянство» (*Э. Ивз*).

Личность короля Генриха VIII замечательна тем, что в ней совмещался традиционный средневековый тиран и просвещенный монарх эпохи Возрождения (*С. Дженкинс*). «Характер Генриха VIII, безусловно, и восхищающий и пугающий, а временами нездоровый. Его эгоизм, уверенность в собственной правоте и подозрительность были результатом фатального сочетания относительно способного, но определенно посредственного интеллекта и того, что выглядит подозрительно похожим на комплекс неполноценности» (*Оксфордская история Британии*). «Видевшим его часто казалось, – пишет Черчилль, – что в короле словно уживаются две личности: с одной стороны, он был веселым монархом, увлеченным охотой, пирами и праздниками, другом детей, покровителем спорта; с другой – холодным, внимательным наблюдателем, зорко следившим за присутствующими в королевском Совете, взвешивающим аргументы спорящих, не склонным – за исключением крайней важности – высказывать свое мнение» (*У. Черчилль*). В общем, можно констатировать, что «Генрих VIII был натурой сложной, противоречивой, многоликой» (*С. П. Маркова*).

Двумя первыми событиями правления Генриха VIII были, во-первых, его женитьба на вдове покойного брата Екатерине Арагонской, «которая была на пять лет старше юного супруга» (*С. Дженкинс*). Эта свадьба состоялась всего лишь шесть недель

спустя после смерти короля Генриха VII, во-вторых, казнь ненавистных многим приближенных покойного короля – Р. Эмисона и Э. Дадли, «которых бросили на растерзание волкам, чтобы завоевать популярность» (*Оксфордская история Британии*).

В начале своего правления «Генрих мало интересовался политикой» (*С. Дженкинс*). По справедливому замечанию Джона Ричарда Грина, «В первые годы его царствования всю его энергию, казалось, поглощали турниры и пиры...» (*Дж. Р. Грин*). «...Генрих лично совсем не правил, оставив всю власть министру, которого сам себе назначил, «Томасу Уолси, сыну богатого мясника из Ипсвича, которого папа по просьбе короля сделал кардиналом». Главными чертами «этого малого из Ипсвича» были властолюбие и тщеславие. «Ego et rex meus» («Я и мой король») – писал он часто иностранным монархам... «Его дом был достоин короля; в нем было более 400 слуг, 16 капелланов, свои собственные певчие. ...папа Лев X сделал его не только кардиналом, но и папским легатом в Англии, Уолси объединил в своих руках всю гражданскую и церковную власть» (*А. Морюа*). Последнее особенно важно, так как в деятельности Уолси «проявилась вся колоссальная спесь и могущество средневековой церкви» (*Д. М. Тревельян*). По словам Э. Ивза, Уолси отличали «беспредельная энергия и несомненные способности» (*Э. Ивз*).

Будучи сам вначале всего лишь скромным королевским капелланом, этот «гордый и способный прелат» (*Оксфордская история Британии*), уже в 1515 г. стал лордом-канцлером и фактическим правителем Англии (в 1515–1529 годах). Тюдоровский историк Полидор Вергилий писал, что «Уолси вел все дела по собственному разумению, поскольку король ценил его превыше всех остальных советников». ...В свою очередь, «венецианский посол писал в 1519 году об этом человеке: «Он правит королем и королевством» (*К. Дэниел*). В немалой степени влияние Уолси было связано с тем, что он умело манипулировал королем. Упомянутый выше Полидор Вергилий, писал в своих путевых заметках: «Всякий раз, когда Уолси желал что-либо получить от Генриха, он вскользь затрагивал эту тему в разговоре, затем являлся с презентом, будь то римское блюдо или перстень

с драгоценным камнем, и пока король созерцал скромный дар, со всем красноречием и в мельчайших деталях, описывал монарху занимавший его план» (*История Англии. Подробный справочник по истории*).

Для внешней политики Англии со вступлением Генриха VIII на престол «традиционными становятся поддержка Испании и участие в военных действиях против Франции. ...Проводником испанской политики в Англии в ту пору был кардинал Уолси» (*В. В. Штокмар*).

Одним из первых эпизодов антифранцузской войны была экспедиция 1512 г., когда Генрих «...вспомнил о давних претензиях на французские земли, и под надуманным предлогом английские войска под командованием маркиза Дорсета переправились через Ла-Манш» (*С. Дженкинс*). Однако эта экспедиция окончилась неудачей.

«Спустя год, собрав армию из немецких наемников, Генрих лично отправился во Францию (разбил французов в так называемой «Битве шпор» (15 августа 1513 года), захватил Турне и согласился уйти из города, только если французы будут регулярно платить ему выкуп» (*С. Дженкинс*).

В 1512 г. Шотландия возобновила франко-шотландский союз (*Дж. Блэк*); затем, «шотландцы воспользовались возможностью нарушить договор о «бессрочном мире» с Англией ... и предприняли набег на графство Нортумберленд. В 1513 г. английские войска успешно его отбили» (*С. Дженкинс*). В этом же году шотландский король Яков IV, «с самой большой армией, которая когда-либо до сих пор вторгалась в английские земли с севера и насчитывала 26.000 человек» (*Дж. Блэк*), вступил в Англию. Англичане смогли противопоставить противнику 20-тысячное войско под командованием графа Серрея. 9 сентября 1513 г. шотландцы были наголову разбиты при Флондене. «В бою погиб свояк Генриха VIII, король Шотландии Яков IV, его сын и 10.000 шотландских солдат» (*С. Дженкинс*).

Оценивая эти первые внешнеполитические акции Генриха VIII, Джереми Блэк пишет, что начало своего царствования вто-

рой Тюдор «посвятил активной деятельности на международной арене, впрочем, скорее преследуя цель возвышения своей династии и личного престижа, чем выражая национальные интересы» (*Дж. Блэк*).

Поскольку основная борьба в Европе велась между Францией и Священной Римской империей, перед Генрихом VIII остро встал вопрос, на чьей стороне должна выступать Англия. В рамках решения этой проблемы, король в 1520 году встретился с главными соперниками в этой борьбе – германским императором Карлом V (кстати, приходившимся племянником его жене Екатерине Арагонской) и королем Франции Франциском I. Самой знаменитой из этих встреч, безусловно, была встреча и трехнедельные переговоры между Генрихом VIII и Франциском I в местечке Гине, близ Кале в июне 1520 г. «Эта встреча, своего рода безрассудный каприз возгордившегося правителя, получила название «Поле золотой парчи» (*С. Дженкинс*). Таким названием встреча обязана тому, какая «расточительная роскошь обоих монархов» (*Дж. Р. Грин*) была проявлена при этом. «В «Златопарчовом лагере», – пишет по этому поводу А. Моруа, – короли Франции и Англии устроили такую демонстрацию пышности, с которой уже ничто и никогда не могло сравниться» (*А. Моруа*). На месте свидания двух монархов были возведены помпезные павильоны в стиле Возрождения, а в громадную свиту короля Генриха VIII из шести тысяч человек кроме придворных, воинов и слуг, входили также многочисленные шуты и музыканты. Начавшиеся в Гине переговоры перемежались пирами, турнирами, спортивными соревнованиями. «Это был, – как выразился У. Черчилль, – последний парад средневекового рыцарства» (*У. Черчилль*). Любопытно, что именно в Гине, по «собственному распоряжению короля, к нему, первому из английских монархов, стали обращаться Your Majesty («ваше Величество») вместо Your Grace («ваша Милость»)» (*С. Дженкинс*).

Во время встречи в Гине произошел по-своему замечательный эпизод. «Когда Вулси (Уолси) в приветственной речи, перечисляя титулы английского короля, дошел до слов «Генрих, ко-

роль Англии и Франции» (претензия совершенно не соответствовала реальности, но зато показывала амбиции английского монарха), тот, смеясь, воскликнул: «убрать этот титул!» (Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивонина).

Стремясь превзойти Франциска I во всем, «Генрих неожиданно вызвал его на борцовский поединок. Французский монарх молниеносно провел захват и бросил противника на землю. Побелевший от ярости Генрих не упал – его поддержали. Хотя церемонии продолжались, он уже не мог простить Франциску личного унижения и продолжал искать других союзников» (У. Черчилль).

Через месяц после окончания встречи с королем Франции, Генрих заключил союз с императором Карлом V. Таким образом, практически всю первую половину 20-х годов XVI в. Англия поддерживала Карла V. Ситуация изменилась, когда после победы над Франциском I при Павии (24 февраля 1525 г.), «император, властитель Испании, Италии, Германии и Нидерландов, стал хозяином Европы» (А. Моруа). Это абсолютно не соответствовало интересам Англии, поэтому «Генрих VIII начал тяготеть к союзу с Францией» (В. В. Штокмар).

В те почти 15 лет, когда Уолси был лордом-канцлером (1515–1529), всю внутреннюю политику королевства определял этот «умный и сребролюбивый» (Дж. Блэк) человек. Внутренняя политика Т. Уолси была направлена на дальнейшее усиление власти абсолютистского монарха, «что нашло свое выражение в некоторой реорганизации внутреннего управления» (В. В. Штокмар). Возрастает значение королевского Тайного совета, члены которого (как правило, не более 10-ти) назначались королем не из представителей феодальной знати, а преимущественно из чиновников. «Как и отец, – замечает по этому поводу С. Дженкинс, – Генрих подбирал советников не по знатности происхождения, а по личным качествам. Он обращался за советом не к родовитым баронам, а к более молодым и талантливым представителям церкви и правоведам...» (С. Дженкинс). Следует отметить, что состав совета был постоянным. «При совете имелся

ряд комитетов, которые фактически и осуществляли управление государством» (*В. В. Штокмар*). Тайный совет фактически превращается в «правлящий орган тюдоровской Англии» (*Д. М. Тревельян*).

Тогда же возрастает авторитет и результативность деятельности, созданной в предшествующее царствование Звездной палаты. Этот, по сути, высший королевский суд, «использовал в своей деятельности новые и простые методы, заимствованные из системы римского права. ...Правосудие вершилось быстро, штрафы были высокими, и не нашлось бы в Англии столь могущественного человека, который мог позволить себе пренебречь Звездной палатой» (*У. Черчилль*).

Хотя парламенты Генриха VIII практически беспрепятственно подчинялись его воле, король, как и его предшественник на троне, старался созывать их как можно реже. В этом его полностью поддерживал кардинал Уолси. «За те двенадцать лет, – пишет Черчилль, – которые он (Уолси) находился на посту лорда-канцлера, парламент созывался только один раз. Две сессии продолжались в общей сложности не более чем три месяца» (*У. Черчилль*).

«Тем не менее конституционные парламентские формы должным образом соблюдались, и именно потому, что со стороны парламента Тюдорам нечего было опасаться, теоретически его власть даже возросла. В 1589 г. сэр Томас Смит заявил: «Наивысшая и абсолютная власть в английском королевстве заключена в парламенте... Парламент отменяет старые законы, издает новые, отдает приказы о том, что уже произошло, и о том, что должно произойти, меняет права и собственность отдельных людей, узаконивает незаконнорожденных, устанавливает формы религии... осуждает или оправдывает тех, кого государь привлекает к суду. Одним словом все, что когда-либо могли совершать римляне в комициях по центуриям или трибам, все это может совершаться и в английском парламенте, который представляет все королевство и имеет силу во всем королевстве, как в главе его, так и в членах» (*А. Л. Мортон*).

Во второй половине 20-х годов XVI в. позиции кардинала

Уолси пошатнулись. Это было связано с рядом обстоятельств. Во-первых, внешняя политика Уолси, ориентированная на Испанию (сторонником которой был кардинал), не принесла Англии никаких существенных выгод; во-вторых, резкое усиление налогового гнета (особенно в 1523–1524 гг.) восстанавливало против него общественное мнение, причем, феодальная аристократия была недовольна Уолси потому, что он был ярким сторонником абсолютизма, а народ ненавидел его за неуклонный рост налогов; в-третьих, против Уолси было новое дворянство и буржуазия, так как именно он провел ряд мер против огораживаний (в стремлении снизить социальную напряженность), что повлекло убытки новых дворян и капиталистических фермеров, сгонявших крестьян с земли. Последнее обстоятельство, по мнению В. В. Штокмар «сыграло решающую роль» в падении кардинала (*В. В. Штокмар*). В-четвертых, наконец, то, что Уолси не удалось добиться у папы Климента VII согласия на расторжения брака короля Генриха VIII с его женой Екатериной Арагонской.

Развод короля с его первой женой встал на повестку дня еще в 1527 г. К этому времени Генриху VIII было уже далеко за тридцать, а его супруге перевалило за сорок. В браке королева родила пятерых детей, но все они умерли и единственным здоровым ребенком оказалась девочка, рожденная в 1516 г. и нареченная Марией.

По словам К. Дэниела королева Екатерина «была пылкой и бесстрашной женщиной и верной женой» (*К. Дэниел*). К тому же она была «привлекательная и умна» (*С. Дженкинс*) и достаточно хорошо образована. Однако из-за частых неудачных беременностей и родов королева рано постарела (видевший ее в 1520 г. король Франции назвал ее «старой и уродливой») «и шанс, что она выносит и родит наследника мужского пола, был призрачно мал» (*С. Дженкинс*).

Для стабильности королевства Генриху VIII был необходим наследник, а потому вопрос о разводе с Екатериной, новой женьтибе и рождении долгожданного сына с конца 20-х годов стал одним из самых актуальных. В качестве главного аргумента объявления брака Генриха VIII и Екатерины незаконным, в

1529 г. послужило утверждение, что она была вдовой его старшего брата, а до его смерти супруги, якобы, жили как муж и жена. Екатерина, в свою очередь, категорически это отвергала, отказалась признать брак с Генрихом недействительным и добровольно покинуть двор. Ситуация усугубилась тем, что как раз в это время король открыто увлекся 24-х летней фрейлиной жены Анной Болейн. «Это была, – пишет Черчилль, – живая, остроумная женщина, ...очень изящная и хрупкая, с чудесными черными глазами. Ее пышные черные волосы, свободно распущенные по плечам, были такими длинными, что она могла сидеть на них. «Госпожа Анна, – писал венецианский посланник, – не самая красивая женщина в мире. Она среднего роста, со смуглой кожей, длинной шеей, широким ртом, довольно плоскогрудая». Анна обладала горячим нравом, отличалась прямоотой, откровенностью и любила командовать» (У. Черчилль). Портрет Анны будет неполным, если не упомянуть, что она почти четыре года провела при французском дворе, где «приобрела хорошие манеры, научилась поддерживать беседу, играть на музыкальных инструментах, овладела несколькими иностранными языками, в первую очередь французским» (Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивонина). Таким образом, «секрет» очарования Анны заключался не столько в ее внешности, сколько в уме и образованности. Кроме того, обладая сильной волей, и немалым честолюбием, Анна категорически отказалась быть очередной фавориткой короля, настаивая, чтобы он на ней женился. «При дворе Анну не любили. Уолси называл ее «ночной вороной» (т.е. накликающей беду). Поговаривали, что Анна занимается ворожбой, но никакие слухи не могли охладить пыл влюбленного короля» (К. Дэниел). Справедливости ради, надо сказать, что со временем вокруг Анны «образовалась большая группа придворных, в основном из представителей новой знати, среди которых главную роль играл герцог Суффолк», рассчитывавший при ее помощи низвергнуть Уолси (В. В. Штокмар).

В конце концов, это и произошло осенью 1529 г. Уолси был лишен всех своих постов и обвинен по II статуту «De Praemunire» в том, что «он...будучи англичанином, согласился стать

папским легатом и разбирать в иностранных судах дела, находящиеся в ведении королевского правосудия» (*А. Моруа*). Суд Королевской скамьи, хотя это обвинение и было абсурдным, постановил, что Уолси «лишается королевской защиты, а его имущество конфискуется в пользу короля» (*У. Черчилль*). Низвергнутому министру позволили уехать в Йорк, где находилась его архиепископская кафедра. Но уже через год его вызвали в Лондон, где ему заблаговременно была приготовлена камера в Тауэре.

По пути в столицу кардинал заболел. К ночи 27 ноября 1530 г. он и сопровождавшие его лица достигли Лестерского монастыря, где через два дня Уолси скоропостижно скончался, «успел вовремя умереть», как выразился Мортон (*А. Л. Мортон*), сказав перед смертью: «Если бы я столь же усердно служил Господу, как я служил королю, он не оставил бы меня в старости» (*С. Дженкинс*). Давая оьенку кардиналу, Д. М. Тревельян писал: «Уолси – одна из крупнейших и наиболее характерных фигур из всех «средневековых» деятелей английской истории...» (*Д. М. Тревельян*).

После отставки Уолси, в октябре 1529 г. лордом-канцлером был назначен «Томас Мор, великий гуманист, автор многих, в том числе и богословских, сочинений, направленных против Лютера и английских реформаторов» (*Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивонина*).

Будучи ревностным католиком, Мор довольно быстро уже в 1532 г. покинул свой пост. А в 1535 г., знаменитый автор «Утопии» был обвинен в государственной измене и казнен 6 июля «так как он не пожелал признать верховенство короля в церковных делах...» (*В. В. Штокмар*). Входя на эшафот, Мор «попросил» палача: «Любезный, помоги мне взобраться на верх, обратно я уж как – нибудь сам справлюсь» (*История Англии. Подробный справочник по истории*).

Окончательный разрыв отношений с Римом был закреплен рядом актов, принятых Парламентом реформации, заседавшим с 1529 по 1536 г. (*А. Моруа*). Вначале посредством собственных статутотв и парламентских актов, Генрих VIII «существенно урезал привилегии английского духовенства» (*К. Дэниел*). В 1531 г. ко-

роль «был объявлен «в рамках христианского закона, протектором и верховным главой английской церкви и ее духовенства». Таким образом, власть папы Римского в Англии отменялась» (К. Дэниел). Как не без ехидства заметил Лютер: «Генрих хочет стать Богом и делать все, что пожелает» (С. П. Маркова). «Закон об аннатах» 1532 г. положил конец ежегодным выплатам папе. «Акт об ограничении апелляций [к Риму]» 1533 г. фактически декларировал отрицание папской юрисдикции над англиканской церковью. Преамбула к этому Акту, в частности, гласила: «Английская держава – это империя, и как таковая признана во всем мире, и управляется единой главой и королем, имеющим достоинство и положение императорской короны»...Объявив Англию империей, король выводил ее из-под юрисдикции любой другой стороны» (Дж. Блэк). Согласно этому же акту «право окончательного решения теологических споров принадлежало не папе, а архиепископу Кентерберийскому» (К. Дэниел).

Наконец, в 1534 г. был принят «Акт о супрематии» – «великий статут» (Дж. Р. Грин) в котором король «признавался единственным верховным земным главой церкви Англии и не подчинялся никому, кроме Господа». Так законодательно закрепились образование церкви Англии, «в которой вся мирская и доктринальная власть была сосредоточена в руках монарха» (С. Дженкинс). Церковь Англии полностью освободилась от подчинения Риму, причем папа отныне именовался просто «римским епископом», а Англиканская церковь обрела независимость (К. Дэниел).

Реформация, происходившая в Англии в 1529–1536 гг. «отнюдь не представляла собой народного движения» (В. В. Штокмар), а потому, совершенно справедливо именуется королевской. «Главный вопрос королевской реформации заключался прежде всего в решении того, что принадлежало Богу, а что принадлежало кесарю, т.е. английскому королю» (Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивонина); при этом, финансовые соображения, как одна из главных причин разрыва с Римом, безусловно, относились к наиважнейшим (В. В. Штокмар). «Закрытие монастырей и захват монастырских земель, явившихся неизбежным следствием

разрыва с Римом, были нужны и выгодны в первую очередь королю, новой знати и новым дворянам» (В. В. Штокмар).

Характеризуя причины реформации в Англии, С. П. Маркова тоже выделяет экономические причины, отметив, что «за счет церковных земель и имуществ монархия надеялась пополнить казну, дворянство – поправить свое материальное положение, молодая буржуазия – приобрести дополнительные прибыли» (С. П. Маркова). Вместе с тем, исследовательница отмечает, что у английской реформации кроме экономических были еще политические и идеологические причины. К политическим, относилось стремление Генриха VIII «превратить церковь в часть государственного аппарата, подчинив ее монарху», а к идеологическим – распространение идей гуманизма «с его критикой невежества, роскошного образа жизни клира, богатств церкви» (С. П. Маркова).

В реализации королевской реформации заметную роль сыграл Томас Кранмер бывший последовательным протестантом, но при этом человеком «очень гибким и осторожным» (Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивонина). За свою покладистость и неуклонное исполнение королевской воли в 1533 г. он был «возведен в сан архиепископа Кентерберийского и стал самой влиятельной фигурой английской реформации» (С. Дженкинс).

Другой, еще более яркой и знаковой личностью в это время становится сын кузнеца из лондонского предместья Патни Томас Кромвель. «Маленького роста, плотный, с волевым двойным подбородком, маленькими зелеными глазами, короткой шеей, очень подвижный, он был воплощением власти, энергии и деловой активности, Кромвель отличался хитростью, умел сблизиться именно с теми людьми, в которых нуждался и скрывать свои настроения и мысли» (Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивонина) Кромвель «обладал несомненным талантом к управлению, некоторые историки считали его родоначальником революции в правительственной схеме управления» (К. Дэниел).

С. Дженкинс назвал Кромвеля «блестящим молодым правоведом», хотя на самом деле, это была всего лишь одна из ипо-

стасей этого удивительного человека и «первоклассного политического тактика» (*Э. Ивз*). Попытавшись представить карьеру Кромвеля, Джон Ричард Грин отметил: «Среди всех государственных деятелей Англии нет ни одного, о котором нам хотелось бы знать как можно более, ни одного, о котором мы, в сущности, знали бы так мало, как Томас Кромвель» (*Дж. Р. Грин*). Биография Т. Кромвеля до его возвышения в 1532 г. – набор различных и не слишком связанных друг с другом событий. Мальчиком он поступил слугой к маркизе Дорсет, юношей принимал участие в итальянских войнах, был «разбойником» по его собственному признанию. Затем он служил торговым агентом у одного венецианского купца, конторщиком в Антверпене, его видели богатым купцом в Медлебурге, в Зеландии. Вернувшись в Англию, он стал нотариусом, попутно ссужая деньги обедневшим аристократам. Со временем Кромвель обрел место депутата в Нижней палате, поступив через пять лет на службу к всемогущему кардиналу Уолси в качестве его торгового агента и доверенного лица. Замечательно, что из сотен людей, окружавших Уолси, «один только Кромвель остался верен ему до конца... Наградой за эту редкую преданность павшему покровителю было, по-видимому, общее уважение» (*Дж. Р. Грин*). Спустя короткое время покровителем Кромвеля стал герцог Норфолк и это обстоятельство «широко открыло двери королевского дворца перед молодым честолюбцем» (*Ю. Е. Ивонин, А. И. Ивонина*).

Фактически именно Т. Кромвель с 1532 г. начинает играть «главную роль в управлении государством...» (*В. В. Штокмар*). Генрих VIII презирал Кромвеля; он никогда не звал его иначе как «чесальщиком шерсти» и грубо с ним обращался, однако охотно пользовался его ловкостью, услужливостью и силой. За несколько лет «чесальщик шерсти» стал главой Государственного архива (Master of the Rolls) лордом-хранителем Малой печати (Lord Privy Seal), генеральным викарием церкви, лордом – великим камергером, рыцарем, бароном и графом Эссекским» (*А. Моруа*).

После того, как в 1534 г. король возглавил Англиканскую церковь, она стала частью государственного аппарата, а всё её

имущество – имуществом короля. Начиная с 1535 г. осуществлялась оценка монастырских имуществ так называемыми визитационными комиссиями. В следующем году было закрыто 376 мелких монастырей, а их земли стали коронной собственностью. К 1539 г. перестали существовать все остальные монастыри (всего около 3 тыс.). Земли отнятые у монастырей составили четвертую часть всех обрабатываемых земель королевства.

Затем правительство приступило к продаже секуляризованных земель, которая принесла в казну 1,5 млн. фунтов стерлингов. Большая часть этих земель в итоге досталась придворным, чиновникам, новым дворянам и крупной буржуазии. В результате огромной распродажи монастырских земель появились обширные имения Суффолков, Норфолков, Ратлендов, Кавендишей и др. Новые владельцы монастырских земель повысили ренты в 3–4 раза и активно осуществляли огораживания, сгоняя крестьян с земли.

Вместе с тем, Генрих VIII не собирался проводить последовательную реформуацию, подчеркивая, что считает себя католиком.

Дабы реформационные идеи случайно не проникли в народ, особым постановлением простолюдинам запрещалось читать библию. Читать библию для других могли лишь лорды и джентльмены. Для себя могли читать библию купцы и богатые йомены.

За чтение библии вопреки запрету было назначено наказание – один месяц тюрьмы.

Можно констатировать, что Генрих VIII проводил «реформуацию лишь поверхностно...ради усиления власти короля над церковью...и в чисто финансовых интересах» (*В. В. Штокмар*).

По мнению А. Моруа, впрочем, достаточно спорному: «Английская реформация вовсе не была капризом короля, но религиозной формой островного и языкового национализма» (*А. Моруа*).

В целом, созданная в ходе королевской реформации «Англиканская церковь была ни католической, ни протестанской,

а заняла промежуточное положение между ними» (Л. Е. Кертман). Наряду с решением дел, связанных с религией и церковью, Генрих VIII достаточно активно решал и свои матримониальные проблемы. С помощью архиепископа Т. Кранмера в конце мая 1533 г. король все же добился расторжения брака с Екатериной Арагонской (королева умерла в изгнании в 1536 г.), а уже 1 июня того же года Анна Болейн стала королевой Англии. Осенью 1533 г. у нее родилась дочь – Елизавета Тюдор. Вскоре она вновь забеременела. Однако торжество Анны было недолгим. Вместо ожидаемого наследника, она родила мертвого ребенка – мальчика. «Я вижу, – раздраженно заявил Генрих, – что Бог не хочет, чтобы у меня был сын» (У. Черчилль). Разочаровавшись в Анне, король начал подыскивать себе новую жену.

Его внимание привлекла молоденькая фрейлина супруги Джейн Сеймур, «которая, в общем-то, ничем особенным не выделялась» (Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивонина). Узнав о сопернице, Анна даже устроила королю сцену ревности. Чтобы избавиться от опостылевшей жены Генрих VIII организовал судебный процесс в ходе которого Анна «была обвинена в супружеской измене (в подготовке обвинения заметную роль сыграли агенты Кромвеля), а после того как это обвинение оказалось несостоятельным – в покушении на жизнь короля. По понятиям того времени это было равносильно государственной измене» (Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивонина).

Несмотря на то, что Анна энергично отрицала свою виновность, суд из 26 пэров, под председательством герцога Норфолка (ее родного дяди!) вынес ей смертный приговор. 19 мая 1536 г. Анну Болейн казнили.

Десять дней спустя Генрих VIII женился на «тихой и незлобивой» (Дж. Блэк) Джейн Сеймур. «По свидетельствам современников, свою третью жену...Генрих любил больше всех остальных. К тому же, она родила ему долгожданного сына – будущего короля Эдуарда VI» (К. Дэниел). Однако, на двенадцатый день после родов – 12 октября 1537 г. королева Джейн умерла.

Тем временем, окончательный разрыв с Римом, привел к тому, что папа отлучил Генриха VIII от церкви, а англиканскую

церковь признал еретической. Объявить ему войну, в создавшейся ситуации для католической Европы теперь было делом богоугодным (*С. Дженкинс*). Ища союзников за границей, (а ими могли быть, прежде всего, протестантские князья Германии) король (по рекомендации Кромвеля) решил заключить брак с принцессой Анной Клевской, принадлежавшей к семье герцогов Юлих-Клеве.

Небольшое, расположенное в низовьях Рейна, Юлих-Клевское герцогство особенной ценности (в качестве союзника) не представляло. Однако, оно было важно в стратегическом отношении и, кроме того герцоги Юлиха и Клеве находились в тесном контакте с другими протестантскими князьями так называемого Шмалькальденского союза (созданного еще в декабре 1530 г.), представлявшего собой религиозно-политический альянс ряда протестантских государств, направленный против князей-католиков и императора. В итоге, брак с Анной означал «фактическое политическое сближение Англии с Шмалькальденским союзом» (*Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивонина*).

Хотя брак с Анной носил чисто политический характер, Кромвель попытался заинтересовать в нем короля. Он «клялся, что красота лица и фигуры Анны «превосходит внешность герцогини Миланской, как золотой свет солнца затмевает серебро луны» (*С. Дженкинс*). В подкрепление панегирикам красоте невесты в Лондон был доставлен портрет принцессы, нарисованный известным художником того времени Гансом Гольбейном Младшим. 6 января 1540 г. Анна Клевская прибыла в Лондон. В отличие от портрета она оказалась «перезревшей девицей 24 лет, недостаточно хорошо воспитанной,...с крупными некрасивыми чертами лица» (*Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивонина*). Описывая ее внешность, *С. Дженкинс* называет ее «высокой, тощей и длинноногой женщиной...с оспинами на лице» (*С. Дженкинс*). Вид невесты ужаснул Генриха VIII, назвавшего Анну «фламандской кобылой».

«Женитьба обернулась фарсом, быстро и безболезненно закончившемся» (*К. Дэниел*). Через несколько месяцев парламент аннулировал этот брак. В качестве компенсации, объявленная

королевой-вдовой (при живом муже!) Анна Клевская получила два дома и содержание в 500 фунтов в год. Остаток жизни она прожила в Англии «совершенно незаметной и никому не нужной» (Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивонина).

Неудачный брак с Анной самым роковым образом сказался на карьере Кромвеля. «История с Анной Клевской, – заметил по этому поводу С. Дженкинс, – погубила Кромвеля...» (С. Дженкинс). Объединившиеся против всемогущего министра враги, во главе с герцогом Норфолком, обвинили его в государственной измене и ереси. Во время заседания Тайного совета 10 июня 1540 г. Кромвель был арестован и препровожден в Тауэр. После суда, во время которого, его обвинили, в том числе, и в покровительстве протестантам, 28 июня 1540 г. Т. Кромвель был казнен. Разумеется, связывать причину падения Кромвеля лишь с неудачным четвертым браком короля будет большим упрощением. Его отставка и гибель, на самом деле, объясняются, множеством причин, в частности тем, что он, в отличие от короля, стремился к проведению более последовательной реформации в Англии. Кроме того, феодальная знать ненавидела Кромвеля за те меры, которые он инициировал для укрепления абсолютистского режима. «Известную роль сыграло и то, что Кромвель вызвал единодушную ненависть палаты общин своей политикой, направленной против огораживаний, и своими вымогательствами» (В. В. Штокмар). Разумеется, имела место и банальная зависть, притом не только к статусу, но и к богатству Кромвеля, которое, по слухам достигало 100 тыс. ф. стерлингов.

Через несколько дней после казни Кромвеля Генрих VIII тайно вступил в брак со своей пятой женой Екатериной Говард. 22-х летняя Екатерина «оказалась самой красивой из жен Генриха. Особую прелесть ей придавали выразительные карие глаза и пышные каштановые волосы» (У. Черчилль). Король «увлекся юной Екатериной» (С. Дженкинс). Однако, вскоре выяснилось, что у нее, оказывается, были добрачные связи с другими мужчинами (К. Дэниел). Но, что, еще хуже, своенравная и взбалмашенная Екатерина вскоре практически открыто стала изменять мужу, в частности с собственным кузеном Томасом

Калпепером. Обвиненная в прелюбодеянии, пятая жена короля Генриха была казнена в феврале 1542 г. в Тауэре, на том же месте, что и Анна Болейн. «Взойдя на эшафот, Екатерина сказала: «Я умираю королевой, но предпочла бы умереть женой Калпепера. Да смилуется Господь над моей душой. Добрые люди, помолитесь за меня, прошу вас!» (У. Черчилль).

Слова Генриха: «Я не щадил мужчин в порыве гнева и женщин в порыве страсти» (С. Дженкинс) получили новое подтверждение. Спустя чуть больше года, в июне 1543 г. Генрих VIII женился в шестой раз. Женой короля стала 31-летняя протестантка Екатерина Парр, «невысокая миловидная дама из Озерного края» (У. Черчилль), до этого уже потерявшая двух мужей. «Она заботливо и спокойно ухаживала за недужным королем, опекала Эдуарда и даже примирила стареющего супруга с его дочерьми Марией и Елизаветой» (С. Дженкинс). По словам К. Дэниела королева Екатерина «пользовалась уважением королевской родни и впоследствии вышла замуж за брата Джейн Сеймур по имени Томас» (К. Дэниел).

Как и его отец, Генрих VIII большое внимание уделял строительству флота. По словам С. Н. Гаврилова, в состав королевского флота, в годы его правления, вошло 109 кораблей и, таким образом, (с учетом 5 кораблей, доставшихся ему от его предшественника) общее число судов английского флота достигло 114-ти (С. Н. Гаврилов). В этой связи вполне обоснованным выглядит утверждение Д. М. Тревельяна о том, что «Генрих VIII основал военно-морской флот». Именно при нем «Флот был подчинен самостоятельному административному управлению и организован как регулярная военная сила, оплачиваемая королем. На это мероприятие Генрих XVIII израсходовал много королевских и монастырских богатств. Он не только строил королевские корабли, но соорудил военно-морские базы в Вулдже и Детфорде, где устье Темзы затрудняло неожиданное вторжение; он усовершенствовал морскую базу Портсмут и укрепил много гаваней» (Д. М. Тревельян).

В последнее десятилетие царствования Генриха VIII (сере-

дина 30-х – середина 40-х годов) «абсолютная монархия вступает в пору своего расцвета» (В. В. Штокмар). Невероятное усиление власти этого «ужасного короля» (А. Моруа) проявляется, в частности в том, что в это время Генрих проводит «последовательную политику искоренения мятежных элементов в среде феодальной аристократии» (В. В. Штокмар). Примером этой политики может служить почти полное потребление родов Куртенэ и Полов в 1538 г., по обвинению в том, что они хотели возвести на престол кардинала Реджинальда Пола, в жилах которого текла кровь Плантагенетов. Самому кардиналу, правда, удалось бежать в Рим, но его родственники, в том числе и 72-летняя мать Пола, Матильда, были казнены. В 1541 и 1542 гг. такому же избиению подверглись родственники пятой жены Генриха Екатерины Говард. На плаху были отправлены её бабушка, отец, мать, дядя, тетка и многие другие родственники (В. В. Штокмар). По словам современного английского историка Эрика Ивза: «Генрих VIII казнил больше представителей английской знати, чем какой-либо монарх до или после него. Среди его жертв были две жены, один кардинал, около двадцати членов пэрских семейств, четыре известных общественных деятеля и шесть ближайших королевских слуг и друзей» (Э. Ивз).

Укрепление королевского абсолютизма сказалось в принятии парламентом целого ряда статутов, предоставлявших королю исключительные права. Так, в 1537 г. прошел акт по которому прокламации и указы короля приравнивались к парламентским статутам.

В 1539 г. «кровавый статут» ввел смертную казнь за несоблюдение «шести статей», излагающих основы католического вероучения, от которого Генрих VIII не хотел отходить слишком далеко.

В 1540 г. парламент передал монарху все имения ордена госпитальеров и вотировал королю новый чрезвычайный налог.

В 1543 г. особым парламентским актом король освобожден от всех долгов и получал право вводить новые поборы (В. В. Штокмар).

Закрытие монастырей, усиление огораживаний, рост налогообложения время от времени вызывали достаточно крупные народные восстания. К числу наиболее мощных относится восстание на Севере и в Линкольншире в 1536–1537 гг., получившее название «Благодатного паломничества», направленное главным образом против чрезмерного налогообложения и закрытия монастырей. Посланные против повстанцев войска во главе с Норфолком одержали над ними победу уже в 1537 г. «Всего к смерти было приговорено примерно двести пятьдесят восставших» (*У. Черчилль*). При Генрихе VIII завершается законодательное, парламентское и административное объединение Англии и Уэльса. «На суверенный Уэльс была распространена английская система графств, положение о мировых судьях и кодекс английских законов; руководящая часть дворянства Уэльса была польщена тем, что получила возможность посылать своих графов в парламент в Вестминстр. Совет Уэльса, аналогичный звездной палате и Северному совету – успешно поддерживал порядок в течение длительного периода перехода от старого к новому» (*Д. М. Тревельян*).

Несмотря на заметное усиление королевской власти, по-прежнему серьезное беспокойство вызывало, однако, положение финансов, находившихся в плачевном состоянии. Это объяснялось во многом тем, что доходы с королевских поместий в условиях революции цен постоянно снижались. Другой причиной тяжелого финансового положения были огромные траты, шедшие на королевский двор. Генриху принадлежали 56 роскошных дворцов, включая конфискованные у Уолси Хэмптон-корт и Уайтхолл. Не удовлетворившись этим, под конец жизни король начал строить в графстве Суррей, к югу от Лондона новый дворец в стиле ренессанса с говорящим названием Нонсач (т.е. образец, верх совершенства), который должен был затмить дворец Франциска I в Фонтенбло. Коллекция бесценных предметов искусства, собранная Генрихом VIII насчитывала 100 тысяч предметов (*С. Дженкинс*). Только печатных книг и рукописных манускриптов в королевской библиотеке было порядка 1,5

тысяч. К тому же Генриху VIII принадлежало около 300 различных музыкальных инструментов (*Э. Ивз*).

Для того, чтобы разрешить неотложные финансовые проблемы Генриху VIII пришлось даже прибегать к такому средству, как порча монеты (т.е. чеканить деньги с большой примесью неблагородных металлов). В результате, с 1527 по 1551 гг. деньги в Англии упали в цене в семь раз.

К концу жизни здоровье Генриха сильно пошатнулось. Он так растолстел, что едва мог проходить в двери («объем его талии в конце концов достиг 1,68 м», – пишет Ч. Филлиппс), и самостоятельно ходить – четверо слуг носили его в специальных носилках, а по лестнице его поднимали с помощью особого приспособления. На ногах у короля были ужасные язвы, которые заставляли его буквально выть от боли. Генрих, – по словам К. Дэниела, – из юного «принца ренессанса...превратился в утрюмую и мрачную развалину» (*К. Дэниел*) «в ожиревшего и озлобленного параноика» (*Д. М. Тревельян*). Подавленный, одинокий, деспотичный параноик, мучимый постоянными болями, таким Генрих представлялся современникам в последние годы своего долгого царствования.

На этом фоне, мнительность и подозрительность короля достигли своей высшей точки. «Если бы я представил, что моя шляпа знает мои мысли, – говорил король. – я бы швырнул ее в костер и сжег ее» (*Э. Ивз*). В конце концов, он перестал доверять даже своей последней жене, Екатерине Парр, попытавшись и ее привлечь к суду. Однако этого не произошло, так как 26 января 1547 г. Генрих VIII скончался в возрасте пятидесяти пяти лет.

Страх перед королем был настолько велик, что когда он умер «придворные не осмелились в это сразу поверить. Они думали, что кровавый король лишь притворился спящим и слушает, что они говорят о нем, чтобы, встав с постели, отомстить им за дерзость и непокорность. И только когда появились первые признаки разложения тела, стало ясно, что тиран уже больше не встанет» (*Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивонина*).

Каковы же были общие итоги правления второго Тюдора на английском троне?

По мнению У. Черчилля: «Царствование Генриха VIII стало временем успешного развития Англии. Однако многочисленные казни, сопутствовавшие этому правлению, наложили на него трагический отпечаток... в правление Генриха были заложены основы морской мощи страны,...при нем возродились парламентские институты, а народ получил английскую Библию. Больше же всего мы должны отдать ему должное за укрепление монархии. Именно тогда был заложен фундамент величия Англии...» (У. Черчилль).

С. Дженкинс, в свою очередь, считает, что «Генриху удалось обуздать два столпа средневекового государства, церковь и высшее феодальное дворянство», что навсегда изменило «характер британской нации» (С. Дженкинс). Эрик Ивз полагает, что «Правление Генриха VIII ... ознаменовало апогей персональной монархии (personal monarchy) в Англии» (Э. Ивз).

По словам В. В. Штокмар, при Генрихе VIII сохранился и упрочился альянс королевской власти и парламента, а реформированная английская церковь оказалась полностью подчинена абсолютному монарху (В. В. Штокмар).

О правлении сына и наследника Генриха VIII Эдуарда VI (1547–1553) можно говорить лишь условно, поскольку, когда король умер, ему исполнилось всего-навсего девять лет. А. Моруа, характеризуя его, пишет, что он «был серьезным и не по годам развитым мальчиком, который начинал день, читая главы из Библии. Реформаты называли его «новым Иосией» (А. Моруа). Эдуард получил прекрасное, по меркам того времени, образование проявив себя «способным и старательным учеником. В семь лет он уже достаточно хорошо знал латынь. В четырнадцать бегло говорил по-французски и по-гречески. ... Юноша был знатоком богословия, изучал фортификационные ... сооружения, занимался государственными делами и проблемами денежной реформы» (К. Дэниел). Однако, в силу юного возраста и слабого здоровья, реальной властью Эдуард, разумеется, не обладал. «Формальный король Англии ... Эдуард VI много болел и мало участвовал в государственных делах» (У. Черчилль).

Согласно распоряжению Генриха VIII, до совершеннолетия

Эдуарда государством (от его имени, конечно) должен был управлять регентский совет из 16 человек. Но на деле вся полнота власти перешла к дяде короля Эдуарду Сеймуру, герцогу Сомерсету, принявшему титул лорда-протектора королевства. По словам Черчилля, его положение, «высокое и опасное одновременно, имело весьма слабое правовое основание» (*У. Черчилль*). Регентство Сомерсета продолжалось с 1547 по 1549 гг. «У него, – писал по поводу лорда-протектора А. Моруа, – были реальные достоинства, из которых самым значительным была терпимость» (*А. Моруа*). По мнению С. Дженкинса, «Сомерсет оказался некомпетентным правителем» (*С. Дженкинс*). Это проявилось, в частности, в том, что он развязал войну одновременно и с Шотландией, и с Францией, распорядился, чтобы покрыть расходы, уменьшить содержание благородного металла в монетах, что неизбежно вызвало повышение цен на продовольствие. Чтобы исправить это новое зло, регент установил фиксированную цену на зерно и вновь ввел запрет на дальнейшее огораживание общинных земель. На возражения относительно последней меры он говорил, что нацию должна защищать «армия людей, а не стада овец». Сомерсет осуществлял определенные меры по дальнейшему проведению реформы церкви, поддерживая уничтожение икон и других символов «идолопоклонства» (*С. Дженкинс*).

Таким образом, всего за два года и девять месяцев Сомерсет сумел настроить против себя и придворных, и землевладельцев, и буржуазию, и сторонников реформации. Высокомерие регента оскорбляло знать, землевладельцев тревожили его демагогия и меры против огораживаний, буржуазию шокировало его стремительное и беззастенчивое обогащение (став лордом-протектором, он немедленно построил себе роскошный дворец с видом на Темзу – Сомерсет-хаус), протестантам же не нравилась его относительная снисходительность в религиозных вопросах (*А. Моруа*).

По-своему замечательным было и то, что уже в 1549 году против протектора выступил его родной брат, адмирал Томас Сеймур. «Принцесса Елизавета, за которой он как-то ухаживал

(хотя был женат на ее мачехе Екатерине Парр), заметила однажды, что он был «человеком большого ума, но лишенным здравого смысла». Сеймур пытался завоевать расположение племянника, ссужая его деньгами на карманные расходы, одновременно громко «сетуя» по поводу того, что «Сомерсет оставит его «совсем нищим королем»». Однажды Сеймур даже предпринял попытку ночью похитить Эдуарда, но этому помешала отчаянно лаявшая у дверей спальни мальчика собака. Обвиненный в государственной измене, адмирал был арестован и в январе 1549 г. казнен в Тауэре.

Тогда же на западе страны, в Норфолке, началось крупное крестьянское восстание под предводительством владельца сыромятни Роберта Кета. В лагере, неподалеку от Норвича, собралось до 16 тысяч крестьян. Это восстание было направлено против огораживаний. Восставшие судили помещиков, обвиняя их в ограблении бедняков, причем «собственность, приобретенная за счет огораживания общинных земель, возвращалась в общее пользование». Местные власти оказались не в состоянии справиться с восставшими, а Сомерсет, признав справедливость их требований, даже был готов обещать повстанцам прощение (*К. Дэниел*).

Но тут в дело вмешался Джон Дадли, граф Уорик. «Это был своекорыстный и энергичный человек, защитник лендлордов и их собственности» (*У. Черчилль*). Именно Дадли возглавил войско, направленное на подавление восстания в Норфолке. Дадли удалось разгромить повстанцев 27 августа 1549 года в долине Дюссандейль близ Норвича. Число убитых крестьян достигло 3,5 тысяч человек. Общее число казненных участников восстания превысило 300 человек. Кет попал в плен и был позже повешен в Норвическом замке.

Противники Сомерсета приписали всю заслугу в восставлении порядка себе. В то же время Сомерсет был обвинен в симпатиях к крестьянам и ряде других прегрешений. В результате он был исключен из Совета, отправлен в темницу, а позже, в январе 1552 г., казнен в Тауэре. Сомерсет вошел в английскую историю под именем «добротого герцога» (*У. Черчилль*). По

словам Черчилля, этот «приятный, благонамеренный человек потерпел полную неудачу в попытках исцелить болезни правления Генриха и пал жертвой тех, чьи интересы затронул» (*У. Черчилль*). В дневнике маленького короля в день казни дяди появилась короткая запись: «Сегодня отсекали голову герцогу Сомерсету, между 8 и 9 часами утра... Властолюбие, тщеславие, алчность; вольно же ему было корчить из себя господина» (*А. Моруа*). Кстати, Эдуард был единственным из Тюдоров, кто вел дневник. «Этот документ, – пишет английская исследовательница Трейси Борман, – хотя и отличается сухостью, является бесценным источником информации о его правлении. На страницах дневника Эдуард предстает невероятно умным и любознательным мальчиком... Но в то же время чувствуется, что он был человеком холодным, бесчувственным и бескомпромиссным...» (*Т. Борман*).

После падения Сомерсета правительство возглавил Джон Дадли, граф Уорик, получивший в 1551 г. титул герцога Нортумберленда. Он правда, отказался именоваться лордом-протектором, «удовольствовавшись» рангом лорда-председателя Тайного совета. «Посмертная традиция, – замечают авторы «Оксфордской истории Британии», – очернила графа Уорикского как злобного интригана – настоящего «макиавеллиста» (*Оксфордская история Британии*). Именно так Нортумберленда оценивает, например, К. Дэниел: «По характеру, – пишет Дэниел о нем, – он очень сильно отличался от своего предшественника: главными его чертами были жадность, жестокость и нетерпимость» (*К. Дэниел*). Враги именовали герцога «медведем из Уорика». Авторы «Оксфордской истории Британии», однако, дают в целом достаточно позитивную оценку деятельности герцога Нортумберленда в 1549–1553 гг. «Мир внутри страны был восстановлен при помощи силы, включая иностранных наемников, английские финансы приведены в порядок в результате просвещенных реформ и сокращения расходов ... была быстро завершена катастрофическая война ... с Францией и Шотландией. Герцог Нортумберлендский стремился к миру,

невзирая на бесчестье ... Булонь была сразу возвращена Франции, английские гарнизоны выведены из Шотландии, а Гринвический договор (договор между Англией и Шотландией 1543 г., завершивший англо-шотландские войны, по которому принц Эдуард был обручен с Марией Стюарт, королевой Шотландии) быстро забыт» (*Оксфордская история Британии*).

В религиозных делах Нортумберленд придерживался крайнего протестантизма. При нем англиканская церковь приобрела более ярко выраженный протестантский характер. Был введен новый, более упрощенный молитвенник. По инициативе лорда-председателя был упразднен ряд церковных должностей, от восьми средневековых ступеней сохранились всего три – епископы, священники и дьяконы.

Тем временем юный Эдуард VI, который «тайнственным образом ... превратился в скороспелого протестантского фанатика» (*Оксфордская история Британии*), стал проявлять все большее рвение в религиозных делах. Он рос серьезным, педантичным молодым человеком, весь смысл жизни которого заключался в религии. «При дворе нет епископа или иного просвещенного человека, настолько же готового отстаивать новую доктрину, как король, – писал посол Священной Римской империи. – Этому учат его наставники, и этому он учится у своих проповедников». Твердо преданный делу протестантской веры, Эдуард за короткое время своего правления провел ряд радикальных реформ и способствовал изданию первой «Книги общественного богослужения» в 1549 году, направленной на обеспечение единообразия религиозного обряда. В 1552 году был напечатан «Молитвенник», ставший основной книгой англиканской церкви на ближайшие четыреста лет. Совет Эдуарда запретил ряд старых католических обрядов – использование четок и святой воды, а также паломничества» (*Т. Борман*).

Здоровье Эдуарда VI никогда не было крепким, а весной 1552 г. он переболел корью и оспой. Хотя юный король и поправился, корь ослабила естественный иммунитет от туберкулеза. Это заболевание (от которого в свое время умерли дед Эдуарда

Генрих VII и его дядя, принц Артур) вскоре развилось – с фатальными последствиями. К весне следующего года стало ясно, что король умирает. По праву рождения и согласно завещанию Генриха VIII его законной наследницей была католичка, принцесса Мария, дочь Екатерины Арагонской. Чтобы не допустить этого, герцог Нортумберленд спешно женил своего сына Гилфорда Дадли на 16-летней Джейн Грей, правнучке Генриха VII. Перед самой смертью «юный фанатик-протестант» написал завещание в пользу леди Джейн. Эдуард VI умер 6 июля 1553 года, а уже 10 числа герцог Нортумберленд и Совет провозгласили Джейн Грей королевой Англии. Одновременно свои права на престол заявила принцесса Мария, которую поддерживали большинство дворян и лондонские горожане. Во главе 10 тысяч вооруженных людей Мария, которая первоначально укрылась было в графстве Саффолк, направилась в столицу, и «заговор Нортумберленда рассыпался, как карточный домик» (А. Л. Мортон). Войска, собранные Нортумберлендом, разбежались, а он сам капитулировал, признав ее королевой. Нортумберленд вскоре был казнен, а его сына и леди Джейн, продержавшуюся на троне всего 9 дней, заключили в Тауэр. «К власти снова пришли пэры и дворяне, остававшиеся ревностными католиками» (С. Дженкинс).

Безусловным их главой была сама королева. «Религиозная и благочестивая Мария не разделяла реформаторских идей отца и брата. Их действия наполняли ее яростным желанием восстановить традиционную римскую католическую веру. Это была вера ее умершей матери и ее родной Испании – к этой стране Мария всегда испытывала глубокую любовь. Теперь, когда она стала королевой, преданность «старой религии» превратилась в опасную манию» (Т. Борман).

Почти такое же по продолжительности, что и царствование ее брата, «короткое трагическое правление» (У. Черчилль) королевы Марии (1553–1558) ознаменовалось тем, что в Англии «началась феодально-католическая реакция» (В. В. Штокмар). А. Л. Мортон писал, что «...Мария осталась заложницей в руках

класса землевладельцев» (А. Л. Мортон), тем самым как бы подчеркивая, что королева действовала не по своей воле. Однако это вряд ли соответствует истине. Хотя новая королева и была, как писал Черчилль, «вероятно, самым несчастным человеком из всех, занимавших трон Англии» (У. Черчилль), а российская исследовательница С. П. Маркова отмечала, что она была «быть может, наиболее искренняя, наиболее мужественная и наиболее страдающая из всех Тюдоров...» (С. П. Маркова), Мария Тюдор проводила самостоятельную и вполне последовательную политику, которую можно определить термином «контрреформация» (С. П. Маркова).

По мнению А. Моруа, Мария Тюдор являла собой «прискорбный пример губительных разрушений, к которым может привести сочетание в душе женщины влюбленности, фанатизма и неограниченной власти» (А. Моруа). Биограф королевы, К. Эриксон, следующим образом рисует ее портрет: «Марии в то время было тридцать семь, она была невысока ростом, но по-прежнему хороша собой. Почти по-мальчишески стройная, с яркими рыжеватыми волосами и румяными щеками, она выглядела много моложе своих лет. Глаза у нее были светло-карие и очень большие, а нос «умеренных размеров и широкий, что делало ее лицо весьма красивым. ... Как и отец, свою красоту она подчеркивала, «наряжаясь изысканно и великолепно»... даже ее повседневная одежда была весьма роскошной. Мария любила богатую отделку, дорогой бархат и парчу. Ее костюмы и накидки были пошиты из золотых и серебряных тканей, и она надевала к ним большое количество украшений... венецианский посол особо отметил пристрастие Марии к драгоценностям. Хотя их у нее огромное множество, она постоянно покупает новые, несмотря на то, что финансы оставляют желать лучшего» (К. Эриксон).

А вот как о Марии написала Трейси Борман в своей монографии о частной жизни Тюдоров: «Королева выглядела значительно старше своих тридцати семи лет. Непокойная юность, когда на ее глазах любимую мать вытеснила «Великая шлюха» Анна Болейн, долгие периоды нездоровья – все это состарило ее

раньше времени. На ее лице навсегда застыло мрачное выражение. Тонкие губы постоянно были поджаты. Никак не улучшало внешность и то, что Мария еще в двадцать лет потеряла почти все зубы. Она была маленькой – и ее никак нельзя было сравнить с могучим отцом-монархом. Главной особенностью ее внешности были глаза. Взгляд Марии был настолько пристальным, что «вызывал не только почтение, но страх в тех, на кого она его устремляла». Но такая устрашающая привычка Марии была связана всего лишь с сильнейшей близорукостью. Низкий голос, «грубый и громкий, почти как у мужчины», не делал ее более привлекательной ... несмотря на всю роскошь нарядов, Марии не хватало чувства стиля. Она наряжалась в богато украшенные платья ярких цветов, не гармонировавших с ее рыжими волосами ... испанский посол был вынужден признать, что если бы она одевалась более стильно, то «не выглядела бы такой старой и обрюзгшей» (*Т. Борман*). При довольно большом сходстве приведенных выше цитат (что неудивительно, ведь речь в них идет об одном и том же человеке), все же думается, что Т. Борман в своей характеристике королевы Марии была ближе к истине, чем К. Эриксон. Она абсолютно верно отметила, что и на внешность, и главное, на характер Марии большой отпечаток наложили события, относящиеся ко временам царствования ее отца, короля Генриха VIII. За годы ее, как выразился А. Моруа, «безрадостной молодости» Мария пережила и «взлеты», и «падения». В детстве единственная дочь короля, помолвленная с наследниками престолов Франции и Священной Римской империи, она после развода Генриха VIII с ее матерью Екатериной Арагонской была объявлена незаконнорожденной. Эти события, по справедливому замечанию У. Черчилля, «стали для неё трагедией, катастрофической переменой прежнего уклада» (*У. Черчилль*). Зачастую жизнь Марии буквально висела на волоске. Все это не могло не ожесточить ее, сделав из нее «образец истовой и благочестивой католички» (*К. Дэниел*). О непримиримости Марии в вопросах веры свидетельствует фраза, однажды произнесенная ей, когда она уже стала королевой: «Я охотнее потеряю десять корон, – говорила она, – чем подвергну мою душу опасности» (*А. Моруа*).

В историю Англии, да и в мировую историю также, королева Мария вошла как Мария Кровавая. Это прозвище она получила из-за того, что в ее правление (и во многом по ее инициативе) в Англии широко развернулись преследования протестантов, причем в качестве меры наказания еретиков практиковалось сожжение их на костре – очень редко применявшийся до этого на острове вид смертной казни. «Эта казнь была столь ужасной, – пишет А. Моруа, – что помощники палача приносили пакетики с порохом и привязывали их к шее жертв, чтобы сократить их мучения. Сами палачи, испытывая отвращение к тому, что были вынуждены делать, не мешали им» (А. Моруа).

Среди самых «именитых» протестантских мучеников в царствование Марии обыкновенно называют трех епископов – Хупера, Ридли, Латимера и архиепископа Кентерберийского – Томаса Кранмера. Вообще же, как утверждает «Оксфордская история Британии», «Мария сожгла, как минимум, 278 человек, а другие умерли в тюрьмах» (*Оксфордская история Британии*). В этой связи стоит отметить тот факт, на который обратил внимание еще Андре Моруа, подчеркнув, что большинством жертв контрреформации были, исключая нескольких церковников, не привилегированные люди, а простые мужчины и женщины из народа (А. Моруа), «главным образом ремесленники и фермеры» (А. Л. Мортон). Некоторые из казненных (например, архиепископ Кранмер) стали «жертвами откровенной политической мести» (*Оксфордская история Британии*). Придя к власти, Мария немедленно лишила Кранмера сана архиепископа, заключила его в Тауэр и, в конце концов, обрекла на смерть. Это было вполне объяснимо, так как именно Кранмер «в свое время объявил Марию незаконнорожденной на том основании, что брак ее матери Екатерины Арагонской с Генрихом был «недействительным»...» (С. Дженкинс).

Всю жизнь обслуживавший власть, человек «робкий и нерешительный» (А. Моруа), престарелый Кранмер перед казнью неожиданно проявил мужество. «Уже умирая, он опустил в огонь правую руку – ту самую проклятую руку, которая подписала документ о введении католичества» (К. Дэниел). «Эта рука написала

отречение, – воскликнул он ... на костре, – поэтому она первая понесет наказание»; держа ее все время в пламени «без единого движения или крика», он испустил дух» (*Дж. Р. Грин*).

Своей мрачной славой «кровавой» королевы Мария обязана в первую очередь Джону Фоксу, увековечившему имена замученных ею протестантов в так называемой «Книге мучеников» (*С. Дженкинс*). Вместе с тем «Масштаб преследований при Марии ... был преувеличен, поскольку цифры исходят от предвзято настроенного Фокса, который, – отмечают авторы «Оксфордской истории Британии», – приводил один и тот же пример дважды, если это оказывалось возможным...» (*Оксфордская история Британии*). Говоря о числе английских протестантов, умерших мученической смертью в царствование королевы Марии (везде оно, так или иначе, не превышает трехсот), С. Дженкинс замечает, что столько же, например, католиков было казнено Генрихом VIII после подавления «Благодатного паломничества» (*С. Дженкинс*). Упоминая о казнях протестантов в эти годы («было сожжено около 300 протестантов») В. В. Штокмар в свою очередь пишет, что это «дало основание протестантским историкам называть Марию Тюдор «Кровавой», хотя Елизавета Тюдор, по словам Маркса, заслуживала бы в таком случае названия «ультракровавой», ибо при ней и протестантов, и католиков казнили в гораздо большем числе» (*В. В. Штокмар*); таким образом, преследование протестантов – всего лишь мало-значительный аспект правления Марии Тюдор. По мнению У. Черчилля, вся «программа» царствования королевы Марии заключалась в восстановлении связей с Римом и в католическом союзе со Священной Римской империей (*У. Черчилль*).

Приоритетным направлением в этом «тандеме», думается, все же была реставрация католицизма в стране. «Истинной целью Марии всегда было примирение Англии с Римом...» (*Оксфордская история Британии*).

В рамках осуществления этой главной своей цели королева Мария добилась отмены законодательства Парламента реформации, в том числе и ключевого Акта о супрематии (*С. Дженкинс*).

Одновременно был издан указ о том, чтобы вновь «украстить церкви распятиями, восстановить отмененные ритуалы, вернуть песнопения во время литургии и отмечать христианские праздники» (С. Дженкинс), а «мессы в церквях вновь зазвучали на латинском языке» (К. Дэниел). В октябре 1553 г. через парламент был проведен закон, запрещавший браки священнослужителей.

Ближайшими помощниками королевы в проведении контрреформации были лорд-канцлер Стивен Гардинер – «неудачный консерватор-интриган времен Генриха VIII...» (*Оксфордская история Британии*), архиепископ Кентерберийский, кардинал Реджинальд Поул, «проницательный и надменный прелат» (А. Моруа) и посол Священной Римской империи в Лондоне Симон Ренар, которому Мария безмерно доверяла. Ключевой фигурой среди них был, безусловно, кардинал Реджинальд Поул, – прибывший в Англию из Рима поздней осенью 1554 г. в качестве папского легата, а затем назначенный королевой архиепископом Кентерберийским. Уже в этом качестве он «начал ... проводить разумные церковные реформы в духе Контрреформации: они охватывали такие сферы, как литургия, поведение духовенства, образование и епископский надзор». Сам себя Поул высокопарно именовал «Полярной звездой» («Pole Star»), полагая, «что само его присутствие сможет направить заблудшие души». (*Оксфордская история Британии*).

Осуществляя свою вторую цель, «объединение католической Англии в вечном союзе с католической империей Габсбургов» (У. Черчилль), Мария объявила о своей помолвке с испанским принцем Филиппом – сыном императора Карла V, «вопреки уговорам советников и Парламента» (*Оксфордская история Британии*). Самые разные историки единодушны в том, что «испанский брак» был безусловной ошибкой королевы. «Первую ошибку она совершила, объявив о своем желании выйти замуж за Филиппа Испанского», – писал, в частности, А. Л. Мортон (А. Л. Мортон).

О том, что контрреформацией в Англии были недовольны многие, свидетельствуют разнообразные факты. В частности,

однажды прямо «в окно спальни королевы кто-то бросил мертвую собаку с веревкой на шее, с обрезанными ушами и запиской, в которой говорилось, что всех католических священников в Англии следует повесить так же, как этого пса» (*У. Черчилль*).

Разумеется, подобными инцидентами дело не ограничилось. Куда более серьезным знаком недовольства контрреформацией было вспыхнувшее в Кенте в 1554 г. восстание под предводительством сэра Томаса Уайетта. Уайетт был дворянином-протестантом, которому удалось собрать под своим знаменем трехтысячное войско и двинуться с ним на Лондон.

Большинство историков (в частности, А. Л. Мортон, К. Дэниел, Т. Борман, А. Моруа и др.) связывают восстание Уайетта лишь с протестом англичан против «испанского брака» королевы Марии. Думается, однако, что это выступление было проявлением куда более широкого недовольства политикой Марии Кровавой в целом. И все же, как бы то ни было, несмотря на то, что восставшие ворвались в Лондон и на улицах столицы «произошли беспорядочные стычки, ... защитники королевы разбили противника» (*У. Черчилль*). Сам Уайетт был схвачен и казнен в апреле месяце. Еще раньше, в феврале 1554 г., были казнены леди Джейн и ее муж Гилфорд Дадли. И тогда же, по подозрению в участии в «деле Уайетта», была заключена в Тауэр сводная сестра королевы Марии принцесса Елизавета; в заточении она пробыла более двух с половиной месяцев (*О. В. Дмитриева*).

В июле 1554 г. королева Мария вступила в брак с Филиппом Испанским, сыном императора Карла V (унаследовав испанский престол в 1556 г., он стал королем Филиппом II), даровав ему «титул короля-консорта» (*Дж. Блэк*). «Как жена короля Испании, вопреки интересам королевства и против советов ближайшего окружения, в том числе кардинала Поула, – пишет о Марии У. Черчилль, – она позволила втянуть себя в войну с Францией (в 1557 г.), в результате чего город Кале, последнее английское владение на континенте, пал без сопротивления» (*У. Черчилль*). Это произошло 7 января 1558 года. Потеря Кале – этого «драгоценнейшего алмаза английской короны» (*Дж. Р. Грин*),

– занятого войсками французского короля Генриха II, была самой крупной внешнеполитической неудачей царствования королевы Марии. «Когда я умру и вскроют мое тело, вы увидите, что на моем сердце кровью написано «Кале!» – клялась она» (С. Дженкинс).

По мнению У. Черчилля, «утрата Кале, символа величия и мощи средневековой Англии, стала национальным позором» (У. Черчилль). Учитывая то, что этот город уже 300 лет находился в руках Англии (А. Л. Мортон), это, безусловно, верно. Наряду с этим, Кале представлял большую важность «для торговли шерстью» (Оксфордская история Британии). Поясняя это, А. Л. Мортон пишет: «Стапельная торговля, когда-то делавшая этот город важным торговым центром, теперь велась в ничтожных масштабах, однако потеря города вызвала большое недовольство, особенно среди купцов, которые, во всяком случае, противодействовали установлению любых связей с Испанией» (А. Л. Мортон).

В последние годы жизни королева Мария тяжело болела, причем дважды принимала свою болезнь за беременность. «Вполне возможно, – пишет по этому поводу Т. Борман, – что увеличение живота королевы было связано с развитием раковой опухоли – сходной с той, что убила ее мать» (Т. Борман). 17 ноября 1558 года Мария Тюдор умерла. «Незадолго до смерти она писала, что ее преследует одно и то же райское видение – «множество маленьких детей играет на луту, а над ними ангелы расппевают свои псалмы» (К. Дэниел).

Давая оценку царствования «кровавой королевы», Ч. Диккенс писал: «Плодами правления Марии Тюдор были костры, и судить о ней вы должны только по ним» (Ч. Диккенс).

У. Черчилль, также достаточно критично оценивавший итоги правления королевы Марии, в то же время отмечает «одно достижение, пусть и скромное... В краткий период ее правления, – пишет он, – министры взялись за решение большой и трудной задачи по регулированию и сокращению расходов; ко времени ее смерти они уже немало сделали для очище-

ния правительства от коррупции и ликвидации излишеств режима Нортумберленда» (*У. Черчилль*).

По мнению же авторов «Оксфордской истории Британии» при Марии Кровавой был достигнут определенный успех в ряде областей. В частности, «завершены финансовые реформы, казначейство возрождено и реорганизовано; подготовлен проект чеканки новой монеты; опубликована «Книга тарифов» (в мае 1558 г.), которая увеличила поступления от таможи на 75 %» (*Оксфордская история Британии*).

Согласно завещанию Марии Тюдор, ей наследовала ее младшая сестра Елизавета. «Царствование Елизаветы I (1558–1603) стало кульминационным моментом в развитии английского абсолютизма» (*В. В. Штокмар*). Елизавета Тюдор – поистине выдающаяся личность английской истории. Еще при жизни ее нарекли «доброй королевой Бесс», «королевой-девственницей» и «Глорианой», а почти 45-летнее правление Елизаветы часто называют «золотым веком Англии» (*С. Дженкинс*).

К моменту вступления на престол 25-летняя Елизавета превратилась «в замечательно образованную молодую женщину» (*К. Эриксон*). «Она знала древние языки – греческий и латынь, шесть новых – французский, итальянский, испанский, немецкий, голландский, шотландский и, разумеется, английский» (*С. П. Маркова*). Кроме того, Елизавета обладала обширными знаниями в философии, истории, классической литературе, была музыкантшей и поэтессой. «Ей нравились те же, что и ее отцу, забавы и развлечения – преследование зверя, стрельба из лука, соколиная охота, танцы и музыка» (*У. Черчилль*).

Елизавете импонировало, когда ее сравнивали с отцом. «...властная манера держаться, выразительная речь и врожденное достоинство – все указывало на то, что перед вами дочь Генриха VIII» (*У. Черчилль*). Она обладала большим личным мужеством, решительностью, почти неистощимым запасом физической энергии и выносливостью. «Как отец и дед, она не любила сидеть на месте, постоянно находилась в движении, и часто никто не мог сказать, когда же она спала» (*У. Черчилль*).

По-своему замечательную характеристику Елизавете дал

испанский посол, граф Фериа: «У нее острый ум, она необыкновенно тщеславна и в ведении дел чрезвычайно похожа на отца», – писал дипломат (*К. Эриксон*).

В королеве, как ее современников, так и потомков, наверное, больше всего поражало наличие взаимоисключающих, казалось бы, черт: с одной стороны, любовь к роскошной одежде и драгоценностям (одних только платьев в ее гардеробе насчитывалось 1500 (*Т. Борман*), по другим данным – 3000 (*А. Уайтлок*)), с другой – скарредная бережливость и скрупулезный учет каждого пенни; с одной стороны – блестящая эрудиция, утонченность, с другой – нарочитая грубость, презрение приличий. «Королева умела пить, чертыхаться и при случае вернуть «такое крепкое словцо», которое и не снилось изнеженным придворным дамам» (*К. Дэниел*), зачастую «ругая своих министров, как рыночная торговка» (*Дж. Р. Грин*). «Ум сочетался в ней, – писал о Елизавете Диккенс, – с хитростью и коварством, и во многом она унаследовала бешеный характер своего отца» (*Ч. Диккенс*). «Привлекательная, харизматичная, живая», – такими словами охарактеризовала Елизавету к моменту ее восшествия на престол современная английская исследовательница Трейси Борман (*Т. Борман*).

Выразительный словесный портрет «доброй королевы Бесс» нарисовал другой современный английский историк С. Дженкинс. «У нее, – пишет он о Елизавете, – была броская, примечательная внешность: внимательные глаза ярко выделялись на бледном лице, обрамленном блестящими рыжими волосами. Она обильно пользовалась косметикой и одевалась пышно и необычно, восхищая портретистов и поражая людей, попавших ко двору» (*С. Дженкинс*).

Одним из первых и наиболее важных вопросов, которые предстояло разрешить молодой королеве, стал, разумеется, религиозный вопрос. В известном смысле С. Дженкинс был прав, когда писал, что «Генрих (VIII) произвел революцию в религиозной жизни Англии, а она (Елизавета Тюдор) укрепляла достижения этой революции» (*С. Дженкинс*). Не слишком «прижившиеся» церковные реформы королевы Марии были отменены, а

англиканская церковь, т.е. не зависящая от Рима английская церковь – восстановлена. Как и во времена царствования Генриха VIII (после 1534 г.) и его сына, Эдуарда VI, главой церкви становился монарх. Епископы англиканской церкви подчинялись королю. Все подданные королевы Елизаветы обязаны были по воскресеньям и в дни церковных праздников посещать службы в протестантских храмах. Уклонявшихся штрафовали на шиллинг (*А. Уайтлок*). По своим же догматам и церковным обрядам англиканская церковь очень сильно напоминала католическую. «Порядок... богослужения, введенный в елизаветинской церкви, – пишет по этому поводу О. В. Дмитриева, – представлял собой компромисс – католики потеряли больше, чем рассчитывали, а протестанты получили меньше, чем надеялись. Это удивительное церковное урегулирование, которое решительно никого, включая саму королеву, не устраивало до конца, обеспечило тем не менее мир и на время уберегло Англию от религиозных войн, терзавших ее соседей» (*О. В. Дмитриева*). Таким образом, англиканское учение в царствование «королевы Бесс» «было не столько религией, сколько церковным компромиссом, предписанным законом прозорливой, образованной и умеренной молодой женщиной с согласия палаты лордов и палаты общин» (*Д. М. Тревельян*). В разрешении религиозного вопроса «Елизавета I выбрала средний путь между Римом, центром католицизма и Женовой, центром радикального протестантизма. Сохранились исторические свидетельства о том, что вскоре после ее восхождения на трон, жители Оксфорда, озабоченные тем, как им хоронить кости католических святых и недавно сожженных протестантских мучеников, спросили об этом королеву и получили ответ: «Смешайте их и положите вместе»» (*Т. В. Ковалевская, Ф. А. Вагизова, Е. В. Семенюк*).

Новым архиепископом Кентерберийским королева назначила Мэтью Паркера, «своим терпением и умеренностью похвалившего на нее и ставшего ее сотрудником в деле преобразования церкви. В вопросах веры Паркер был человек умеренный, он имел твердое намерение восстановить порядок в церковной дисциплине и службе» (*Дж. Р. Грин*). «В 1559 году парламент

принял «Билль о главенстве» и «Билль о единообразии», утверждающих законность англиканской церкви» (*К. Дэниел*). На церковном соборе 1563 г. Паркер представил Свод из 39 основных положений англиканского вероисповедания, которые «основывались на сорока двух статьях, разработанных Кранмером в правление Эдуарда VI» (*Оксфордская история Британии*) и превратились в «кredo Англиканской церкви» (*А. Моруа*). Окончательный вариант Свода (Уложения) был утвержден в 1571 г. «В конечном счете, Англиканская церковь стала столпом елизаветинского государства» (*Оксфордская история Британии*).

Объясняя причины половинчатого проведения реформации при Елизавете I (как, впрочем, и при Генрихе VIII), В. В. Штокмар находит их в том, что и «королева Бесс», и ее отец были «государями феодального по своей основе государства». Это, в свою очередь, влекло за собой то, что более последовательная протестантская церковная реформа должна была «привести к полной республиканизации церковного строя», чего ни Генрих VIII, ни Елизавета I, естественно, допустить не могли (*В. В. Штокмар*).

Практически ту же точку зрения, что и В. В. Штокмар, на причины половинчатости королевской реформации в Англии, высказала и С. П. Маркова.

В проведении своей церковной политики Елизавета Тюдор столкнулась, если так можно выразиться, с оппозицией и слева, и справа.

Оппозицию слева представляли английские кальвинисты, которые с 60-х годов XVI в. стали называться пуританами (от лат. слова *rigus* – чистый). К ним принадлежали наиболее образованные и ратовавшие за углубление реформации представители духовенства. Идеологом английских пуритан был Томас Картрайт, стремившийся создать такую церковную организацию, в которой ведущая роль принадлежала бы пресвитерам (старейшинам) из наиболее богатых членов церковной общины. Сторонники Картрайта поэтому стали именоваться пресвитерианами. Среди пуритан выделилось и более радикальное течение, которое возглавил Роберт Браун. Они получили название

индепендентов (независимых), так как выступали за полный разрыв с англиканской церковью и независимость конгрегаций (общин верующих) друг о друга и какого-либо центрального органа церковной власти.

Пуритане пользовались поддержкой новых дворян и буржуазии Англии.

В течение всего долгого правления Елизаветы пуритане подвергались жестоким преследованиям, которые особенно усилились с 90-х гг. XVI в., в частности, после принятия статута 1593 г., согласно которому самым упорным из них грозила смертная казнь.

Оппозицию справа представляли английские католики (в особенности реакционная знать северных графств), не признававшие законность власти королевы-еретички. «Католицизм... представлял собой удобную религиозную форму для выражения недовольства со стороны... знати северных районов усилением абсолютистского режима» (*В. В. Штокмар*). Английские католики, в свою очередь, получали поддержку со стороны папы римского, Филиппа II Испанского и шотландской королевы-католички Марии Стюарт. В феврале 1570 г. папа «Пий V издал буллу *Regnans in Excelsis* ... где провозгласил Елизавету отлученной от Церкви и призвал верных католиков сместить ее» (*Оксфордская история Британии*). Неудивительно поэтому, что «начиная с 1570 г. католических священников и мирян стали казнить в Англии не за ересь, а за измену» (*А. Мориа*). По словам У. Черчилля, в последнее 30-летие царствования Елизаветы было казнено около 300 католиков за государственную измену (*У. Черчилль*). Среди казненных насчитывалось 147 священников, 47 дворян и большое количество людей из народа и даже женщин (*А. Мориа*). Католики ответили на эти репрессии многочисленными заговорами. Одним из самых опасных был католический заговор 1584 г. под руководством Трогмортонна. Целью заговорщиков было убийство королевы Елизаветы и возведение на престол Марии Стюарт. Однако заговор был своевременно раскрыт «гением шпионажа при дворе Елизаветы, сэром Френсисом Уолсингемом» (*С. Дженкинс*). Трогмортонна казнили,

а в ходе следствия выяснилось, что к заговору был причастен посол Филиппа II Мендоса, «гений интриг в пользу испанского трона» (Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивонина), высланный из страны (С. П. Маркова).

С течением времени Мария Стюарт стала настоящим «центром, к которому стягивались все нити феодально-католических и происпанских заговоров в Англии» (В. В. Штокмар). Опасность, исходившая от Марии, заключалась, разумеется, не только в том, что она была ревностной католичкой, через свою мать Марию де Гиз состоявшую в родстве с могущественным родом герцогов де Гизов во Франции. По своему отцу, шотландскому королю Якову V, она была правнучкой Генриха VII (так как Яков V был сыном дочери этого английского монарха Маргариты Тюдор); это обстоятельство позволяло Марии Стюарт претендовать на трон Англии. О том, что эта угроза власти Елизаветы вполне реальна, свидетельствовало восстание католиков на севере Англии в 1569 г. под руководством графов Нортумберлендского и Уэстморлендского «в поддержку Марии» (С. Дженкинс). Восстание это, правда, «было быстро разгромлено» (В. В. Штокмар). «Около 200 рядовых участников восстания были повешены в графстве Дарем, а дома их были разграблены» (Дж. Блэк).

Свое детство и юность Мария провела при французском королевском дворе. Повзрослев, в 1559 году она вышла замуж за дофина Франциска, вскоре ставшего королем Франции Франциском II. Последовавшая уже в 1560 г. его смерть вынудила Марию вернуться в Шотландию. Там «она вышла замуж за искателя приключений из рода Стюартов, лорда Дарнли, от которого у нее был сын, ставший первоочередным претендентом на шотландский и английский престолы» (С. Дженкинс).

Вскоре после рождения сына лорд Дарнли был убит при загадочных обстоятельствах. Молва винила в его смерти шотландского аристократа графа Босуэлла, за которого Мария вышла замуж три месяца спустя после гибели Дарнли.

В 1567 г. шотландские лорды-пресвитериане, «боявшиеся установления абсолютизма и возврата к католической вере»,

подняли восстание против Марии Стюарт (*В. В. Штокмар*). Босуэлл бежал, а Марию, захваченную в плен, восставшие доставили в Эдинбург. Она была вынуждена отречься от престола в пользу своего годовалого сына Якова (будущего короля Якова VI Шотландского и Якова I Английского). Выбравшись из заключения, Мария, собрав своих сторонников, попыталась силой вернуть власть. Потерпев военное поражение, она покинула Шотландию в мае 1568 г. и укрылась в Англии. Королева Елизавета предоставила кузине замок в Шеффилде, но постепенно «гостья» превратилась в пленницу, которая находилась под постоянным бдительным контролем. Такое, почти тюремное, заключение продолжалось долгих 19 лет (с 1568 по 1587 гг.). Но и находясь, по сути, в руках Елизаветы, Мария продолжала усиленно интриговать против нее. «Количество заговоров, центром которых была Мария, – писал по этому поводу А. Моруа, – заставляет восхищаться снисходительностью Елизаветы» (*А. Моруа*). Роковым для Марии стал заговор 1586 г. (так называемый заговор Бабингтона), раскрытый агентами шефа разведки королевы Уолсингема осенью этого года. Следствие выявило прямое соучастие Марии Стюарт в заговоре. Была создана специальная комиссия из 46 членов Тайного совета, которая вынесла Марии Стюарт смертный приговор за государственную измену в октябре 1586 г. Он был публично приведен в исполнение 8 февраля 1587 г. в замке Фатерингей.

«Казнь Марии Стюарт явилась вызовом феодально-католической Европе. Филипп II выступил теперь сам в качестве претендента на английский престол и стал готовить вторжение в Англию» (*В. В. Штокмар*).

Вообще говоря, борьба с Испанией, причем в самых разных формах, была, если можно так выразиться, «визитной карточкой» правления «королевы Бесс». По справедливому замечанию К. Дэниела, «ко времени ... Елизаветы у Англии не было худшего врага, чем Испания» (*К. Дэниел*). Это объяснялось, конечно, не только тем, что Англия была протестантской страной, а Испания возглавляла весь католический мир. Главными были наметившееся уже довольно отчетливо морское, колониальное

и торговое соперничество двух держав. «Англия, точнее английское купечество, поддерживаемое правительством, твердо решило пробить брешь в колониальной монополии, установленной Испанией в Новом Свете» (А. Л. Мортон).

Колониальная экспансия, вставшая на повестку дня, была необходима для дальнейшего экономического и политического развития Англии.

В борьбе Англии с Испанией в царствование Елизаветы Тюдор четко выделяются несколько этапов.

Самым продолжительным был период с середины XVI века до 1587 г., когда «эта борьба велась в форме скрытной, тайной, пиратской войны англичан» (С. П. Маркова) против Испании. Этот своеобразный тип борьбы был связан с тем, что в начале своего правления Елизавета опасалась вступить в открытую войну с самой могущественной страной западного мира – Испанией. Активными участниками англо-испанского противостояния на этом этапе были пираты, к которым принадлежали как те, кто занимался пиратством «профессионально», так и купцы, судовладельцы, работорговцы, «совмещавшие» торговую-предпринимательскую деятельность с морским разбоем.

К числу самых знаменитых английских пиратов относится Джон Хоукинс – моряк, купец и судовладелец из Плимута. Он занимался контрабандной торговлей у Канарских островов, организовал экспедицию в Гвинею, захватил там 400 негров, которых продал на плантации в Вест-Индию, получив взамен имбирь и сахар. Елизавета I посвятила Хоукинса в рыцари и предоставила в его распоряжение один корабль, фактически легализовав работорговлю. На гербе Хоукинса был изображен «статный полумавр, закованный в цепи» (Дж. Р. Грин).

Настоящим «профессионалом-пиратом» был племянник Хоукинса Фрэнсис Дрейк (С. П. Маркова), которого О.В. Дмитриева назвала «самым неподражаемым из елизаветинских морских волков» (О. В. Дмитриева), а А. Моруа «легендарным моряком, отважным до безрассудства» (А. Моруа). Сами испанцы именовали Дрейка «Драконом» и «главным вором неизвестного мира». Он «наводил ужас на испанские галеоны, которые не

могли чувствовать себя в безопасности, даже находясь на стоянках в собственных портах» (*У. Черчилль*). Знаменитый корсар не только нападал на галеоны, испанские купеческие суда, но даже организовывал масштабные рейды на колонии Испании в Вест-Индии.

Особенно прославил Дрейка его кругосветная экспедиция 1577–1580 гг., в которой он находился два года, девять месяцев и несколько дней. Формально Дрейк намеревался открыть земли, находящиеся к югу от Магелланова пролива, хотя на самом деле собирался «через Магелланов пролив пройти в Тихий океан, подойти к испанским колониям в Перу, откуда испанцы ожидать нападения никак не могли» (*С. П. Маркова*). В Англию Дрейк привез сказочные богатства. Общая сумма выручки «Дракона» «составила почти 500 тысяч фунтов стерлингов». На снаряжение же экспедиции было затрачено всего лишь 3600 фунтов стерлингов. «Для сравнения отметим, – замечает В.К. Губарев, – что годовой доход британской казны составлял тогда 300 тысяч фунтов стерлингов» (*В. К. Губарев*).

«Елизавета получила прекрасную долю из этой добычи, остальные компаньоны, по слухам, до 4700 % с капиталов, которые доверили Дрейку» (*А. Моруа*).

Дальнейшее обострение англо-испанской борьбы произошло вследствие раскрытия заговора Трогмортон в 1584 г. и высылки испанского посла из Лондона. В ответ в мае 1585 г. Филипп II секвестрировал английские суда, находившиеся в испанских портах. В свою очередь, в июне того же года Елизавета Тюдор направила в восставшие против Испании Нидерланды 6-тысячный экспедиционный корпус во главе с Лейстером для помощи повстанцам; в сентябре 1585 г. в испанские воды была направлена пиратская флотилия англичан.

«В феврале 1586 г. штурмом был захвачен богатейший город Картахена, опустошены берега Кубы и Флориды. ... Филипп II ... потерпел поражение в пиратской войне против англичан» (*С. П. Маркова*).

Своей кульминации борьба Англии и Испании достигла в 1587–1588 гг. Филипп II намеревался нанести прямой удар по

Англии, направив к ее берегам мощный флот с большим сухопутным десантом на борту уже в 1587 г., но этот план был сорван молниеносным нападением эскадры Ф. Дрейка на Кадис в апреле 1587 г., во время которого он ворвался в гавань, уничтожил 37 испанских кораблей, захватил пленных и огромную добычу. Сам Дрейк похвалялся, что он «подпалил бороду испанскому королю» (С. Дженкинс).

Филиппу II пришлось отложить вторжение в Англию на целый год. Только в конце мая 1588 г. испанский флот («Счастливейшая и непобедимая армада») вышел в море и направился к берегам Англии. Армада «насчитывала не менее 130 кораблей...» (В. К. Губарев). Что же касается численности моряков, солдат, канониров, галерных рабов, слуг и священников, находившихся на ее борту, то эти данные от работы к работе несколько разнятся, но, в целом, приближаются (или чуть превышают) цифру в 30 тысяч человек. «К этим военным силам должны были присоединиться еще 17 тысяч солдат из состава испанских войск, находившихся тогда в Нидерландах» (В. В. Штокмар).

«Непобедимая армада» «производила устрашающее впечатление. «Самые крупные корабли армады, по словам очевидцев, «выглядели на поверхности воды как плывущие крепости» (В. К. Губарев).

На первых порах Англия смогла противопоставить испанцам флот, насчитывавший всего 34 корабля с 6 тыс. матросов на борту (В. В. Штокмар). Угроза национальной независимости Британии вызвала взрыв патриотических чувств в стране. Английские новые дворян и буржуа превратили оборону отечества «в общенациональное дело, снарядив за свой счет и послав на государственную службу большое число кораблей» (В. В. Штокмар), так что, когда Армада достигла, наконец, Ла-Манша, у англичан было уже 140 кораблей (С. П. Маркова). Английский флот возглавили Говард Эффингем и Фрэнсис Дрейк. «В Англии были мобилизованы местные ополчения; отмечены возможные места высадки, а их укрепления усилены» (Оксфордская история Британии).

Сама королева Елизавета, покинув Лондон, посетила форт

Тилбери на Темзе, где состоялся смотр войск. «Елизавета восседала на своем гордом белом коне с маршальским жезлом в руке ... королева обратилась к солдатам с одной из лучших своих речей. Она сказала: «Мой добрый народ! Те, кто пекся о Нашей безопасности, убеждали Нас, что следует проявить осторожность, когда Мы предстанем перед множеством вооруженных людей. Но, уверяю вас, я не хотела бы жить, не доверяя моему верному и любящему народу. Пусть боятся тираны. Я же всегда жила так, что после Господа считала своей главной опорой и защитой верные сердца и доброе расположение моих подданных. И посему, как вы видите, я сейчас среди вас не для развлечения или забавы, но полная решимости в гуще сражения остаться жить или умереть с вами, пасть во прахе во имя моего Господа, моего королевства, моего народа, моей чести и моей крови. Я знаю, что наделена телом слабой и хрупкой женщины, но у меня душа и сердце короля, и короля Англии. И я думаю, это грязная ложь, что Парма, или Испанец, или любой другой государь Европы могут осмелиться переступить границу моего королевства. Это скорее, чем любое бесчестье, заставит меня взяться за оружие, я сама стану вашим генералом, вашим судьей и вознагражу каждого по заслугам на поле брани...» (О. В. Дмитриева).

Англичане допустили Армаду в пролив, но в прямое сражение с ней не вступали, «наноса испанским кораблям множество повреждений в мелких стычках» (В. В. Штокмар). Именно тогда с полной очевидностью проявились сильные стороны английского флота: английские суда были меньше по размерам (а стало быть, более маневренные), быстроходнее испанских, могли идти против ветра и располагали артиллерией лучшего, чем у испанцев, качества, не только на палубах, но и в бортовых амбразурах (С. П. Маркова). Лишь 28 июля английский флот встретился с испанским близ г. Кале и ночью атаковал его шестью старыми кораблями, превращенными в брандеры. На следующий день произошло сражение, во время которого Армада понесла большие потери.

В довершение всего началась сильная буря, разметавшая

корабли Армады. Испанский главнокомандующий, герцог Медина-Сидония, принял решение о возвращении флота назад, в Испанию. Армада пошла в обход вокруг Шотландии и Ирландии. Многие корабли, пострадавшие от сражений с англичанами и от непогоды, потонули или разбились близ берегов Шотландии, остальные были отнесены к норвежским и ирландским берегам.

Лишь в октябре 1588 г. остатки Армады вернулись на родину. В. В. Штокмар и С. П. Маркова пишут о том, что Испании достигли лишь 43 корабля (*В. В. Штокмар, С. П. Маркова*) с десятью тысячами человек на борту (*С. П. Маркова*). Биограф Ф. Дрейка, российский исследователь В. К. Губарев, однако, приводит другую цифру. По его данным, «в октябре (1588 г.) в порты Северной Испании вернулись 65 истерзанных кораблей армады...» (*В. К. Губарев*). Кстати, эту же цифру возвратившихся на родину испанских кораблей называет и У. Черчилль. Но, так или иначе, разгром «Непобедимой армады» был полным. «Елизавета I решила увековечить победу над испанцами выпуском памятной медали. Надпись на ней гласила: «*Afflavit Deus et dissipati sunt*» – «Дунул Господь, и они рассеялись» (*В. К. Губарев*).

«Филипп еще несколько раз делал попытки собрать флотилии – в 1596, 1597 и 1599 годах, но всякий раз его постигала неудача: корабли либо сбивались с курса, либо становились жертвой непогоды» (*К. Дэниел*).

Перечисляя причины поражения “Непобедимой армады”, В. В. Штокмар отмечает следующее: техническое превосходство английских судов, высокое качество английской артиллерии, то, что английские моряки прекрасно ориентировались в водах Ла-Манша и то, что испанский главнокомандующий ничего не сделал, чтобы соединиться с войсками Александра Пармского в Нидерландах (*В. В. Штокмар*).

Авторы «Оксфордской истории Британии» в качестве главных причин победы англичан над Армадой называют маневренность кораблей Эффингема и Дрейка, а также их пушечную мощь. «Ключом к победе, – подчеркивают они, – оказалась артиллерия...» (*Оксфордская история Британии*).

После разгрома «Непобедимой армады» англо-испанская борьба, разумеется, продолжалась, хотя уже и не достигала масштабов 1587–1588 гг.

В 1580–1590-х гг. англичане, в свою очередь, организовали против Испании три экспедиции в 1589, 1595 и 1596 гг., которые еще больше пошатнули могущество Филиппа II. Самой крупной из них была экспедиция Нориса и Дрейка к берегам Португалии (с 1581 г. она вошла в состав Испании) с целью посадить на португальский трон английского ставленника, дона Антонио. В экспедиции участвовало 150 кораблей с 18 тыс. человек на борту. Главной своей цели экспедиция 1589 г. не достигла, однако нанесла большой вред Испании.

В дальнейшем англо-испанская война в виде пиратских нападений англичан на испанские корабли, прибрежные города Испании и ее колонии продолжилась, завершившись уже после смерти королевы Елизаветы, в 1605 г.

Одним из острых вопросов внутренней политики в царствование королевы Елизаветы I стал ирландский вопрос. Авторы «Оксфордской истории Британии» напрямую связывают его с войной Англии с Испанией. «Наконец, – пишут они, – война, по сути, распространилась на Ирландию» (*Оксфордская история Британии*). С этой точкой зрения, однако, вряд ли можно согласиться, хотя испанские войска. действительно, несколько раз высаживались в Ирландии.

Как известно, первым английским монархом, попытавшимся установить свою власть над Ирландией, был Генрих II Плантагенет. В 1171–1172 гг. ему удалось захватить небольшую территорию на юго-востоке острова, получившую название Пейла (Пэля) – «отгороженного района» (*В. В. Штокмар*). Управление колонией возглавлял наместник, назначаемый королем из местной, ирландской знати или присылаемый из Лондона. При короле Иоанне Безземельном территория колонии была разделена на 12 графств (при этом в них входили как собственно Пейл, так и ирландские земли) с шерифами и другими должностными лицами; был возведен (в 1204 г.) Дублинский замок, ставший центром королевской администрации в Ирландии. И

уже в 1297 г., по указу Эдуарда I в Дублине был созван первый Ирландский парламент (*С. П. Маркова*).

В ходе дальнейшей английской экспансии в XIII–XIV вв. были расширены владения англичан на “Зеленом острове” и смещение английских баронов с ирландской знатью привело к образованию англо-ирландской знати, стремившейся к независимости от Британии.

Широкомасштабная колонизация Ирландии начинается в середине XVI века.

В 1541 г. Генрих VIII принимает титул короля Ирландии, потребовав, «чтобы его рассматривали в этой стране как верховного собственника всей земли» (*В. В. Штокмар*). Над всей Ирландией устанавливается жесткий контроль Лондона. Англо-ирландцам, в частности, запрещают говорить на ирландском языке, носить ирландскую национальную одежду, принуждают принимать англиканское вероисповедание (хотя в конфессиональном отношении большинство жителей Ирландии было католиками). Английские власти изо всех сил стремятся «сделать Ирландию английской» (*Дж. Р. Грин*). Но, самое главное, начинается активный захват земель ирландских кланов и переселение туда английских колонистов. В частности, массовая конфискация ирландских земель проходит в правление Марии Тюдор.

Естественным следствием всего вышеперечисленного были восстания ирландцев против колонизаторов-англичан. В правление Елизаветы самыми крупными из них были восстание О’Нила в Ольстере в 1559–1567 гг., восстание во главе с графом Десмондом в Манстере в 1569–1583 гг. и, наконец, новое восстание в Ольстере, которое возглавили графы Тирон и Тирконеил в 1595–1604 гг. (*С. П. Маркова*) и которое продолжалось почти десять лет. На подавление ирландского восстания в 1597 г. с 22-тысячной армией был послан последний фаворит Елизаветы Роберт Деверо, «блистательный, но взбалмошный» граф Эссекс. Однако «Эссекс был плохим полководцем. Он использовал данные королевой полномочия, чтобы осыпать щедрыми наградами и почетными званиями своих любимцев и фаворитов. Говорили, что «он доставал меч из ножен только для

того, чтобы произвести кого-нибудь в рыцари» (С. Дженкинс). Потерпев неудачу в Ирландии, Эссекс бросил свою армию и самовольно явился в Лондон в сентябре 1599 г. За он был лишен своих должностей и посажен под домашний арест. Попытка Эссекса «поднять восстание в лондонском Сити, напасть на Уайтхолл и захватить в плен королеву» в 1601 г. (У. Черчилль) закончилась неудачей. Но, хотя мятеж экс-фаворита королевы «театральный по пафосу» и носил, в целом, несколько опереточный характер, он, все же «выразил степень недовольства молодых аристократов политикой Елизаветы и ее выбором приближенных помощников» (Т. В. Ковалевская, Ф. А. Вагизова, Е. В. Семнюк). Эссекс был схвачен, обвинен в государственной измене и казнен 25 февраля 1601 г. на Тауэр-Хилл.

Новым наместником в Ирландию был назначен «упорный и энергичный командующий», лорд Маунтжой (У. Черчилль), а военным губернатором стал Кэрю. «Это были жестокие колонизаторы» (С. П. Маркова). В отношении ирландцев они применили тактику выжженной земли, сжигая деревни, истребляя население, посеvy, лес и скот. На отвоеванных территориях строились крепости, в которых размещались английские гарнизоны. В общей сложности в последней четверти XVI века в Ирландию было направлено более 30 тыс. солдат, а затраты на войну с повстанцами превысили 2,5 млн фунтов стерлингов (С. П. Маркова). Ирландское восстание было потоплено в крови, а Ольстер окончательно покорен в 1603 г. «Впервые в своей истории англичане захватили власть над всем островом (Ирландией)» (Дж. Блэк).

«Маунтжой писал Елизавете по поводу своих действий: «Вашему величеству не над чем повелевать в этой стране, как только над кучами пепла и трупами» (С. П. Маркова).

Ведя речь о царствовании королевы Елизаветы I, нельзя не сказать о том, какая форма правления при ней окончательно установилась в Англии. Безусловно, это была абсолютная монархия. «Сама королева была идеальным воплощением абсолютизма» (С. П. Маркова). По словам биографа Елизаветы К. Эрик-

сон, «королева сама принимала все решения, не только крупные, но и второстепенные, хотя и требовала от советников основательной их подготовки и жестко отчитывала за любую промашку» (К. Эриксон).

Ум, осторожность, двуличие, коварство, присущие Елизавете Тюдор, восхищали и пугали ее политических противников. «Эта страна, – писал испанский посол, – попала в руки к женщине – существу отродья дьявола» (А. Моруа).

К числу несомненных достоинств «королевы-девственницы» относилось ее умение окружать себя талантливыми и всецело преданными ей людьми, такими как: Уильям Сесил, лорд Берли, Фрэнсис Уолсингем, Томас Грешем. Первого из них У. Черчилль даже назвал «величайшим государственным деятелем Англии XVI в.» (У. Черчилль). Берли верой и правдой служил Елизавете в течение сорока лет вплоть до своей смерти в 1598 г. Фрэнсис Уолсингем был создателем уникальной системы шпионажа и информирования, благодаря которой королева была прекрасно осведомлена о том, что происходит в стране и далеко за ее пределами. Томас Грешем, «король купцов», умело руководил королевскими финансами и был первым финансовым советником Елизаветы. Опорой королевской власти на местах, как и прежде, были мировые судьи, «число которых увеличилось с менее чем десяти на графство в 1500 г. до сорока или пятидесяти в середине правления Елизаветы и до девяноста в 1603 г. Но главным тюдоровским нововведением в местном управлении оказался институт лейтенантов, ставших постоянными с 1585 г.... В соответствии со своей должностью лейтенантом становился самый знатный из местных дворян или же член Тайного совета от данного графства, хотя и были некоторые исключения. Согласно возложенным на него обязанностям, он должен был привести оборону вверенного ему округа в наилучшее из возможных состояние... все остальные местные магистраты обязаны повиноваться лейтенанту и его заместителям» (Оксфордская история Британии).

К парламенту королева Елизавета относилась настороженно, предпочитая созывать его как можно реже. За все время

своего правления (а это, напомним, почти 45 лет) она созывала его лишь 13 раз. Самих парламентариев она без стеснения именovala «седыми бородами, но глупыми головами» (*О. В. Дмитриева*). По мнению “королевы Бесс”, свобода высказывать свое мнение в парламенте была строго лимитирована. “Ваша свобода слова, – заявила она однажды, обращаясь к депутатам, – простирается не далее, чем говорить «да» или «нет» (*А. Ф. Быкова*).

Сама, будучи аристократкой, Елизавета, естественно, оказывала аристократии всяческую поддержку и помощь из королевской казны, наделяла ее должностями и земельными пожалованиями.

Вместе с тем, активно проводимая ею политика протекционизма, способствовавшая развитию торговли и промышленности Англии, свидетельствовала о том, что ее настоящей опорой является новое дворянство, купечество и промышленники, получавшие от этого огромные дивиденды.

В последние годы правления «королевы-девственницы» стали, однако, проявляться признаки кризиса абсолютизма, что выразилось, в частности, в появлении оппозиции в стенах парламента. Критике подвергалась политика правительства, связанная с раздачей торговых и промышленных монопольных патентов отдельным лицам или компаниям. Когда в 1601 г. палата общин открыто потребовала рассмотреть вопрос о монополиях, Елизавета вынуждена была уступить, «ибо она избегала открытой борьбы с парламентом» (*В. В. Штокмар*). «Некоторые монополии были отменены немедленно. Елизавета пообещала, что все злоупотребления будут расследованы. Таким образом, она ответила на вызов парламента» (*У. Черчилль*). На деле, уступки королевы были минимальными, так как аннулированными оказались лишь 12 монополий, осужденных парламентом (*Оксфордская история Британии*).

Парламент 1601 г. оказался последним парламентом королевы Елизаветы. Именно в его сессию, 30 ноября 1601 г. «Глориана» произнесла речь, вошедшую в историю как «Золотая речь». Обращаясь к парламентариям, она сказала: «Уверю вас, что нет государя, который любил бы своих подданных сильнее

Нас или чья любовь могла бы затмить Нашу. Нет такой драгоценности, которую я предпочла бы этому сокровищу – вашей любви, ибо я ценю ее выше, чем любые драгоценности или богатства... Господь вознес меня высоко, но славой своей короны считаю я то, что управляю, пользуясь вашей любовью... И я не хотела бы жить дольше, чем пока я буду видеть, что вы процветаете, и это мое единственное желание... Думаю, на этом троне у вас были и будут государи могущественнее и мудрее меня, но у вас никогда не было и не будет никого более заботливого и любящего...» (*О. В. Дмитриева*).

В последнее десятилетие ее правления один за другим ушли в мир иной все главные сподвижники «королевы Бесс». В 1588 г. умер Лейстер, в 1590 – Уолсингем, в 1598 г. – У. Сесил. На рождество 1602 г. королева отправилась в свой любимый Ричмондский дворец, который в шутку называла «теплым сундуком». В начале 1603 г. она почувствовала себя плохо. «Современные врачи полагают, – пишет Т. Борман, – что она страдала бронхопневмонией, которая губительна для ослабленных и пожилых людей» (*Т. Борман*). Вероятно, именно от этой болезни королева Елизавета и умерла на рассвете 24 марта 1603 г., назначив своим наследником короля Шотландии Якова VI Стюарта.

Давая общую оценку елизаветинского царствования, С. Дженкинс пишет: «Королева узаконила главенство короны, каким его видел ее отец Генрих VIII, и объединила под своим руководством английскую нацию. Она принесла мир и славу своему народу и, несомненно, была одним из величайших правителей Англии» (*С. Дженкинс*). Гораздо критичнее звучит оценка «Оксфордской истории Британии». «Она (Елизавета), – пишут ее авторы, – завоевала репутацию, намного превосходящую ее достижения» (*Оксфордская история Британии*).

3. Английский Ренессанс.

Как и другие страны Западной Европы в XVI в., Англия пережила эпоху Возрождения. Необычайно высокий взлет культуры Ренессанса на английской земле объяснялся рядом причин. К числу важнейших С. П. Маркова, в частности, относит

следующие: во-первых, окончательная консолидация страны; во-вторых, оформление национального государства с абсолютистским режимом; в-третьих, оформление английской нации и английского языка; при этом, разумеется, на английскую культуру немалое влияние оказали гуманистические идеи ренессансной Европы (*С. П. Маркова*), в которой «снова просыпается интерес к классической культуре Древней Греции и Рима» (*К. Дэниел*).

В английском Ренессансе можно выделить два этапа: первый – с конца XV в. до середины XVI в., который был временем возникновения и становления ренессансной культуры; второй – вторая половина XVI в., который был и временем ее наивысшего подъема (*К. Дэниел* справедливо замечает, что «именно эпоха царствования Елизаветы считается порой подлинного расцвета английского Ренессанса»), и, вместе с тем, временем начала упадка культуры Ренессанса.

На первом этапе носителями идей гуманизма и центрами Ренессанса были: королевский двор и университеты.

Определяя значение английского королевского двора в культуре Ренессанса, следует, прежде всего, отметить роль самого Генриха VIII, как ярчайшего примера «ренессансного короля», воплощавшего в самом себе роскошь, удовольствия и театральность придворной жизни. Король «сочетал в себе спортивные навыки (Генрих был отличным игроком в теннис) с глубоким интересом к музыке, богословию и другим наукам. Начиная с Генриха VIII, все Тюдоры знали латынь и древнегреческий» (*К. Дэниел*).

Королевский двор Англии был настоящим литературным объединением, местом театральных постановок, эталоном архитектурных стилей и внутреннего убранства домов для знати. Именно там «английские джентльмены обучались не только любовным интригам и политике, но и музыке и поэзии; они обретали интерес к науке и искусству; семена этой культуры они приносили с собой обратно в свои деревенские дома, чтобы посеять их там» (*Д. М. Тревельян*). При английском королевском дворе, являясь придворным живописцем, работал известный

немецкий художник Ганс Гольбейн Младший (1497–1543). Его справедливо считают основоположником портретной живописи в английском искусстве (в частности, достаточно много портретов – прежде всего самого Генриха VIII, членов королевской семьи, придворных, Т. Мора, Д. Фишера были написаны самим Гансом Гольбейном Младшим). Портреты, написанные Гольбейном, отличается жизненная правда и индивидуальность. Они поражают красотой формы и отделки. «Реалистические портреты Гольбейна, сочетающие детализированный внешний образ с отражением внутренней сущности изображаемого лица, оказали влияние на английских портретистов XVI и начала XVII вв.» (Л. Е. Кертман). Помимо своей основной работы портретиста, Гольбейн создавал многочисленные эскизы придворных обличий Генриха VIII, отличавшихся потрясающей пышностью и эффектностью.

В литературном дворцовом кружке читали произведения античных авторов, сочинения французских и итальянских писателей эпохи Ренессанса. Под влиянием Петрарки в английской поэзии обрел популярность жанр сонета.

В XVI в. меняется социальная структура студенчества. На место средневековых студентов-клириков приходят дети дворян и состоятельных горожан. Дворянам и буржуазии образование было необходимо, так как они готовились теперь к государственной службе и к практической предпринимательской деятельности. Преподаватели английских университетов в Кембридже и Оксфорде находились под заметным воздействием европейских гуманистических идей. «Английские гуманисты, знатоки древних языков, античной литературы и философии приобрели большое влияние в Кембриджском и Оксфордском университетах (В. В. Штокмар).

Оксфордский гуманистический кружок возглавлял Джон Колет (1466–1519), читавший лекции, посвященные текстам Священного писания. По его мнению, критический исторический и лингвистический анализ этих текстов дает возможность лучше понять Библию. Основой педагогической системы окс-

фордских гуманистов было всестороннее светское образование, целью которого было воспитание сознательных граждан, добросовестных членов общества и настоящих христиан. Оксфордский кружок и Джон Колет оказали большое влияние на формирование мировоззрения Т. Мора.

После того, как он покинул Оксфорд, Джон Колет стал настоятелем Лондонского собора Св. Петра. При соборе, на средства купцов – меценатов, им была основана светская школа. «Эта школа стала важным явлением культурной жизни Англии» (*С.П. Маркова*). Программы и учебники для этой школы были составлены самим Колетом и его единомышленниками-гуманистами.

Самой выдающейся фигурой английского гуманизма первой половины XVI в. был Томас Мор (1478–1535). Профессиональный юрист, член парламента, член королевского совета, лорд-канцлер Англии, хранитель большой печати Мор знаменит, однако, не этим. На века его прославил «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия». Более краткое название сочинения Мора звучит как «Утопия» (1516). Эта работа была первой в ряду так называемых утопических романов, в котором Мор подверг «беспощадной критике английские порядки эпохи первоначального накопления капитала» (*В. В. Штокмар*). Она «дала начало течению общественной мысли Европы – утопическому социализму» (*С. П. Маркова*).

В первой части своей работы Т. Мор анализирует современное положение Англии, которое подвергается им резкой критике. В частности, осуждается политика государства, которое своими действиями заставляет страдать свой народ. Нелицеприятно характеризуется «огромное число знати», ведущей паразитический образ жизни и огораживания, в процессе которых «овцы поедают людей, разоряют и опустошают поля, дома и города». Определяя общую причину всех зол, Т. Мор видит ее в господстве частной собственности.

Во второй части работы Т. Мор противопоставляет совре-

менному ему английскому обществу строй наилучшего государства, названного им островом Утопия. На этом острове нет частной собственности, все люди трудятся, и, при этом, всего лишь шесть часов, а остальное время посвящают наукам, искусству и спорту. Богатства острова принадлежат всем жителям Утопии, и каждый пользуется ими по потребностям. Ликвидировав частную собственность, упразднив деньги, утопийцы тем самым покончили с воровством, убийствами и предательством. Политическое устройство острова Утопия основано на всеобщих выборах, а управляют страной безупречные в моральном смысле ученые–философы.

Кроме «Утопии» Т. Мор написал латинские эпиграммы, перевел на английский язык биографию Пико де ла Мирандолы и его сочинения, а также начал писать «Историю Ричарда III», которая, хоть и осталась незавершенной, по-видимому, вдохновила Шекспира написать его знаменитую драму «Ричард III».

На втором этапе английского Ренессанса (во второй половине XVI в.) важнейшим центром интенсивной культурной и интеллектуальной жизни продолжал оставаться королевский двор. Тон в нем задавала королева Елизавета Тюдор – «талантливая и широко образованная женщина» (С. П. Маркова). Двор Елизаветы «сыграл большую роль в формировании английского литературного языка, в определении форм литературного творчества» (С. П. Маркова). Не удивительно поэтому, что «образ самой Елизаветы вдохновил Эдмунда Спенсера (1522–1599) на создание поэмы «Королева фей» (1589, 1596) (К. Дэниел). Это была «аллегорическая, эпическая поэма, в которой тщательно, на многих уровнях рассматривалось государство конца правления Елизаветы...». «Моим намерением в целом, писал сам Спенсер в посвящении, адресованном Уолтеру Рэли, – было отобразить славу в «Королеве фей», однако, в частности, я изобразил совершеннейшую и славную нашу повелительницу – королеву в королевстве фей...» (Оксфордская история Великобритании).

В английской литературе второй половины XVI в. ведущими жанрами становятся поэзия и драма.

Одним из самых ярких поэтов Елизаветинской поры был

аристократ, выпускник Оксфорда придворный и дипломат Филип Сидни (1554–1586), написавший пасторальный роман «Аркадия» (1581). Он прославился своими сонетами. Сидни был одним из тех, кто возродил «английскую лирическую поэзию и сонет, как красноречивое и классическое выражение творческой силы» (*Оксфордская история Британии*). Начиная с Сидни форма сонета является предпочтительной для всех английских поэтов второй половины XVI в.

Исключительного развития в это время достигла английская драма. Как справедливо заявила В. В. Штокмар: «Это эпоха расцвета английского театра» (*В. В. Штокмар*). Профессиональный театр в Англии возникает именно в период правления Елизаветы, которая любила драму и покровительствовала актерам. Актерская труппа в ту пору состояла обычно из 10–15 человек (мужчин и мальчиков); долгое время театры были представлены бродячими труппами актеров; первый стационарный театр был открыт лишь в 1576 г. актером и антрепренером Джеймсом Бербеджем на окраине Лондона. Он получил название «Театр», а самого Джеймса Бербеджа справедливо прозвали «первым строителем театров». К началу XVII в. в столице насчитывалось уже двадцать постоянных театров. Самым популярным у них был Шекспировский «Глобус». Самыми известными драматургами Англии этого периода были: Кристофер Марло (1564–1593), автор трагедий «Тамерлан Великий» (1588), «Мальтийский еврей» (1590), «Трагическая история доктора Фауста» (1589), Бен Джонсон, (1573–1637), автор комедий «Вольпоне» (1605), «Варфоломеевская ярмарка» (1614), Томас Кид (1558–1594), автор «Испанской трагедии» (1587) и, конечно же, Вильям Шекспир.

Вильям Шекспир (1564–1616) родился в семье богатого ремесленника и торговца в г. Стратфорде-на-Эйвоне, где получил первоклассное образование в «грамматической школе» (*К. Дэниел*). В 1587 г. он переселился в Лондон и поступил в труппу Р. Бербеджа. Первоначально, он стал известен как автор поэм «Венера и Адонис» (1593) и «Лукреция» (1594), а в 1591 г.

появилась его первая пьеса «Комедия ошибок». В 1599 г. Шекспир стал пайщиком театра «Глобус». «Все его тридцать восемь пьес написаны в период с 1591 г. по 1612 г.» (*К. Дэниел*). В 1612 г. он отошел от драматургии и вернулся в Стратфорд, где и прожил до самой смерти. Шекспир умер 23 апреля 1616 г. в возрасте 52-х лет, но оставил после себя богатейшее наследие, которое «поразительно по содержанию и по форме» (*С. П. Маркова*). В него входят: исторические хроники, философские трагедии, лирические комедии, романтические драмы-сказки и 154 сонета.

Шекспир пишет пьесы-хроники, такие, как «Генрих VI», «Ричард II», «Ричард III», «Генрих IV», «Генрих V», «Генрих VII» «Король Джон» и комедии: «Укрощение строптивой», «Двенадцатая ночь», «Сон в летнюю ночь» и «Много шума из ничего».

В своих хрониках Шекспир заставляет зрителей обращаться к собственной истории, а в комедиях, прославляя мир, в котором жил человек.

Первый период творчества Шекспира завершает трагедия «Ромео и Джульетта» (1594–1595) – подлинный гимн человеческой любви.

Во второй период творчества (на рубеже XVI–XVII вв.) Шекспир создает ряд выдающихся произведений. Это трагедии – «Гамлет» (1600–1601), «Отелло» (1604), «Король Лир» (1605–1606), «Макбет» (1605), «Антоний и Клеопатра» (1607), «Юлий Цезарь» (1599), которые принесли ему подлинную славу.

«Трагедии Шекспира – это глубокие размышления о роли и месте человека в обществе, о противостоянии добра и зла, о поиске смысла жизни» (*С. П. Маркова*). «Его драматургия – вершина литературы Возрождения» (*В. В. Штокмар*). «Его сферой был поведенный мир: жизнь и смерть, деньги, страсть, сцена и кабак – эти предметы стали предметом несравненной драмы и поэзии. Богатство его личного опыта является, пожалуй, главной причиной того, что его сочинения имеют столь широкую аудиторию; них нет и намек на фанатизм или интеллектуальный снобизм» (*Оксфордская история Британии*). В конце жизни Шекспир сочиняет ряд трагикомедий (романтических

драм), таких, как: «Зимняя сказка», «Цимбелин», «Буря», в которых, с помощью своих героев, пытается найти позитивное решение жизненных конфликтов. Кроме того, Шекспир был величайшим реформатором английского языка. «Драматург придумал тысячи новых слов, и более 1700 из них до сих пор используются в современном английском» (Т. Борман).

На втором этапе развития английского Ренессанса интенсивно развивается историческая наука. В это время появляется не мало так называемых антикваров – собирателей монет, старинных документов, коллекций гербов и составителей генеалогий. Одним из самых известных антикваров был Ричард Хаклюит (1552–1616) составивший, на основе отчетов о путешествиях на запад и восток, в Америку и Россию «энциклопедическое собрание под названием «Основные плавания английской нации» (1589) (другое название – «Книга путешествий»). Энциклопедия Британика определяет сочинение Р. Хаклюита, как «национальный эпос в прозе».

Официальную историю правления королевы Елизаветы I написал У. Кемден (1551–1623), ревностный собиратель материалов по истории, географии и археологии Англии. Он был самым знаменитым тюдоровским историком второй половины XVI века. Современники называли его «английским Страбонном». По мнению Кемдена, основным принципом любого исторического исследования является факт, подтвержденный источником.

В 1572 г. единомышленниками У. Кемдена было образовано ученое общество антиквариев. С этого момента началось активное изучение местной истории английских городов и графств. В результате этого, через сто лет, каждое графство Англии имело уже собственную историю.

Вторая половина XVI в. характеризуется расцветом искусства в Англии. Особенное развитие, при этом, получает живопись. При дворе возникает и получает дальнейший импульс к совершенствованию особый жанр портретных миниатюр, «схватывающих» изящество движений, остроумие улыбки и эти украдкой брошенные взгляды, которые внезапно сверкают,

словно молния, а затем их сменяет другое выражение. Ключом к этому стилю была интимность, сочетавшаяся с богатством символических аллюзий, что добавляло интеллектуальной глубины портретным миниатюрам – отражениям (*Оксфордская история Британии*).

Его основателем считается любимый художник королевы Елизаветы I – ученик ювелира Николас Хиллиард (1547–1619). Этот живописный жанр получил дальнейшее развитие в работах ученика Хиллиарда Исаака Оливера (1566–1617). Он внес в этот жанр кое – что свое, заменив, в частности, декоративный фон – пейзажем. Оливер широко использовал светотень и был более романтичен, чем его учитель.

В период правления Тюдоров происходят большие изменения в архитектуре. Авторы «Оксфордской истории Британии» даже характеризуют последнюю треть XVI в. – начало XVII в. ни много, ни мало, как «английскую строительную революцию» (*Оксфордская история Британии*). При Генрихе VIII многие из его резиденций строятся в стиле, так называемой, перпендикулярной готики. «Влияние нового ренессансного стиля прослеживается в архитектуре знаменитого дворца Гэмптон-Корт, в надгробии Генриха VII в Вестминстере и в отдельных частях капеллы Королевского колледжа в Кембридже» (*В. В. Штокмар*). Ренессансный стиль ощущается в это время в мебели, скульптуре, gobelenaх и коврах.

Дворцы аристократов, богатых купцов и финансистов возводятся в итальянском стиле. В домах появляются (не характерные для предыдущего периода) специализированные комнаты: спальни, гостиные, кабинеты и библиотеки. В аристократических особняках «появляется длинная галерея, по которой можно было прогуливаться, обозревая окрестности через окна» (*Т. В. Ковалевская, Ф. А. Вагизова, Е. В. Семенюк*). Входят в моду широкие окна, двухъярусные каминные и непременно атрибут загородных усадеб становятся парки. В целом, жизнь становится гораздо более комфортабельной.

Говоря об английском Ренессансе, нельзя не сказать о раз-

витии научных знаний в Англии XVI в. Нужды развития сельского хозяйства, ремесла и мореплавания настоятельно требовали новых достижений в области прикладного знания. В 1600 г. У. Гилберт (1540–1603) опубликовал исследование о магнитных полях и земном магнетизме – одну из важнейших книг по физике. Джон Гейль написал сочинение об огнестрельных ранах. Т. Хэрриот стал одним из создателей учения об алгебраических формулах. Д. Непер открытием логорифмов облегчил математические вычисления.

Успехи естествознания, в свою очередь, оказали большое воздействие на исследования в социально-политической сфере. Новый взгляд на природу, общество и человека особенно ярко проявился в трудах философа, политика и литератора Фрэнсиса Бэкона (1561–1626). Наиболее известным из его сочинений является «Новый Органон» (1620). Ф. Бэкона справедливо называют основателем материализма. Это мнение имеет под собой достаточно прочное основание, так как сам Бэкон утверждал, что теологические вопросы должны изучать теологи, но изучение материального мира – сфера деятельности ученых. Главным методом познания Бэкон считал опытно-индуктивный в противовес спекулятивно-дедуктивному, на котором зиждилась средневековая наука. «Не в догматах религии, не в схоластическом оперировании цитатами путь к познанию природы, а в наблюдениях и опыте. Не ссылака на Библию или Аристотеля может послужить доказательством справедливости той или иной научной теории, а ее проверка на практике». «Польза и дело служит порукой и свидетелем верности теории» – такова главная – и новая для того времени – мысль Бэкона в области теории познания (*Л. Е. Кертман*). От частных к общему – единственно верный метод для всех наук по Бэкону. Целью человеческого знания, смыслом науки ученый считал получение инструментария для преобразования мира и улучшения жизни человека. Бэкон был убежден, что управлять обществом можно лишь опираясь на достижения всех наук. «Материалистическая философия Бэкона не только оказала влияние на философскую мысль и развитие естественных наук в его время и в последующие века,

но и имела широкое общественное значение. Вера в безграничные способности человека, решительная борьба против всякого ограничения научной мысли – расковывала не только мысль естествоиспытателя, но и общественную мысль вообще» (Л. Е. Кертман).

Хронологическая таблица

- 9–7 тыс. лет назад – Британия отделилась от Европейского континента
- Ок. 2000 г. до н.э. – на западе Британских островов высадились племена иберов
- 1800–1750 гг. до н.э. – на Британские острова вторгается с континента так называемый «Народ чаш»
- Ок. 1800 г. до н.э. – на территории Британии появляются многочисленные мегалитические сооружения
- 800–700 гг. до н.э. – на территории Британских островов появляются кельты
- II–I вв. до н.э. – войны между кельтскими племенами в Британии
- 55 г. до н.э., август – первый поход Цехаря в Британию
- 54 г. до н.э., лето – второй поход Цезаря в Британию
- 43 г. – начало завоевания Британии римлянами в правление императора Клавдия
- 47 г. н.э. – основание римлянами г. Лондиния
- 50 г. – победа римлян над Каратаком
- 60 г. – покорение римлянами Северного Уэльса
- 59–61 гг. – восстание иценов по предводительством Боудикки
- 70–80 гг. – окончательное покорение римлянами Уэльса
- 78–84 гг. – походы Гнея Юлия Агриколы в Британии
- 115–120 гг. – антиримское восстание в Северной Британии
- 120 г. – строительство «Адрианова вала» на Севере Британии
- 140 г. – строительство «Антонинова вала» на Севере Британии
- 208 г. – поход императора Септимия в Британию
- III в. – нападения на территорию Римской Британии племен пиктов, ирландцев, саксов, англов, ютов
- 343–383 гг. – первый этап падения Римской Британии
- 383–410 – второй этап падения Римской Британии
- 407 г. – римские легионы покидают Британию
- 440–600 гг. – англосаксонское завоевание Британии
- 440–1066 гг. – англосаксонский период истории Британии
- 547 г. – основание королевства Нортумбии Идой
- 597 г. – начало христианизации англосаксов

VII–VIII вв. – период гептархии в Британии
VII в. – время возвышения королевства Нортумбрия
VIII в. – время возвышения королевства Мерсия
757– 796 гг. – правление короля Оффы в Мерсии
785 г. – строительство «Вала Оффы»
Конец VIII – IX вв. – набеги норманнов (викингов) на Британию
Вторая половина IX в. – войны с данами (датчанами)
871–899 гг. – правление Альфреда Великого
879 г. – победа англосаксов при Эддингтоне
879 г. – подписание Уэдморского мирного договора с датчанами
959–975 гг. – правление короля Эдгара в Уэссексе
60–70 гг. X в. – появление названия «Англия» вместо «Британия»
979–1016 гг. – правление короля Этельреда Неразумного
1017–1035 гг. – правления Канута Великого
1035–1042 гг. – правление сыновей Канута Гарольда и Гарди-канута
1042 –1066 гг. – правление Эдуарда Исповедника
1066 г., 5 января – смерть Эдуарда Исповедника
1066 г., январь – октябрь – правление последнего англосаксонского короля Гарольда
1066 г. 14 октября – битва при Гастингсе. Начало завоевания Англии нормандцами
1066–1087 гг. – правление короля Вильгельма I Завоевателя
1069 г. – антинормандское восстание на севере Англии
1085–1086 гг. – земельная перепись. «Книга Страшного Суда».
1087–1100 гг. – правление короля Вильгельма II Руфуса
Около 1100 г. – начало строительства Тауэра в Лондоне
1100 – 1135 гг. – правления короля Генриха I Боклерка
1135 –1154 гг. – Баронская смута в Англии
1154–1399 гг. – Династия Плантагенетов в Англии
1154–1189 гг. – правления короля Генриха II Плантагенета
60–70 гг. XII в. – проведение судебной реформы Генрихом II
80 гг. XII в. – проведение военной реформы Генрихом II

1170 г., 29 декабря – убийство архиепископа Кентерберийского Томаса Бекета
1171–1172 г г. – начало завоевания англичанами Ирландии
1189–1199 гг. – правление короля Ричарда Львиное Сердце
1199–1216 гг. – правление короля Иоанна Безземельного
1205 –1213 гг. – конфликт Иоанна Безземельного с папой Иннокентием III
1202 –1204 гг. – война Иоанна Безземельного с Филиппом II Августом
1214 г., 27 июля – битва при Бувине
1215 г., 15 июня – «Великая хартия вольностей»
1216–1272 гг. правление короля Генриха III
1258 г. – принятие «Оксфордских провизий»
1259 г. – принятие «Вестминстерских провизий»
1263–1265 гг.– гражданская война в Англии
1272–1307 гг. правление короля Эдуарда I
1265 г., 4 августа – битва при Ивешаме
1272–1307 гг. правление короля Эдуарда I
1285 г. – покорение Уэльса Эдуардом I
1286–1314 гг. – борьба англичан за овладение Шотландией
1295 г. – созыв «Образцового» парламента
1307–1327 гг. – правление короля Эдуарда II
1314 г., 24 июня – поражение Эдуарда II при Баннокберне
1327–1377 гг. – правление короля Эдуарда III
1328 г. – поражение англичан в Шотландии
1320 –1384 гг. – Джон Уиклеф
1337–1453 гг. – Столетняя война
1340 г., 24 июня – морская битва при Слейсе
1346 г., 26 августа – битва при Креси
1347 г. – захват англичанами г. Кале
1348–1349 гг. – «Черная смерть»
1356 г., 19 сентября – битва при Пуатье
1377–1399 гг. – правление короля Ричарда II
1381 г. – восстание Уота Тайлера.
1397 г. – «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера
1399–1461 гг. - Династия Ланкастеров в Англии

1399–1413 гг. – правление короля Генриха IV Ланкастера
1400–1409 гг. – восстание в Уэльсе под предводительством Глендоуэра
1401 г. – статут «О сожжении еретиков»
1413–1422 гг. – правление короля Генриха V
1414 г. – восстание лоллардов под предводительством Джона Олджастла
1415 г., 25 сентября – битва при Азенкуре
1422–1471 гг. – правление короля Генриха VI
1455–1485 гг. – Война Алой и Белой роз
1460 г. – гибель Ричарда Йорка
1461–1483 гг. – правление короля Эдуарда IV
1472 г. – создание Совета Севера и Совета марки Уэльса
1477 г. – начало работы первой типографии У. Кэкстона в Вестминстере
1483–1485 гг. – правление короля Ричарда III
1485 г., 22 августа – битва при Босворте
1485–1603 гг. – Династия Тюдоров в Англии
1487 г. – мятеж ирландских йоркистов против короля Генриха VII («мятеж Симнея»)
1488 г. – билль о государственной измене
1488 г. – учреждение «Звездной палаты»
1495 г. – принятие первого из серии «кровавых законов»
1497–1498 гг. – экспедиция Джона Кабота
Конец XV–XVI вв. – Аграрная революция в Англии
1509–1547 гг. – правление короля Генриха VIII
1512 г. – возобновление англо-шотландского союза
1513 г., 16 августа – «Битва шпор»
1513 г., 24 сентября – Битва при Флондене
1520 г., июнь – «Поле золотой парчи»
1515–1529 гг. – канцлерство кардинала Томаса Уолси
1529–1536 гг. – Парламент реформации
1531 г. – объявление Генриха VIII «верховным главой английской церкви»
1532–1540 гг. – возвышение Томаса Кромвеля
1534 г. – принятие Акта о супрематии

1535 г., 6 июля – казнь Томаса Мора
1536–1537 гг. – «Благодатное паломничество»
1539 г. – принятие «кровавого статута»
1540 г., 28 июня – казнь Томаса Кромвеля
1541 г. – провозглашение Генриха VIII королем Ирландии
1547 г, 26 января – смерть Генриха VIII
1547–1553 гг. – правление короля Эдуарда VI
1547–1549 гг.– регентство Сомерсета
1549 г. – восстание под предводительством Роберта Кета.
1549–1553 гг. – регентство Нортумберленда
1549 г. принятие «Книги общественного богослужения»
1553–1558 гг. – правление королевы Марии Кровавой
1554 г. – восстание Уайтта
1554 г., июль – брак Марии Кровавой с Филиппом Испанским
1554 г. – создание Московской компании
1558 г., 7 января – французские войска занимают город Кале
1558–1603 гг. – правление королевы Елизаветы I Тюдор
1561–1626 гг. – Фрэнсис Бэкон
1564–1616 гг.– Вильям Шекспир
1577–1580 гг.– Экспедиция Дрейка – второе кругосветное путешествие
1584 г. – заговор Трогмортон
1586 г. – заговор Бабингтона
1587 г., 8 февраля – казнь Марии Стюарт
1587 г., апрель – нападение Дрейка на г. Кадис
1588 г., май–октябрь – «Непобедимая армада»
1593 г. – принятие статута против пуритан
1595–1604 гг. – восстание в Ирландии под предводительством графов Тирона
и Тирконелла
1597 г. – изгнание ганзейских купцов из Англии
1597–1599 гг. – экспедиция графа Эссекса в Ирландию
1600 г. – создание Ост-Индской компании
1601 г. – заговор и казнь Эссекса
1601 г., 30 ноября – «Золотая речь» королевы Елизаветы I
1603 г., 24 марта – смерть королевы Елизаветы I Тюдор

Список источников и литературы

Источники

1. Англия. Автобиография / Под ред. Дж. Льюиса – Стемпела. М., 2018.
2. Английская деревня XIII–XIV вв. и восстание Уота Тайлера/ Сост. Е. А. Косминский, Д. М. Петрушевский. М., Л., 1935.
3. Английская реформация/ Под ред. Ю. М. Сапрыкина. М. 1990.
4. Англосаксонская хроника IX–XI века/ Издание подготовлено З. Ю. Метлицкой. СПб, 2010.
5. Англосаксонские хроники/ Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов/ Пер. В. В. Эрлихмана. СПб, 2003.
6. Ансельм Кентерберийский. Сочинения/ Пер. И. В. Купревой. М., 1995.
7. Ассер. Жизнь Альфреда Великого// Стасюлевич М. М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых: в 3-х тт. Пг., 1903–1916. Т. II. Пг., 1915.
8. Баллады о Робин Гуде. Л., 1980.
9. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов; Письмо Беда Достопочтенного Эгберту; Письмо Кутберта о болезни и смерти Беда/ Пер. В. В. Эрлихмана. СПб: «Алетейя», 2003.
10. Беовульф Азбука – классика. СПб, 2006.
11. Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. М., 1990.
12. Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х тт. М., 1977–1978.
13. Вестминстерские статуты/ Пер. Е. В. Гутновой. М., 1948.
14. Гильда Премудрый. О гибели Британии. Фрагменты посланий. Житие Гильды. СПб: «Алетейя», 2014.
15. История бриттов. Жизнь Мерлина // Гильфрид Монмутский. – Москва: Наука, 1984.
16. Кельты. Валлийские сказания. – Москва: АРТ-Флекс, 2000.
17. Мабиногион. – Москва: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1995.

18. Мальмсберийский В. История английских королей/Пер. Т. И. Кузнецовой// Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М.,1972.
19. Мор Т. Утопия. М.,1953.
20. Мор Т. Эпиграммы. История Ричарда III. М., 1973.
21. Ненний. История бриттов // Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (исследования и тексты). – Иваново, 2000. – С. 222–233.
22. Памятники истории Британии: с древнейших времен до конца XII века: [хрестоматия] / Сост. Воробьева О. В. – Липецк: Изд-во Липецкого государственного педагогического университета, 2007.
23. Памятники истории Англии XI –XIII вв / Пер. и введ. Д. М. Петрушевского. М.,1936.
24. Средневековая Англия в источниках. XI–XIII вв./ Сост. С. П. Маркова. Майкоп, 2007.
25. Тацит К. Анналы (любое издание).
26. Тацит К. Жизнеописание Юлия Агриколы (любое издание).
27. Транквилл Гай Светоний. Жизнь 12-ти Цезарей (любое издание).
28. Уэльс: Хроники бриттов: Книга сказаний / Пер., сост. и коммент. Шабалов С. В.. – М.; СПб, 2005.
29. Хантингдонский Генрих. История англов. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015.
30. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. В. П. Корецкого. М.,1961.
31. Хрестоматия по истории средних веков: в 3 т./ Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. Т.1–3. М.,1949–1950.
32. Цезарь Гай Юлий. Записки о Гальской войне (любое издание).
33. Чосер Д. Кентерберийские рассказы. М.,1980.
34. Шекспир В. Полное собрание сочинений. В 8-ми томах. М., 1957–1960.

Литература

1. Ives E. Henry VIII. Oxford Univ. Press, 2007.
2. Авдеева К. Д. Внутренняя колонизация и развитие феодализма в Англии в XI–XIII вв. – Л., 1973
3. Авдеева К. Д. Ранние огораживания и борьба за общинные земли в Англии в XIII веке. – Л., 1951.
4. Аникст А. А. Шекспир. М.: «Молодая гвардия», 1964.
5. Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма XI–XIII вв. М., 1962.
6. Барг М. А. Нормандское завоевание и становление крепостничества в Англии // Вопросы истории; № 7. 1957. – С. 87–103.
7. Басовская Н. И. Столетняя война: леопард против лилии. – М., 2010.
8. Басовская Н. И. Англия и Франция в международной жизни Западной Европы XII–XV вв. // Средние века. М., 1991. Вып. 54..
9. Басовская Н. И. Политика английской короны по отношению к феодалам Гаскони в конце XIII – начале XIV в. // Европа в средние века: экономика, политика, культура. – Москва: Наука, 1972., С. 175–188.
10. Белороссов Н. Д. Очерки истории церкви в Англии от времен Вильгельма Завоевателя до реформации. – СПб, 1869.
11. Блэк Дж. История Британских островов. СПб, 2008.
12. Богодарова Н. А. Культура английского средневекового города в XIV – начале XV в. [по литературным памятникам]. – М., 1978.
13. Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии: в 2-х тт. М.: «Мысль», 2000.
14. Борман Т. Частная жизнь Тюдоров. Секреты венценосной семьи. М.: Изд-во «Э», 2017.
15. Брайант А. Эпоха рыцарства в истории Англии. СПб: «Евразия», 2001.
16. Брук К. Саксонские и нормандские короли 450–1154. М.: Центрполиграф, 2011.

17. Быкова А. Ф. История английской конституции. Рассказы из истории Англии XI–XIX вв. М.: «АФИ», 2015.
18. Воробьева О. В. Истоки формирования британской нации: [учебно-методическое пособие]., Липецк: Изд-во Липецкого государственного педагогического университета, 2007.
19. Виноградов Б. Г. Исследования по социальной истории Англии в Средние века. СПб, 1887.
20. Виноградов Б. Г. Средневековое поместье в Англии. СПб, 1911.
21. Гаврилов С. Н. Английский флот эпохи Тюдоров как государственный институт. Ростов-на-Дону: изд-во ЮФУ, 2014.
22. Гаврилов С. Н. Томас Кромвель – первый министр Генриха VIII // В тени великих. Образы и судьбы. Сб. науч. статей / Под ред. Л. П. Репиной. СПб, 2010.
23. Гаврилов С. Н. Томас Уолси – «alter Rex» Англии (1514–1529 гг.) // сб. Слава и забвение. Парадоксы биографики. Сб. науч. статей/Под ред. Л. Б. Репиной. СПб, 2014.
24. Гаврилов С. Н. Томас Кромвель – первый министр Генриха VIII // В тени великих. Образы и судьбы. Сб. науч. статей / Под ред. Л. П. Репиной. СПб, 2010.
25. Гаврилов С. Н. Дрейк, сэра Фрэнсис // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т.1. М., 2007.
26. Геллертов А. П. Феодалная олигархия и гражданская война в Англии во второй половине XIII века (1258–1267). – Горький, 1954.
27. Гиббинс Г. Английские реформаторы. М., 1896.
28. Глебов А. Г. Англия в раннее Средневековье. СПб, 2015.
29. Городцов П. Д. Предшественник реформации Джон Виклеф. Его жизнь и реформаторская деятельность. Пг., 1917.
30. Грин Д. Р. История Англии и английского народа. М.: «Кучково поле», 2007.
31. Гриффитс Р. А., Томас Р. С. Становление династии Тюдоров. Ростов-н/Д, 1997.

32. Губанова О. В. и др. Англия и Уэльс в период позднего средневековья // Губанова О. В., Кузнецов Е. В., Меркулова Т. Б., Минеева Т. Г., Романовская В. Б./ Отв. ред. Кузнецов Е. В. – Арзамас: Изд-во Арзамасского государственного педагогического института, 1999.
33. Губарев В. К. Фрэнсис Дрейк. М: «Молодая гвардия», 2013.
34. Гуревич А. Я. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства // Средние века. М., 1953. Вып. 4.
35. Гуревич А. Я. Из истории имущественного расслоения общинников в процессе феодального развития Англии // Средние века. М., 1955. Вып. 7.
36. Гутнова Е. В. Борьба крестьян с представителями феодального государства в Англии XIII–XIV вв. // Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. – М., 1983. С. 118–146.
37. Гутнова Е. В. Возникновение английского парламента. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1960.
38. Гутнова Е. В. Экономические и социальные предпосылки централизации английского феодального государства в XII–XIII вв. // Средние века. Сборник. Выпуск 9. М., 1957 – С. 195–253.
39. Данцигер Д., Гиллингэм Дж. 1215. Год Великой хартии вольностей /, Пер. Болотников В. Пер. Климин А. И. – Москва; Санкт-Петербург; Санкт-Петербург: Фонд Эрвез: Симпозиум: Александрия, 2009.
40. Дженкинс С. Краткая история Англии. М., 2015.
41. Дмитриева О. В. Елизавета Тюдор. – Москва: Молодая гвардия, 2004.
42. Дмитриева О. В. Елизавета I. Семь портретов королевы. – М.: «Янус-К», 1998.
43. Дмитриева О. В. Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. М., 1990.
44. Добиаш-Рожественская О.А. Крестом и мечем. Приключения Ричарда I Львиное Сердце. М., 1991.
45. Дэниел К. Англия. История страны. М.: «Эксмо», 2008.

46. Евсеев В. А. Английский город в XVI –XVII вв.: специфика регионального развития. Нижняя Новгород, 1997.
47. Елизавета I – королева Англии: [Сборник статей] / Авт. вступ. ст. и сост. Панкеев И. А. – Москва: «Контракт», 1997.
48. Ерохин В. Н. Пуританское движение в Англии в XVI – начале XVII века в освещении современной англо-американской историографии / Кол. авт. Нижневартровский государственный педагогический институт. Кафедра всеобщей истории. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета (УрГУ), 2001.
49. Зельцман Л. Ф. Жизнь Англии в средние века. СПб: «Евразия», 2014.
50. Зюмтор П. Вильгельм Завоеватель. М.: «Молодая гвардия», 2010.
51. Ивонин Ю. Е., Ивонина Л. И. Властители судеб Европы. Императоры, короли, министры XVI–XVII вв. Смоленск: «Русич», 2004.
52. Исаенко А. В. Пуританская реформация в Англии в XVI–начале XVII века. Орджоникидзе, 1980.
53. История государства и права зарубежных стран (Рабовладельческие и феодальные государство и право) / Под ред. П. Н. Галанзы. М.,1980.
54. История Англии. Подробный справочник по истории. Робин Иглз. М.: «Астрель», 2010.
55. История Великобритании/ Под ред. К. О. Моргана. М.: «Весь мир», 2008.
56. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. В 3-х тт. М.,1985–1986.
57. Кертман Л. Е. География, история и культура Англии. М.,1979.
58. Кесслер Ульрика. Ричард I Львиное Сердце: Король. Крестоносец. Авантюрист: [Пер. с нем.].– Харьков; Ростов-на-Дону: Фолио: Феникс, 1997.
59. Кириллова А. А. Социальная борьба в английском городе XIV–XV вв. – М., 1968.

60. Ковалевская Т. В., Вагизова Ф. А., Семенюк Е. В. История, литература и культура Великобритании. Учебник. М.: РГГУ, 2012.
61. Косминский Е. А. Английская деревня в XIII веке. М. – Л., 1935.
62. Косминский Е. А. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М. – Л., 1947.
63. Косминский Е.А. Проблемы английского феодализма и историографии Средних веков. М., 1963.
64. Крусман В. Э. На заре английского гуманизма. – Одесса: 1915.
65. Крылова С. Е. Английское государство и проблема французских владений Плантагенетов в середине XII в. // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1980. – С. 26–32.
66. Ласкова Н. В. Некоторые аспекты ранней истории пиктов и скоттов в британской историографии // Рубикон; Вып. 4, 1999. – С. 30–34.
67. Ласкова Н. В. Некоторые аспекты ранней истории пиктов и скоттов в британской историографии // Исторические этюды. Вып. 2. Ростов-на-Дону, РГУ, 1997. С. 29–36.
68. . Ласкова Н. В. Датско-шотландские отношения второй половины XV–XVI вв. // Исторические этюды. Вып. 5. Ростов-на-Дону, РГУ, 2002. С. 49–52.
69. Ласкова Н. В., Магаков Г. Ю. Отношения между Шотландией и Данией в эпоху позднего Средневековья // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/12/60620>.
70. Ласкова Н. В. Колонизация шотландских окраин в XVI–первой четверти XVII вв. Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 3 (29) С. 43–46.
71. Ласкова Н. В. Отражение связи «старой» и Новой Шотландии в памятниках средневековой шотландской архитек-

- туры // Британия: история, культура, образование. Сборник статей международной научной конференции 13–14 сентября 2018 г. Вып. 4. Ярославль, ЯГПУ, 2018. С. 572–576.
72. Левицкий А. Я. Проблема взаимоотношений города и деревни в средневековой Англии (XI–XIII вв.) и историко-экономическое направление в английской историографии // Средние века: Сборник. – Москва: «Наука», 1942. Вып. 32. – С. 271–283.
73. Левицкий А. Я. Город и феодализм в Англии. М., 1987.
74. Леонова Т. А. Начальный этап формирования антипапского законодательства в Англии XIV в. // Социально-политические отношения в Западной Европе (средние века – новое время) – Уфа, 1988 – С. 11–24.
75. Ли Б. А. Альфред Великий, глашатай правды, создатель Англии 848–899. СПб, 2006.
76. Лоуз Д. Генрих VIII и его королевы. Ростов-н/Д.: «Феникс», 1997.
77. Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М., 1967.
78. Маркова С. П. Англия эпохи Средневековья и раннего нового времени. Учебное пособие. М., 2007.
79. Маркова С. П. Очерки истории торговли Англии (XIV–XVII вв.). Майкоп, 1996.
80. Маркова С. П. Повседневная жизнь средневекового человека по материалам завещаний и описей имущества жителей Йорка // Вопросы теории и методологии истории. Майкоп, 2001. Вып. 3.
81. Маркова С. П. Письма Иннокентия III в Англию – источник по истории английского направления европейской политики папства // Вопросы теории и методологии истории. Майкоп, 2003. Вып. 4.
82. Мельникова Е. А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987.

83. Минеева Т. Г. Конституционное развитие Англии XIV–XV вв. / Кол. авт. Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара. – Арзамас, 2005.
84. Минеева Т. Г. Политика и власть: Англия трех Генрихов (1399–1471) / Науч. ред. Осинковский И. Н. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2001.
85. Мортон А. Л. Английская утопия. М., 1956.
86. Мортон А. Л. История Англии. М., 1950.
87. Моруа А. История Англии. М.: «Колибри», 2017.
88. Мосолкина Т. В. Повседневная жизнь английского средневекового города // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей; Т. 3– Москва: «Наука», 2000. – С. 288–294.
89. Олтаржевский В. П. Из истории английской Ост-Индской компании первой половины XVII века. Иркутск, 1971.
90. Осипова Т. С. Ирландский город и экспансия Англии в XII–XV вв. М., 1973.
91. Очерки по истории Англии: Средние века и новое время / Под ред. Г. Р. Левина. М., 1959.
92. Перну Р. Ричард Львиное Сердце. М.: «Молодая гвардия», 2009.
93. Перфилова Т. Б. История римской Британии в работах русских и советских специалистов // Европейская историография XX века – Ярославль, 1992. С. 23–34.
94. Петрушевский Д. М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века – М., 2018.
95. Петрушевский Д. М. Восстание Уота Тайлера. М.: «АФИ», 2013.
96. Писарев Ю. И. Феодалный иммунитет в Англии XIV века (к постановке проблемы) // Англия в эпоху феодализма. – М, 1988. С. 14–25.
97. Писарев Ю. И. Класс феодалов и сословная монархия в Англии XIV века. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1975.

98. Поулсен Ч. Английские бунтари. М.,1987.
99. Пти-Дютайи Шарль. Феодалная монархия во Франции и в Англии X–XIII веков: [Пер. с фр.] / Авт. вступ. ст. Карачинский А. Ю. – Санкт-Петербург: «Евразия», 2001.
100. Рафиенко Л. С. Роль Лондона в политической борьбе в Англии начала XIV века // Ученые записки. Иркутский пед. ин-т. Выпуск.16. – Иркутск, б.г.– С. 299–317.
101. Репина Л. П. Феодалные элиты и процесс этнической консолидации в средневековой Англии // Элита и этнос средневековья. – Москва: ИВИ, 1995– С. 228–237.
102. Репина Л. П. Место и роль городского представительства в английском средневековом парламенте // Власть и политическая культура в средневековой Европе. – Москва: ИВИ, 1992.
103. Романовская В. Б., Минеева Т. Г. Право и политика в позднесредневековой Англии: истоки европейского либерализма. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2005.
104. Савело К. Ф. Раннефеодалная Англия. Л.,1977.
105. Савин А. Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М.: «АФИ», 2012.
106. Сапрыкин Ю. М. Английское завоевание Ирландии (XII–XVII вв.). М.,1982.
107. Сапрыкин Ю. М. Народные движения в Англии и Ирландии в XVI в. М.,1963.
108. Сапрыкин Ю. М. Аграрный строй английской колонии в Ирландии в XIII в. // Средние века: Сборник. – Москва: Наука, 1942. Вып. 25. – С. 147–165.
109. Семенов В. Ф. История средних веков. М.,1970.
110. Серегина А. Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. – Санкт-Петербург: «Алетейя», 2006.
111. Соколов В. Реформация в Англии (Генрих VIII и Эдуард VI). М.,1881.
112. Соколова М. Н. Поместье в Англии до нормандского завоевания // Средние века. М.,1969. Вып. 32.

113. Сьюард Д. Генрих V. Смоленск: «Русич», 1996.
114. Томсинов В. А. Римское право в средневековой Англии // Проблемы социального развития. Вып. 22. Свердловск, 1985. – С. 122–133.
115. Тревельян Д. М. Социальная история Англии. М., 1959.
116. Уайтлок А. В постели с Елизаветой. Интимная история английского королевского двора. М.: «Центрполиграф», 2015.
117. Уолтер М. Кто были древние бритты?: Ист., географ., этнограф. и лит. исслед.: [Пер. с англ.] /. – Москва: ЗАО "Кудесники", 2001.
118. Хейг Г. Елизавета I Английская. Ростов-на-Дону «Феникс», 2005.
119. Устинов В. Ричард III. М.: «Молодая гвардия», 2015.
120. Федоров К. Г., Лисневский Э. В. История государства и права зарубежных стран. Ч.1. Ростов-на-Дону, 1992.
121. Филлипс Ч. Короли и королевы Британии. М., 2009.
122. Флори Ж. Ричард Львиное Сердце. Король-рыцарь. СПб: «Евразия», 2008.
123. Цвейг С. Мария Стюарт (любое издание).
124. Цветков С. Э. Узники Тауэра. М.: «Армада-Пресс», 2001.
125. Черчилль У. Рождение Британии. Смоленск, 2002.
126. Черчилль У. Британия в новое время. XVI–XVII вв. Смоленск, «Русич», 2005.
127. Чхартишвили Г. Е. Английский город в XI–XIII вв. – Тбилиси, 1963.
128. Чхартишвили Г. Е. Некоторые вопросы истории городов Англии XII–XIII вв.– Тбилиси: Изд. Тбил. ун-та, 1967.
129. Широкова Н. С. Римская Британия. Очерки истории и культуры. СПб: «Гуманитарная академия», 2016.
130. Штокмар В. В. Идеология английского абсолютизма в письмах Елизаветы Тюдор // Учёные записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 17. Л., 1950. С. 223–248.
131. Штокмар В. В. Очерки по истории Англии XVI в. Л., 1957.
132. Штокмар В. В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Ленинград: Изд-во Ленинградского государственного университета, 1962.

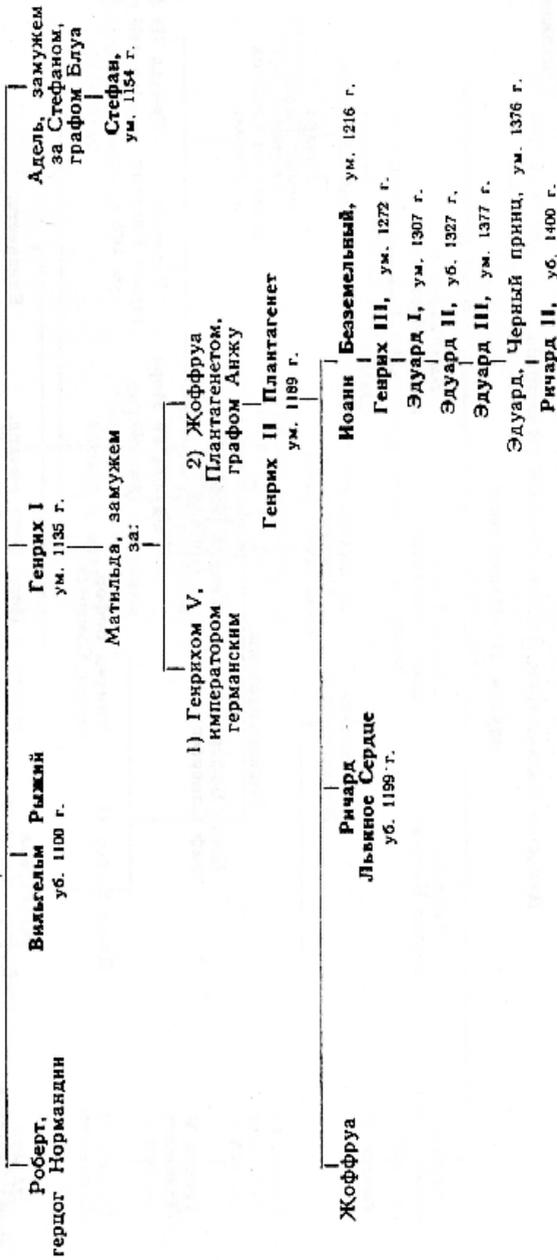
133. Штокмар В. В. Некоторые условия и дипломатическая подготовка объединения Англии и Шотландии в конце XVI–начале XVII вв. // Англия XIV–XVII вв.: Проблемы генезиса капитализма. Вып. 2. Горький, 1974.
134. Штокмар В. В. Особенности пуританского движения конца XVI– первой трети XVII в. и начало конфликта между пуританами и абсолютной монархией // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Вып. 3. Л., 1980.
135. Штокмар В. В. История Англии в средние века. М.: Алетейя, 2000.
136. Элисон Уэйр. Французская Волчица – королева Англии. Изабелла / Пер. Немирова А.. – М.: АСТ: Астрель, 2010.
137. Эплби Д. Т. Иоанн, король Англии. М.: «Центрполиграф», 2018.
138. Эплби Д. Т. Генрих II. М.: «Центрполиграф», 2014.
139. Эриксон К. Мария Кровавая. М., 2002.
140. Эриксон К. Елизавета I. М.: АСТ, 2001.
141. Эрлихман В. В. Король Артур. М., 2009.
142. Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (XIV– начала XVI века). Саратов, 1983.

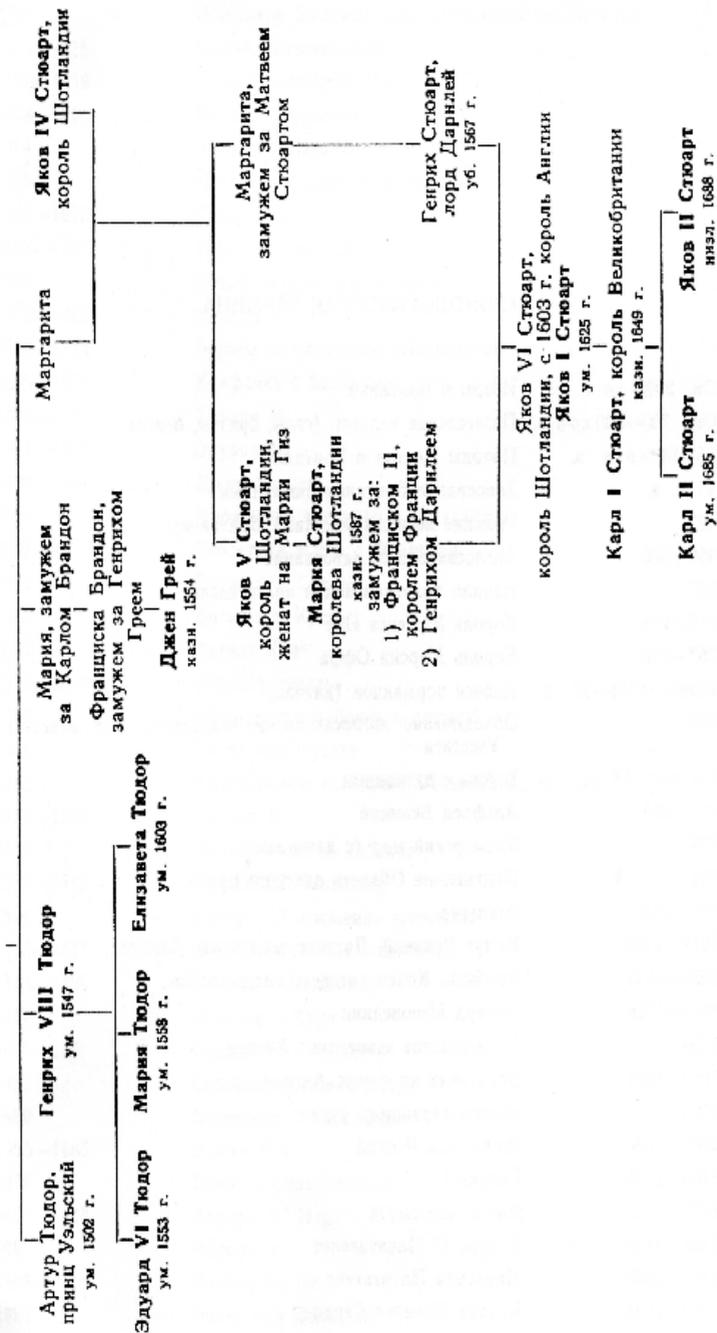
Приложения

Приложение I

Нормандская династия и династия Плантагенетов

Вильгельм Завоеватель (герцог Нормандии, король Англии с 1066 г.)
ум. 1087 г.

Учебное издание

ЕГОРОВ Александр Александрович

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

ЧАСТЬ I

АНГЛИЯ В ДРЕВНОСТИ И В СРЕДНИЕ ВЕКА

Учебник

для студентов высших учебных заведений

Подписано в печать 12.11.2018 г.

Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16. Усл. печ. лист. 13,25.

Уч. изд. л. 10,53. Заказ № 6707. Тираж 300 экз.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.